

А.П. Латкин, И.В. Жуплей

СТРУКТУРНАЯ ПОЛИТИКА РАЗВИТИЯ ПОТЕНЦИАЛА ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОГО ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Министерство науки и высшего образования
Российской Федерации

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Владивостокский государственный университет»

А.П. Латкин, И.В. Жуплей

**СТРУКТУРНАЯ ПОЛИТИКА РАЗВИТИЯ
ПОТЕНЦИАЛА ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОГО ДАЛЬНЕГО
ВОСТОКА**

Монография

Владивосток
Издательство ВВГУ
2023

УДК 332.1:631(571.6)
ББК 65.04(255)-98*65
Л27

Рецензенты: *Л.А. Крохмаль*, д-р экон. наук, первый проректор Дальневосточного государственного аграрного университета;
В.Ю. Буров, д-р экон. наук, доцент, директор института экономики Забайкальского государственного университета

Латкин, Александр Павлович

Л27 Структурная политика развития потенциала продовольственной безопасности российского Дальнего Востока : монография / А.П. Латкин, И.В. Жуплей ; Владивостокский государственный университет. – Владивосток: Изд-во ВВГУ, 2023. – 164 с.

ISBN 978-5-9736-0700-5 DOI: <https://doi.org/10.24866/0700-5-2023>

В монографии представлены результаты многолетних исследований процессов формирования и реализации структурной политики обеспечения продовольственной безопасности российского Дальнего Востока на основе эффективного использования потенциала развития регионального сельскохозяйственного производства. Изложенные теоретико-методические положения и выводы базируются на теории пространственного развития, обобщении большого количества научных работ отечественных и зарубежных ученых, а также систематизации государственных подходов к управлению этим неординарным по геостратегическому значению и экономико-географическому положению макрорегионом при переходе от плановой к рыночной системе хозяйствования.

Для научных сотрудников академических и отраслевых институтов, руководителей и специалистов органов государственной власти и местного самоуправления, преподавателей, аспирантов и магистрантов высших учебных заведений.

УДК 332.1:631(571.6)
ББК 65.04(255)-98*65

ISBN 978-5-9736-0700-5

© Латкин А.П., Жуплей И.В.,
текст, 2023

© ФГБОУ ВО «Владивостокский государственный университет», оформление, 2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	4
ВВЕДЕНИЕ	5
Глава 1. ТЕОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ СТРУКТУРНОЙ ПОЛИТИКИ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ	7
1.1. Структурная политика в системе управления регионом	7
1.2. Методологические аспекты формирования структурной политики	17
1.3. Особенности государственной структурной политики развития российского Дальнего Востока	30
Глава 2. ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОДХОДОВ К РЕСТРУКТУРИЗАЦИИ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА	46
2.1. Методы оценки эффективности структурных сдвигов в региональном сельскохозяйственном производстве.....	46
2.2. Трансформация структуры регионального сельскохозяйственного производства при переходе от плановой экономики к рыночной	55
2.3. Анализ эффективности структурных изменений в региональном сельскохозяйственном производстве.....	76
Глава 3. ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ И ВОЗМОЖНОСТИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА НА ОСНОВЕ СТРУКТУРНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ РЕГИОНАЛЬНОГО СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА	88
3.1. Динамика участия регионального сельскохозяйственного производства в обеспечении продовольственной безопасности региона	88
3.2. Рационализация структуры сельскохозяйственного производства с учётом сравнительной конкурентоспособности сельскохозяйственных организаций различных организационно-правовых форм	100
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	124
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	127
ПРИЛОЖЕНИЯ	136

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АПК	– агропромышленный комплекс
ВВП	– валовой внутренний продукт
ВРП	– валовой региональный продукт
ГП	– государственная программа
ДФО	– Дальневосточный федеральный округ
ЕАЭС	– Евразийский экономический союз
ЕЭС	– Европейское экономическое сообщество
К(Ф)Х	– крестьянское (фермерское) хозяйство
ЛПХ	– личное подсобное хозяйство
РХК	– региональный хозяйственный комплекс
СПВ	– свободный порт Владивосток
СХО	– сельскохозяйственная организация
СХПК	– сельскохозяйственный производственный кооператив
ТОСЭР	– территория опережающего социально-экономического развития
ТОР	– территория опережающего развития
ФЦП	– федеральная целевая программа

ВВЕДЕНИЕ

На протяжении всей истории освоения и развития Дальнего Востока важнейшей стратегической задачей национальной государственной политики являлось обеспечение его продовольственной безопасности. Успешность решения данной задачи с учетом отдаленности макрорегиона от центров масштабного сельскохозяйственного производства при специфических особенностях природно-климатических условий на значительной части дальневосточных территорий имела определяющее значение в формировании необходимых параметров демографического и производственного потенциалов развития. При этом всегда сохранялась высокая роль Дальнего Востока в выполнении ряда государственных функций, включая производство рыбной продукции для нужд населения всей страны.

При подобной практике можно признать закономерным долгие годы существовавший в советский период дисбаланс государственного внимания к развитию сельскохозяйственного и рыбохозяйственного производств на Дальнем Востоке в пользу последнего на основе приоритетного рассмотрения общенациональных интересов. При централизованной системе государственного управления продовольственная обеспеченность динамично развивающегося макрорегиона, включая даже его вполне пригодные для сельскохозяйственного производства южные территории, достигалась транспортировкой значительных объемов продукции растениеводства и животноводства из западных, в том числе сибирских районов.

Таким образом, в течение многих лет структурная политика и, соответственно, формирование рациональной структуры сельскохозяйственного производства Дальнего Востока с учетом его особых природно-климатических условий не являлись приоритетом принимаемых государственных стратегических решений. Проведенная же в рамках рыночных преобразований либерализация внешнеэкономической деятельности без объективной оценки сравнительной конкурентоспособности сельскохозяйственной продукции в дальневосточных российских и приграничных с ними районах Китайской Народной Республики существенно снизила экономическую целесообразность устранения отмеченного выше дисбаланса без перехода к новой парадигме государственного управления продовольственной безопасностью Дальнего Востока.

Как отмечает О.С. Сухарев и считают авторы данного исследования, разнообразие теоретических подходов к пониманию категории «структурная политика» объясняется тем, что на протяжении длительного времени в России отсутствует «национальная концепция долгосрочного социально-экономического развития, формирующая общее видение желаемого образа экономики страны, её места в мировом хозяйстве и внутреннего строения» [70, с. 81].

В настоящее время и в ожидаемой среднесрочной перспективе в развитии российской экономики на угрозы внешнего характера накладываются внутри-страновые и внутрирегиональные вызовы, в том числе сокращение значительной части международных кредитных ресурсов, искусственные ограничения в сфере доступа к современным технологиям, существенное лимитирование внешней торговли со странами Евросоюза и США.

Этим объясняется актуальность, теоретическая и практическая значимость настоящего исследования, направленного на развитие теоретико-методологических положений осуществления государственной структурной политики обеспечения продовольственной безопасности российского Дальнего Востока на основе устойчивого роста конкурентного потенциала его агропромышленного комплекса, эффективного использования инструментов частногосударственного партнерства и интеграционного взаимодействия со странами Восточной Азии.

Для достижения поставленной цели авторами в логической последовательности исследованы методологические аспекты формирования структурной политики в системе управления регионами, выявлены и систематизированы особенности и проблемы организации этого процесса применительно к обеспечению продовольственной безопасности Дальнего Востока на основе реструктуризации сельскохозяйственного производства.

В рамках решаемых исследовательских задач сделано теоретическое обобщение применяемых на современном этапе методов оценки эффективности структурных сдвигов, разработан и апробирован авторский методический инструментарий для анализа эффективности структурных изменений в региональном сельскохозяйственном производстве за последние годы с его дифференциацией по всем дальневосточным субъектам РФ.

Полученная в ходе этого исследования научно-эмпирическая база позволила разработать основные положения стратегии рационализации структуры сельскохозяйственного производства Дальнего Востока с учетом новых внутренних и внешних вызовов его развития как ключевого условия обеспечения региональной продовольственной безопасности.

Обоснованность ключевых теоретико-методологических и методических положений, сформулированных в монографии выводов и рекомендаций базируется на использовании современной научной литературы и защищенных в последние годы диссертационных исследований, официальных данных государственной статистики, результатов экспертного оценивания и специальных социологических срезов, фактологических данных обследования СХО региона.

Глава 1. ТЕОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ СТРУКТУРНОЙ ПОЛИТИКИ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

1.1. Структурная политика в системе управления регионом

Структурная политика всегда являлась важной составляющей государственного управления экономикой и эффективным инструментом решения широкого спектра задач социально-экономического развития регионов. При этом роль структурной политики существенно возрастает в условиях современных геополитических угроз и вызовов, инициирующих новые проблемы и ограничения в развитии России при сохранении базовых теоретико-методологических положений ее формирования и реализации.

Ключевым из теоретико-методологических оснований, по мнению многих исследователей, является неотделимость структурной политики от управления решением оперативных и стратегических задач государства и регионов. Так, по справедливому утверждению коллектива исследователей НИУ ВШЭ, «в российской практике отмечаются такие проблемы, как локальность достигнутых результатов, недостаточная ориентированность на новые драйверы изменений, ведомственность и избыточная «дробность» направлений, слабая селекция успешных практик» [67]. В качестве «повестки на будущее» ученые, оперируя необходимостью формирования в условиях высокой «технологической неопределенности» структурной политики «поисковой направленности», определяют задачу перехода к многомерной политике, ориентированной на совокупность структурных сдвигов в экономике, сопровождающуюся созданием эффективных управленческих команд по реализации соответствующих региональных инициатив [5, 7, 8]. А.Ю. Гончаров в этой связи акцентирует внимание на том, что «сбалансированное региональное развитие следует рассматривать как континуальный процесс взаимодействия укрупненных субъектов мезоэкономики, испытывающий на себе влияние различных факторов», сгруппированных ученым по нормативно-правовому, финансово-экономическому, административному, ценностно-культурному признакам, а также по инновационной среде региона [6]. Авторы, в общем поддерживая такой подход, считают необходимым акцентировать внимание на том, что, хотя подобная постановка не претендует на оригинальность, проблематика эффективного управления региональной экономикой с учетом интересов ее субъектов по-прежнему требует адекватного решения.

Обобщение теоретического материала по структурной политике, а также опыт собственных исследований дают возможность авторам выделить базовые теоретические понятия структурной политики, в рамках которых осуществляется ее управляющее воздействие, и определить направления взаимосвязи и соподчиненности данных понятий (рис. 1.1).

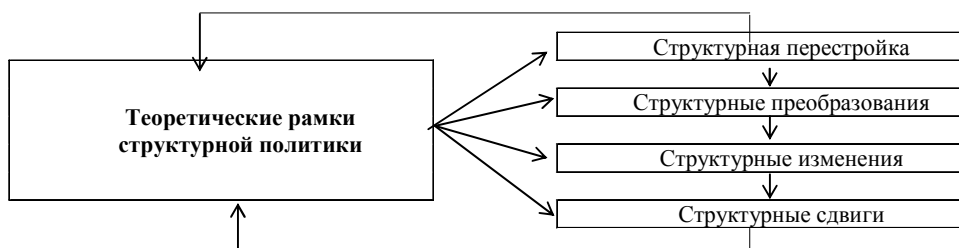

Рис. 1.1. Состав и соподчиненность базовых понятий структурной политики

Общее понимание структурной политики в большей части исследований интерпретируется как механизм воздействия органов государственной власти на внутреннее структурное устройство экономики посредством комплексной реализации инвестиционной, промышленной, инновационной и других политик [16, 24, 99]. Институциональные факторы при этом становятся определяющими для рассмотрения задач и эффектов, связанных с управлением [69, 87, 90].

Под структурной перестройкой большинство отечественных ученых понимают «глубокие преобразования производительных сил, определяемые необходимостью технологического обновления производств и отраслей, с адаптацией к изменяющимся внутренним и внешним условиям» [3]. Авторы солидарны с этой интерпретацией дефиниции «структурная перестройка», поддерживая необходимость структурной перестройки экономики как основы модернизации национального хозяйства страны на базе «прорывных» инновационных технологий отечественной селекции [9, 44]. Показательна в данном контексте позиция О.Ю. Красильникова, обращающего внимание на возможность для государств, осуществляющих структурный прорыв и развивающих прогрессивные структурные сдвиги, «перегнать не догоняя» [30]. Авторы считают, что для преломления «догоняющего развития», имманентного экономике России последних десятилетий, ключевые позиции в национальной хозяйственной системе должны занимать наукоемкие отрасли и отрасли, базирующиеся на прорывных инновационных технологиях, в том числе обновленное сельское хозяйство. Более того, когда речь идет о товарах и услугах, составляющих основу жизнедеятельности общества и его безопасности в самых широких аспектах, приоритеты структурной политики должны определяться иерархией иных целей и критериев, чем критерий конкурентоспособности в сравнении с мировым уровнем [9].

Структурная перестройка, в свою очередь, инициирует структурные преобразования, направленные, с одной стороны, на сокращение неэффективных производств, а с другой – на увеличение в экономике доли конкурентоспособных производств и видов деятельности. На первом этапе их рост «возмещает» спад в «старых» производствах, при этом происходит устойчивая стабилизация объема внутреннего валового продукта и валового регионального продукта. Затем (в идеале) рост более результативного сектора экономики должен «перекрыть» размеры спада производства на старых мощностях (которые не смогли обеспечить выпуск пользующейся спросом продукции с приемлемыми издержками), и таким образом начинается процесс роста экономики в целом.

Продуктом структурных преобразований, по мнению авторов, являются структурные изменения, выражающиеся в изменении пропорций экономической системы в ответ на воздействие структурообразующих факторов. Структурные изменения количественно можно оценить посредством изучения динамики долей, весов и пропорций в отраслях и производствах.

В экономической литературе нередко отождествляются понятия «структурные сдвиги» и «структурные изменения». С нашей точки зрения, структурные изменения – понятие более широкое по сравнению с понятием структурного сдвига, хотя последний также оперирует долевыми категориями, т.е. в авторском понимании структурные сдвиги – это локализованные структурные изменения, для которых возможно определить граничные точки, при переходе через которые структурный сдвиг «перерастает» в структурное изменение.

Изучение механизма структурных сдвигов помогает находить оптимальные пути и методы их осуществления в целях создания эффективной экономической структуры. Управляя организационно-экономическими процессами, можно создать антикризисный механизм структурных изменений, повысить производительность труда и эффективность экономики в целом. Последнее чрезвычайно важно в настоящее время.

Ввиду того, что стратегические направления структурной перестройки и структурных преобразований формируются на общегосударственном уровне, а тактические направления, инициирующие структурные изменения и структурные сдвиги в отраслях и производствах, локализуются в рамках региона, системное обеспечение структурных преобразовательных мероприятий возможно в рамках именно структурной политики региона [17].

Необходимо отметить, что в советский период принципы построения структурной политики были иные, чем в рыночной экономике, в связи с тем, что направленность структурной политики определялась на высокоагрегированном уровне в рамках страны в целом. В СССР глобальной задачей структурной политики было достижение самообеспечения страны стратегически важными видами продукции с локализацией определенных производств в регионах, определенных планами развития государства [88], т.е. регион как субъект структурной политики имел очень низкий уровень самостоятельности. В рыночных условиях, напротив, роль регионального управления структурными изменениями значительно возросла по причине провозглашения нового принципа экономической самостоятельности регионов.

Целью управления структурными преобразованиями экономики региона становится формирование рационального состава видов деятельности (отраслей) и объемов их выпуска, сбалансированных по соотношению крупных, средних и малых предприятий, способных обеспечить требуемую экономическую базу решения задачи повышения качества жизни населения при соблюдении необходимого уровня инновационности и конкурентоспособности экономики, способности производить наукоемкую продукцию, в том числе на экспорт, а также допустимого уровня зависимости экономики от импорта и цен на углеводороды на мировых рынках. Способы достижения цели сводятся к мотивированию региональных бизнес-структур, а также привлечению внешних инвесторов к развитию

приоритетных для региона отраслей производства, внедрению инноваций и новых технологий в производства, соответствующие сформированному облику структуры экономики [36]. Таким образом, получается, что на определенном этапе задача управления реструктуризацией экономики трансформируется в управление инвестициями, точнее, в их получение и распределение по отраслям в соответствии со сформированным обликом структуры экономики.

Анализ исследований по данной тематике позволяет авторам выделить основания, обуславливающие значимость структурных аспектов экономической политики региона в постсоветский период:

1. При предкризисных ситуациях возникает необходимость структурного маневра в сфере производства и образования доходов. Здесь структура производства, доходов и цен выступает в качестве существенного ограничения, особенно в том случае, когда сформировались значительные разрывы между параметрами эффективности производства по видам деятельности. В такой ситуации начинают давать сбои механизмы перелива капитала, а значительная часть спроса может покрываться за счет ввозимой из-за рубежа продукции [54].

2. Качество экономики меняется, определяясь структурой экономики и стоящими перед ней задачами. Задается цель, которая реализуется в структурной политике, когда инвестиции направлены на определенные элементы структуры. Основная проблема заключается в том, что вместо Госплана в рыночной экономике России есть рынок и его надо стимулировать, нужно создать систему, при которой бизнесу было бы выгодно работать [20].

3. Структурная политика, нейтрализующая эффект технологического дуализма, – это центральное направление технологического обновления в России, необходимое для организации принципиально новой модели экономического роста [70]. Иные решения при низкой координации усилий (что наблюдается и сегодня в условиях растущего санкционного давления) вряд ли обеспечат успешный во всех отношениях результат. Необходима программа развертывания недостающих отраслей и производств с выделением ресурсов на них, организационное формирование механизма ввода отечественных технологий по приоритетным направлениям развития хозяйственной системы.

В условиях рыночных форм хозяйствования структурная политика становится, с одной стороны, механизмом корректировки структурных деформаций реального сектора экономики, а с другой – инструментом, позволяющим формировать общегосударственные, региональные, внутри- и межотраслевые пропорции, необходимые для прогрессивного развития аграрного сектора и национального хозяйства в целом.

Развитие регионов, необходимость структурной перестройки региональных экономик, представляющие собой момент реализации общегосударственной стратегии управления, предполагают не просто упорядочение отдельных звеньев и свойств организованной региональной системы, но и внедрение в эту систему новых рыночных элементов при ликвидации старых административных звеньев.

Рассмотрим структурно-логическую схему управления структурными преобразованиями региона (рис. 1.2). Управленческая информация вышестоящей организации поступает в исполняющую систему управления нижестоящей орга-

низации, где происходит корректировка цели преобразования и определяется роль реструктуризуемого субъекта, и одновременно в блок контроля, в котором отслеживаются структурные преобразования. Затем управленческая информация попадает в аналитический блок, где реализуется подготовительный этап структурных преобразований. При необходимости изменения структуры субъекта информация попадает в прогнозный блок, где происходит реализация стадии вариантов программ структурных преобразований, при этом возможно применение межотраслевых моделей балансового типа. На следующем этапе информация попадает в блок оперативного управления, где происходит реализация стадии организации процесса согласования интересов и непосредственно согласование интересов участников сторон, а также осуществление стадии практической реализации структурных преобразований с учетом информации, поступающей с контролирующего блока на прогнозный блок.

Рис. 1.2. Структурно-логическая схема управления структурными преобразованиями региона

Примечание: построено авторами.

После осуществления структурных преобразований информация о состоянии объекта структурных преобразований вместе с информацией о состоянии внешней среды поступает в контролирующий блок контроля, в котором анализируется, корректируется, а затем поступает в вышестоящую систему управления, принимающую решение о формировании управленческих решений в части структурных преобразований регионального субъекта (где цикл управленческих процедур по реструктуризации экономического субъекта завершается).

Показатели для оценивания рациональности региональной структуры сведены в табл. 1.1.

Таблица 1.1

Система показателей для оценивания рациональности региональной структуры

Характеристическое свойство структуры экономики	Показатели, отражающие интенсивность проявления характеристического свойства
Результативность	Индекс роста ВРП (абсолютный и в расчете на душу населения); индекс роста промышленного производства; индекс роста сельскохозяйственного производства; индекс роста розничного товарооборота; объем доходной части консолидированного бюджета региона; средняя заработная плата в промышленности; средняя заработная плата в сельском хозяйстве
Стоимость	Объем инвестиций в целом и по отраслям
Структурная гибкость	Соответствие состава отраслей приоритетам социально-экономического развития региона
Инновационность	Количество инновационных рабочих мест всего и по отраслям, созданных в процессе структурных преобразований; инновационная активность организаций в разрезе отраслей
Конкурентоспособность	Индекс роста конкурентоспособности отраслей и экономики региона
Импортозависимость	Удельный вес полных затрат импорта в совокупном объеме стоимости конечной региональной продукции
Сбалансированность по соотношению крупных, средних и малых предприятий	Удельный вес крупных (средних, малых) предприятий в общем количестве предприятий региона
Способность производить наукоемкую продукцию	Удельный вес наукоемкой продукции в ВРП; удельный вес наукоемкой продукции в составе экспортируемой продукции
Зависимость от цен на углеводороды на мировых рынках	Доля нефтегазовых отраслей (видов деятельности) в доходной части консолидированного бюджета региона

Примечание: составлено по [87].

Данная система показателей, в отличие от известных, дает возможность осуществить выбор рациональной структуры и осуществить управление структурной перестройкой с учетом более широкого спектра влияния реструктуризации на экономику региона, позволяет учитывать большее количество условий функционирования и, соответственно, большее количество критериев. В этом случае выбор рациональной структуры производства в n -мерном пространстве параметров среди m -мерного многообразия вариантов.

Рассматривая структурные условия и факторы, характерные для структурной политики России и ее регионов, следует в первую очередь акцентировать внимание на том, что управляемые структурные преобразования могут стать драйвером экономического роста. Обусловлено это следующими причинами:

1) снижением темпов экономического роста из-за значительного влияния мировых финансовых кризисов и череды зарубежных санкций;

2) тем, что структура российской экономики неэффективно вписывается в глобальную экономику из-за сырьевой направленности и промышленности первичных «переделов»;

3) низкой инвестиционной и научно-инновационной активностью отечественной экономики, не позволяющей «навязывать» конкурентную борьбу импортной продукции;

4) слабым использованием конкурентных преимуществ, связанных с развитием пространственной организации отраслей экономики, осуществлением ее синхронизации с социально-экономическим функционированием территорий.

В условиях рынка структурные преобразования, структурная перестройка, структурные сдвиги и, наконец, структурное развитие (как производные структурной политики) должны выдвигаться на первый план, но не в «стихийном» (как ранее) виде, а посредством реализации научно обоснованных методик, учитывающих, кроме прочего, пространственный аспект размещения регионального аграрного хозяйства.

Проблема состоит в том, что цели и ориентиры государства в сфере структурных изменений сложны и противоречивы. Правительственные органы исходят из того, что непосредственная поддержка передовым отраслям является нарушением правил конкуренции, а отраслям, шансы которых в конкурентной борьбе снижаются, оказывается своего рода «социальная» помощь.

При структурном управлении нельзя игнорировать специфичность отдельных отраслей национальной экономики, соотношения в структурной политике национальной или региональной системы, а также в структурной политике отдельных отраслей и производств. Все отмеченное в полной мере относится к сельскому хозяйству.

Отрасли сельского хозяйства во всем развитом мире имеют низкую долю в ВВП, но тем не менее их считают более стратегически важными по сравнению с промышленностью и транспортом. Такая особая роль сельского хозяйства объясняется тем, что у сельского хозяйства имеются очень важные стимулы развития, которые могут определяться траекторией структурных изменений, в том числе исходя из законов международного разделения труда.

Отдельно остановимся на «историческом анамнезе» структурных проблем в сельском хозяйстве РФ, многие из которых «произрастают» из ускоренного перехода на рыночные отношения экономики страны в 90-х годах прошлого века.

Аграрная структура России в период дорыночных отношений характеризовалась крупными производственно-хозяйственными единицами с компактными земельными массивами, сложившейся внутрихозяйственной производственной структурой, определенной специализацией, высоким уровнем интенсификации отрасли растениеводства. Сельскохозяйственный сектор страны конечной целью считал производство валовой продукции, реализация которой гарантировалась государством по твердым закупочным ценам. Доступность дешевых кредитов, дотаций государства на отдельные виды деятельности не стимулировала аграрный сектор к совершенствованию его структуры, иницируя в определенной степени «застой» в сельском хозяйстве [14], т.е. необходимость в структурных преобразованиях была очевидна, но форма и логика их проведения не позволяли устранить структурные проблемы в сельском хозяйстве, а, напротив, усугубили их, иницировав разрушение существующих территориально-отраслевых и производственных структур страны.

Хочется обратить при этом особое внимание на то, что концептуальными основами проводимых в РФ аграрно-рыночных преобразований явилась разработанная в США и предложенная в 1992 г. России программа «Стратегия реформ в продовольственном и аграрном секторах экономики бывшего СССР. Программа мероприятий на переходный период». Согласно данной программе Правительству РФ было, в частности, рекомендовано: срочно «встроиться» в мировую экономику с наименьшими преградами; либерализовать цены на внутреннем рынке; принять закон о ничем не ограниченной свободной продаже земли; разработать процедуру реорганизации колхозно-совхозной системы страны, распределив материальные и земельные ресурсы среди работников; урезать субсидии сельскому хозяйству до полутора процентов ВВП; уменьшить капитальные вложения в аграрный сектор в 12 раз и др. [84, с. 30].

Реализация названной программы в переходный период очевидным образом иницировала серьёзные качественные изменения в структуре аграрной экономики. Поэтому произошедшие структурные сдвиги стали не только очевидной пролонгацией «структурно-технологических» дисбалансов, доставшихся нашему государству в наследство от прошлого, но и итогом ускоренного интегрирования экономики РФ в глобальную экономическую систему. По существу, реализовывались кратковременные экономические конкурентные преимущества экспорта первичных ресурсов в условиях открытого рынка, в то время как другие отрасли отечественной экономики (сельское хозяйство в первую очередь) были обречены на всё большую стагнацию [2].

Следует отметить, что подъём цен на сельскохозяйственную продукцию поощряет «спекулятивные» инвестиции, по определению западных экономистов, так называемый «неустойчивый товарный бум» (soft commodities boom).

Высокие цены на продукты питания – проблема, актуальная во всем мире. Например, для выпуска килограмма говядины канадский фермер расходует 7 кг кукурузы. Поэтому рост цен на зерно приводит к удорожанию производства

говядины. В США повышение цен на зерно привело к сокращению поголовья животных. По данным газеты «Times», общее производство мяса на одного человека сократилось примерно на 1,7 фунта (1 фунт – 454 г). Фермеры сокращают поголовье животных из-за высоких затрат на их содержание и отдают предпочтение производству зерновых культур. Это приводит к другой структурной проблеме: перепроизводству зерна и дефициту мяса. В то же время спрос на продукты питания продолжает расти. Увеличение потребления мяса в развивающихся странах составило в среднем 4,8% в год за последние десять лет против всего 0,5% в развитых странах. В частности, в Китае темп роста потребления мяса на душу населения составляет 2 кг в год на протяжении последних десяти лет [102], т.е. структурные дисбалансы в аграрной сфере – реалии мирового продовольственного рынка.

Крупное высокотоварное сельскохозяйственное производство индустриального типа становится основой стратегического курса на обеспечение продовольственной безопасности страны в условиях глобализации, санкций – антисанкций и решения проблемы импортозамещения.

На современном этапе в агропромышленном производстве крупнотоварное предпринимательство в отдельных субъектах РФ развивается на основе формирования вертикально-интегрированных структур холдингового типа. Развитие агрохолдингов, учреждённых частными инвесторами, в ходе институциональных преобразований происходит достаточно сложно. Каждый из них аккумулирует немалые земельные и имущественные ресурсы сельскохозяйственных, перерабатывающих, обслуживающих и других предприятий. Имеет место постепенное поглощение мелкого предпринимательства крупным бизнесом: некоторые крестьянские подворья являются структурными элементами агрохолдингов и наоборот.

В этой связи (несмотря на множество преимуществ крупного предпринимательства) встает проблема монополизации в сельскохозяйственном производстве. Поэтому в рамках структурной политики уделяется внимание и развитию различных видов кооперации на всех уровнях. Именно сельскохозяйственная кооперация способна стать альтернативой для тех, кто не желает вступать в агрохолдинги, лишаясь своей хозяйственной самостоятельности. Поэтому кооперация может стать действительным конкурентом торговым сетям на агропродовольственном рынке.

Противоречивые явления, имеющие место в течение рыночного изменения аграрного сектора, отражают и изменения в числе и составе сельскохозяйственных предприятий. С одной стороны, тенденция к уменьшению фактических размеров сельхозпредприятий при увеличении их количества отражает структурные изменения, обращённые на приспособление к рыночным условиям; с другой – унаследованные энергоёмкие трудозатратные технологии производства продукции растениеводства и животноводства при низких урожайности сельхозкультур и продуктивности скота приносят отрицательную добавленную стоимость.

«Выдавливание» сельхозпредприятий из официальной аграрной экономики происходит по ряду причин. Это и диспаритет цен, и недоступность для большинства предприятий субсидированных кредитов, и недостатки во взаимоотно-

шениях с бюджетами различных уровней и налоговыми органами, и упущения федеральных и региональных органов власти в целенаправленном регулировании аграрного сектора, и неподготовленность основной части руководителей к освоению рыночных механизмов, и многое другое. Но, в первую очередь, это нерациональная отраслевая структура многих сельскохозяйственных организаций, которая нередко мешает адаптации аграрных предприятий к рыночным условиям: ограниченные экономические ресурсы рассредоточены; отрасли и подотрасли не имеют оптимального размера, при котором обеспечивалась бы высокая продуктивность и безубыточность производства. Важным вопросом структурной политики в сельском хозяйстве является и вопрос о ресурсах, за счёт которых должен происходить экономический рост, и об их целевом использовании.

Авторы считают необходимым выделить ряд важных составляющих структурной политики, касающихся специфики управления структурными преобразованиями в сельскохозяйственном производстве:

1. Роль региональных органов управления сельского хозяйства должна состоять в формулировании концепции структурной политики, создании благоприятного экономического и правового климата, консолидации усилий всех субъектов аграрной экономики для проведения структурных преобразований.

2. Комплекс приоритетных направлений структурных преобразований в сельском хозяйстве региона можно представить в следующем виде:

– оптимизация отраслевой структуры регионального сельского хозяйства по тем направлениям, по которым оно имеет потенциально сравнительные преимущества на региональном, межрегиональном или мировом рынках сельскохозяйственной продукции;

– формирование проектов «зонального развития», предусматривающих выявление «точек роста», в соответствии с которыми будет определяться целесообразное размещение производства продукции по территории региона, возможность развития альтернативных производств с использованием рекреационного и культурно-исторического потенциалов территории;

– достижение и поддержание паритета цен на сельскохозяйственную и промышленную продукцию;

– наибольшее включение в хозяйственный оборот и увеличение эффективности использования природных, материальных и трудовых ресурсов на основе углубления мотивационных механизмов, развития инновационно-инвестиционной деятельности и технического перевооружения аграрного сектора сельского хозяйства, формирования ресурсосберегающей политики, обеспечения экономической безопасности;

– развитие всех форм бизнеса; создание равных условий для развития и получения доходов, формирование эффективной конкурентной среды и взаимовыгодных отношений между субъектами аграрной экономики; достижение адекватных государственной поддержке пропорций в агросфере;

– структурная трансформация на микроуровне, предполагающая комплексное преобразование СХО и направленная на повышение их финансовой устойчивости и конкурентоспособности;

– формирование разветвленной инфраструктуры (производственной, рыночной, социальной), способной полностью реализовать потенциал региональной аграрной системы и обеспечить её стабильное функционирование.

3. Структурная политика, дифференцированная с учётом региональных особенностей, – важная составляющая комплексной экономической государственной политики в условиях рынка. При этом корректно ориентированная и научно обоснованная структурная политика позволит создать эффективные организационно-экономические рычаги заинтересованности работников сельхозорганизаций в устойчивых темпах экономического роста.

4. Посредством механизмов субсидирования сельского хозяйства и дифференциации господдержки по регионам можно «выровнять» структурные «перекосы», избавив село от неправомерной «перекачки» ресурсов в несельскохозяйственные отрасли экономики.

Рассмотрение базовых понятий структурной политики и особенностей управления на региональном уровне, выполненное в данном подразделе монографии, целесообразно дополнить изучением методических аспектов формирования структурной политики, исследовав в том числе историческую «картину» формирования структурных характеристик, и предусмотреть возможность построения алгоритма разработки и реализации структурной политики.

1.2. Методологические аспекты формирования структурной политики

Методологическими основами современной структурной политики являются теории структурных сдвигов и структурных кризисов, в формирование и развитие которых внесли научный вклад представители различных школ и направлений экономической мысли: Н. W. Herzog, R.J. Olsen [95], Л. С. Казинец [22], А. В. Чайнов [80], О. Ю. Красильников [31], J. Esteban [93] и др.

Ввиду того, что понимание современных проблем развития регионов России невозможно вне исторического и социально-экономического контекста, в рамках настоящего исследования представляется целесообразным рассмотреть генезиса понятий «пропорция», «структура экономики», «структурный сдвиг» и пр. Важно также понимание логической последовательности введения этих начальных структурных дефиниций (которые впоследствии и были положены в основу экономических теорий и связанных с ними структурных исследований обозначенных выше ученых) до возникновения осознания необходимости оценивания собственно пропорций, структуры (экономической, территориально-отраслевой, производственной), структурного развития и их влияния на функционирование и развитие социально-экономических систем.

Исследование значительного числа теоретических источников позволило структурировать развитие экономического знания в части формирования основ структурной политики от XVII в. по настоящее время. Критериальным признаком разработанной авторами и представленной ниже этапизации является уровень и глубина предложенного различными научными школами теоретико-методологического инструментария структурного анализа.

Первый этап научного осмысления структурных аспектов в экономической теории, по нашему мнению, связан с изысканиями основателя школы физиократов Франсуа Кенэ (1694–1774). Ученый в своих исследованиях уже пытается выделить некоторые пропорции, определить структуру экономики. При этом, по мнению Кенэ, необходимым условием развития экономики является соблюдение определенных пропорций в ее структуре. Франсуа Кенэ впервые обоснована модель общественного воспроизводственного процесса и необходимые условия, при которых происходит повторение процесса производства. Формирование равновесной структуры экономики французский экономист связывает не с ролью государства, а с рыночной конкуренцией на основе свободного ценообразования, акцентируя внимание на том, что единственной сферой, в которой возможен прирост богатства за счет избытка потребительных стоимостей над потребительными стоимостями, израсходованными в процессе производства является сельское хозяйство. Согласно Ф. Кенэ, обязательным является соблюдение определенных пропорций в структуре экономики, основанное на конкуренции и полной свободе ценообразования [25].

К данному этапу также отнесем исследования А. Смита (1723–1790), Д. Рикардо (1772–1823), А. Маршалла (1842–1924), в которых также рассматривается понятие структуры экономики (что уже ценно в контексте современного понимания), но преимущественно в статичном состоянии. Согласно А. Маршаллу, принцип установления рыночного равновесия подобен движению маятника: имеет тенденцию к возвращению в исходную точку (применительно к структуре экономики – склонность к восстановлению устойчивого равновесия вследствие воздействия различных факторов, которые определяются в зависимости от длительности рассматриваемого периода: краткосрочного либо долгосрочного) [43]. В условиях функционирования современных экономических систем данный тезис А. Маршалла представляется «довольно спорным, поскольку классическая и неоклассическая школа использовали преимущественно методы микроэкономического анализа, изучая устройство экономики с точки зрения изолированного рационального субъекта» [28, с. 10].

Второй этап теоретических представлений структурного развития общественного продукта определяется научной деятельностью К. Маркса (1818–1883). В его научных трудах (в отличие от воззрений Ф. Кенэ, А. Смита, Д. Рикардо и других предшественников) структурные процессы рассматриваются уже не в статичном, а в динамичном состоянии. В работах К. Маркса процесс воспроизводства представлен двумя структурами, классифицируемыми исходя из вещественной формы выпускаемого продукта: в первой производятся средства производства, а во второй создаются предметы потребления. Сам процесс воспроизводства при этом может быть простым – при сохранении общественного продукта в неизменном масштабе и качестве и расширенным – при непрерывном увеличении количества и повышения качества благ [42].

Третий этап обусловлен работами основателя школы маржинализма Дж.Б. Кларка (1847–1938). Ученый исследует факторы развития экономики, определяя причины нарушения ее равновесного состояния, применяя при этом метод выявления отраслевых диспропорций, который сводится к установлению

«комплементарности» между ключевыми макроэкономическими параметрами. Изменения в структуре экономики, по Кларку, могут происходить ввиду ряда факторов, дестабилизирующих экономическую систему: увеличение населения, рост капитала, улучшение методов производства, изменение форм промышленных предприятий, выживание более производительных предприятий вместо устранимых ими менее производительных [26]. Дж.Б. Кларк ввел понятие акселератора как одного из факторов, усиливающих циклические колебания. В частности, он рассматривал многократное возрастание спроса на машины и оборудование как следствие увеличения спроса на предметы потребления. Именно Дж.М. Кларк впервые детерминировал термин «встроенные стабилизаторы», самым оптимальным из которых, по мнению ученого, являлась налоговая система.

Ярким представителем этого этапа является теоретик организационно-производственного направления в российской экономической мысли А.В. Чаянов. Ученый-аграрник совершенно справедливо отмечал, что «в каких бы размерах ни строилось хозяйство, оно всегда имеет пропорциональность частей и известную закономерность их соотношения, свойственную каждой системе хозяйства... Всякое нарушение этой гармонии приводит к неизбежному ... понижению производительности затрат труда и капитала, так как выводит хозяйство из оптимального сочетания производственных факторов» [53].

Четвертый этап в эволюции теоретических представлений структурной политики связан с формированием понимания наличия в структурном развитии циклической составляющей, что нашло свое отражение в работах неоклассиков экономической теории Й. Шумпетера (1883–1950), Дж. М. Кейнса (1883–1946), П. Самуэльсона (1915–2009), Дж. Форрестера (1918–2016). Основная исходная предпосылка представителей неоклассического направления – совершенная рыночная система, использующая оптимальным образом все производственные факторы. Кейнсианская экономическая школа заложила основы динамической теории экономического роста. Дж. М. Кейнс и его последователи отмечали необходимость государственного регулирования экономики путем воздействия на совокупный спрос. Одной из основных экономических категорий кейнсианства является «мультипликатор». Теория мультипликатора объясняет определенные взаимозависимости и пропорциональные связи между накоплением и потреблением и сдвиги, вызываемые изменением соотношения между ними.

В рамках этого этапа следует обратить внимание на исследование Р. Солоу, который в качестве модели экономического роста принимает стандартную неоклассическую производственную функцию с убывающей доходностью капитала. Принимая нормы сбережений, Роберт Солоу в 1956 г. показал, что эти две переменные определяют устойчивый уровень дохода на душу населения. Поскольку темпы сбережений и роста населения в разных странах различны, разные страны достигают разных устойчивых состояний. Модель Солоу дает простые проверяемые предсказания о том, как эти переменные влияют на стабильный уровень дохода. Чем выше норма сбережений, тем богаче страна, и, наоборот, чем выше темпы роста населения, тем беднее страна [98].

Пятый этап связан с исследованиями Л.В. Канторовича (1912–1986) и В.В. Леонтьева (1905–1999) по развитию экономико-математических методов, инструментария линейного программирования и их активного применения для анализа и прогнозирования социально-экономических явлений, в том числе и для исследования структурных сдвигов. Разработанные этой группой ученых модели оптимального распределения ресурсов [23] и межотраслевого баланса [41], имея универсальный характер, позволили сформировать рекомендации по эффективному использованию производственных ресурсов в различных секторах экономики, а также по преодолению структурных деформаций.

Следует обратить внимание на то, что для российской экономики пятый этап пришелся на советский, а следовательно, плановый период. Применительно к условиям плановой (нерыночной) экономики структурные сдвиги изучали российские ученые-экономисты Л. Абалкин, А. Анчишкин, Ф. Клоцвог, В. Немчинов, Б. Плышевский и др. По мнению названных исследователей, планомерное формирование пропорций общественного воспроизводства не подвержено циклическим колебаниям, что обеспечивает структурную устойчивость. Но в действительности в жестко регламентированной экономике Советского Союза были отмечены серьезные структурные дисбалансы и диспропорции, которые усилились многократно в результате «шоковых» реформ конца прошлого века.

Шестой этап в эволюции теоретических представлений и фундаментальных оснований формирования структурной политики (1991–2020) характеризуется расширением проблемного поля исследований, посвященных структурной тематике; в нем акцентируется внимание на необходимости регулирования структурных процессов, получают свое развитие вероятностные формы анализа доли сдвигов. Так, D.C. Knudsen в своих работах убедительно доказывает, что вероятностный анализ структурного развития социально-экономических систем обеспечивает значительный прогресс по сравнению с традиционными методами, поскольку дает возможность проверить количественно гипотезы об изменениях в занятости или добавленной стоимости в зависимости от региона или сектора [97]. J.A. Van der Linden и E. Dietzenbacher изучают влияние межотраслевых и межрегиональных связей на структуру производства. В процессе своих научных изысканий ученые показывают, что при анализе структурных сдвигов изменения входных коэффициентов являются основным определяющим фактором [101]. F. Kahrl, D. Roland-Horst на примере экономики Китая показывают существование связей между экономическим ростом, изменениями в экономической структуре, а также потреблением и интенсивностью энергии. На этом основании ключевой политической платформой государства с декабря 2004 г. становится структурная перестройка экономики, а снижение энергоемкости ВВП – национальным приоритетом КНР [96].

В данный период становится очевидным необходимость государственной поддержки ряда отраслей национального хозяйства, в которых структурные деформации были наиболее ярко выражены и губительны (в первую очередь, аграрного сектора).

Шестой этап по времени совпал с периодом развала СССР, сопровождающегося разрушением советской системы планирования; «ускоренным» встраи-

ванием российской (ранее плановой) экономики в рыночную среду [82]. Структурные преобразования пошли по губительному для России сценарию: были нарушены территориальные, межотраслевые и хозяйственные связи; деформировалась структура народнохозяйственного комплекса и территориально-отраслевая структура. На этом этапе экономика не могла в полной мере удовлетворить потребностей общества, что является одной из важных причин структурных сдвигов [29]. Поэтому в качестве факторов одного порядка, оказывающих влияние на структурные сдвиги, российские ученые выделяли растущую систему потребностей, технический и технологический прогресс, разделение труда, циклические колебания, структурные сдвиги в мировой экономике и экономическую политику государства [1].

Седьмой этап (с 2021 г. по настоящее время) характеризуется тем, что направленность вектора структурных исследований ориентируется на проблематику эффективных (результативных) сдвигов в национальной экономике через активизацию структурной политики. Отличительной особенностью современного этапа, по нашему мнению, становится нацеленность на комплексный подход в определении совокупности факторов, являющихся значимыми для возникновения структурных сдвигов в рыночной экономике с учетом их динамических изменений.

Построенная авторами этапизация развития теоретико-методологического осмысления структурной составляющей экономики отражает наличие научного интереса у мирового научного сообщества к структурной проблематике (с расширением проблемного поля исследований и ростом с течением времени интенсивности исследований в части структурных аспектов функционирования экономик). Наиболее важные научные положения с точки зрения практического использования научных изысканий, на наш взгляд, были сформулированы на пятом и шестом этапах. Значимость современного седьмого этапа определяется также тем, что объектом структурных исследований становятся структурная политика, структурные изменения, механизмы, условия и факторы ее формирования и реализации. На этом этапе усиливается практическая составляющая исследований, позволяющая «на выходе» получать практико-ориентированный продукт в виде рекомендаций по формированию приоритетов структурной политики, определению прогнозных оценок для различных сценариев развития национального и регионального хозяйства.

Вообще изменения структуры экономики в целом происходят непрерывно: с внедрением современных технологий, вследствие институциональных преобразований, с развитием рыночных отношений и т.п. Соответственно модифицируются при этом пропорции, сила и направленность связей между соответствующими структурными элементами. Если изменения носят позитивный характер, то имеет место совершенствование структуры и «структурный прогресс» (или структурное развитие), в противном случае – «структурный регресс». Собственно структурное развитие и проявляется в изменении качественных и количественных показателей, трансформации и смене одних структур другими, т.е. в переходе от структуры экономики одного качества к структуре экономики дру-

того качества (с иным количеством, порядком расположения и типом зависимостей составляющих).

Категория «структурная политика» в самом общем понимании можно определить через деятельность субъекта управления (как на макро-, так и на мезоуровне), ориентированную на инициирование, сохранение и развитие прогрессивных (желательных, эффективных) пропорций объекта управленческого воздействия (экономики, отрасли, воспроизводственного процесса).

Ученые НИУ ВШЭ дают дефиницию рассматриваемого понятия в следующей редакции: «Структурная политика – действия государства, направленные на улучшение бизнес-среды и (или) структуры экономической активности в секторах и (или) технологических областях, которые обеспечат лучшие перспективы для экономического роста и создания общественных благ по сравнению с отсутствием вмешательства государства» [66].

Следует отметить, что традиционное понимание структурной политики как управляющего воздействия преимущественно государственных структур в рыночных условиях предполагает рассмотрение возможных структурных изменений как на национальном, так и (особенно) на региональном уровнях, инициированных частным бизнесом, в том числе зарубежным, исходя из тенденций изменения конъюнктуры товарных рынков и создаваемых преференциальных режимов.

Структурную политику можно рассматривать в широком и узком смыслах. Широкая интерпретация данного термина подразумевает под структурной политикой воздействие государства на всю совокупность пропорций в экономике. При узкой трактовке обозначенного понятия область государственного воздействия «сужается» до меж- и внутриотраслевых пропорций; региональный аспект при этом рассматривается в рамках государственной региональной политики, а воспроизводственный – экономической политики в целом.

Наряду с вышеприведёнными трактовками термина «структурная политика» существуют в современной экономической науке и другие его достаточно произвольные осмысления. Обусловлено это рядом причин. Во-первых, некоторая путаница происходит из-за различных переводов данной категории с английского языка на русский. Так, в начале девяностых годов прошлого века из западной экономической литературы в Россию «пришёл» термин «промышленная политика» как не вполне точный перевод английского понятия «Industrial policy». В мировой теории и практике данному термину более соответствует понятие «структурная политика», означающее меры государства по поддержке (или развитию) тех или иных секторов экономики. В российской практике эти понятия нередко считаются синонимичными.

Во-вторых, в российской экономической науке в настоящее время делаются попытки (на наш взгляд, обоснованные современной ситуацией в стране) видоизменить суть данного понятия. Появилась трактовка структурной политики, в которой акцентируется внимание на создании институциональных условий для роста национальной экономики.

В-третьих, интерпретация структурной политики в контексте теории «трансакционных» издержек. Положительные структурные сдвиги в общем должны приводить к тому, чтобы в воспроизводственной структуре росла доля продук-

ции с высокой добавленной стоимостью. При этом в теории «транзакционных» издержек отдельно обращается внимание на то обстоятельство, что государственное вмешательство в экономику может привести к увеличению издержек, выше тех, которые могут появиться в случае «провала» рынка.

Как отмечает О.С. Сухарев и считают авторы данного исследования, разнообразие теоретических подходов к пониманию категории «структурная политика» объясняется тем, что на протяжении длительного времени в России отсутствует «национальная концепция долгосрочного социально-экономического развития, формирующая общее видение желаемого образа экономики страны, её места в мировом хозяйстве и внутреннего строения» [68, с. 7]. Следовательно, современная структурная политика должна характеризовать осмысление, восприятие и знание органами власти структурной модели национальной экономики, её составляющих, модулей, пропорциональных зависимостей и структурных связей, а также тенденций их взаимодействия и применение данных знаний в практической деятельности территориально-отраслевого регулирования экономики для результативного достижения основных целей (как тактических, так и стратегических) социально-экономического развития общества.

С данных позиций структурную политику можно идентифицировать как механизм применения структурных факторов в экономическом преобразовании экономики государства. Поэтому необходимость в структурной политике остро проявляется именно тогда, когда существующие диспропорции в структуре экономики замедляют фактическое экономическое развитие страны по сравнению с потенциально возможным, а рынок при этом оказывается не в состоянии исправить данные структурные аномалии. И хотя наличие диспропорций само по себе не позволяет сделать вывод о необходимых мерах государственного вмешательства, оно служит очень важным индикатором необходимости структурных изменений.

Зарубежные учёные используют понятия «активная модель структурных изменений» и «адаптационная модель структурных изменений». Активная модель предполагает деятельное вмешательство государства посредством прямых инструментов структурной политики, ориентированное на модификации в интересах поступательного развития экономических систем. Такая модель преимущественно свойственна, например, экономикам Италии и Франции, в то время как в Германии и Англии, напротив, в основном используются косвенные методы регулирования экономической структуры. Выбор модели структурной политики во многом обусловлен структурными проблемами, которые имеют место в том или ином государстве, на разных этапах развития.

В развивающихся странах роль государства в регулировании экономики неминуемо высока, соответственно, структурная политика отражает общую стратегию функционирования отраслей (объясняется это значительным технологическим отставанием от стран-лидеров и «неудачами» рынка). В государствах с развитой экономикой структурная политика «выравнивает» структурные дефекты структуры, являясь «корректирующей».

В исследованиях по проблемам структурной политики отмечается отличие функционального государственного вмешательства (не адресованного опреде-

лённым видам деятельности) от селективного или избирательного, чётко направленного на содействие конкретным отраслям (направлениям, продуктам и т.п.). Следует отметить, что на практике достаточно сложно разделить типы государственного вмешательства на функциональный и селективный. Так как в действительности та же самая структурная политика может являться и функциональной, и селективной – в зависимости от ее целей, характера и контекста, задач государства на определённом этапе своего развития.

В мировой практике получили распространение различные уровни селективности: от помощи всей проблемной отрасли до содействия развитию перспективных видов производственно-хозяйственной деятельности или от конкретных технологий до отдельных компаний (так называемых «национальных чемпионов») [40].

Применительно к «проблемным» отраслям российской экономики (в том числе и к сельскому хозяйству), на наш взгляд, селективная структурная политика является предпочтительной ввиду следующих причин:

1) обязательная адресность и целевая направленность, актуальные ввиду того, что нередко значительная часть бюджетных средств, выделяемых на развитие «проблемной» отрасли, не «достаётся» реальному товаропроизводителю, а «оседает» в управленческих, посреднических и банковских структурах;

2) осуществление системы государственных мероприятий, направленных на формирование финансово-экономических условий заинтересованности субъектов хозяйствования, ориентированных на обеспечение «перекачки» капиталов в те области хозяйственной деятельности, развитие которых в интересах государства следует активизировать.

Селективная структурная политика оказывает целенаправленную государственную поддержку выбранным группам организаций, способным к сравнительно быстрой реорганизации, модернизации или переориентации производства.

Общепризнано, что осуществляться структурная политика может на трех уровнях:

1) на макроэкономическом, направленность которого характеризуется развитием таможенно-тарифной, кредитно-денежной, бюджетно-налоговой политик;

2) на мезоэкономическом, структурное воздействие которого направлено как на отрасли (в том числе сельское хозяйство), кластеры, так и на регионы;

3) на микроэкономическом, направленность которого ориентирована на поддержку экспортной специализации, а также активно развивающихся предприятий.

Перед субъектами государственного управления неизбежно возникают проблемы: обоснования конкретных предпочтений (или приоритетов) структурной политики (в соответствии с задачами, стоящими перед экономической системой, в различных отраслях и видах экономической деятельности); определения ее вида (активная, пассивная); формирования уровня селективности и регулирующих механизмов; обеспечения эффективности проводимой в обществе структурной политики [12].

Базируясь на изложенных выше положениях, авторами на основе обобщения теоретического материала разработан алгоритм разработки и реализации структурной политики, состоящий из трех укрупненных блоков (рис. 1.3).

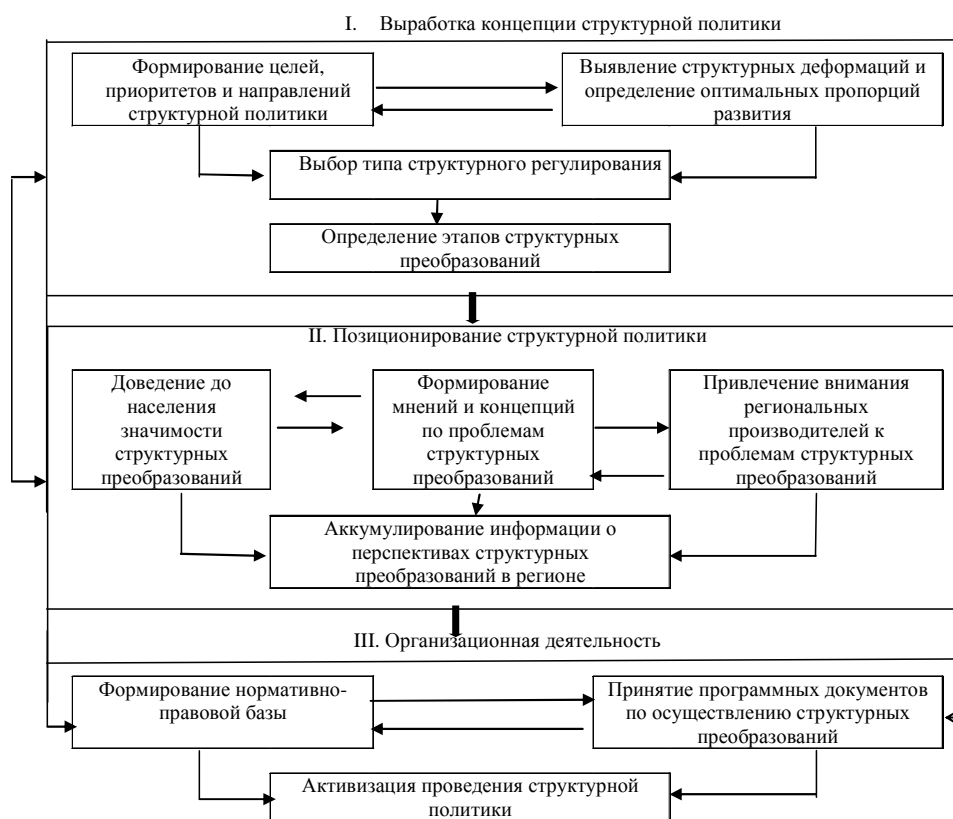

Рис. 1.3. Алгоритм разработки и реализации структурной политики

Примечание: построено авторами.

Первый блок обеспечивает выработку концептуальных положений структурной политики, в том числе по формированию целевых ориентиров, и исследование структурных деформаций. Второй блок направлен на решение задач по позиционированию структурной политики, что в итоге позволяет обобщить информацию о перспективах структурных преобразований на том или ином уровне регулирующего воздействия. Организационные мероприятия по осуществлению и продвижению структурной политики сведены в третий блок алгоритма.

Авторский подход к рассматриваемой проблеме предполагает, что целевой вектор структурной политики, являясь важнейшим ориентиром структурных преобразований, характеризует направленность институциональных преобразований национальной экономики с точки зрения перспективных ее направлений на определенном этапе развития государства. Важно подчеркнуть, что цели структурной политики должны быть, с одной стороны, корректно сформулированы, а с другой – дифференцированы для отраслей национального хозяйства и видов производственно-хозяйственной деятельности.

Например, главной целью структурной политики в сельском хозяйстве является устранение существующих в этой отрасли диспропорций, обеспечение его

поступательного развития на основе инновационных технологий при рациональном использовании земельных ресурсов. Не вызывает сомнений обоснованность следующих целевых ориентиров структурной аграрной политики:

- а) обеспечение сбалансированного развития аграрной экономики и устойчивых темпов экономического роста;
- б) техническое совершенствование аграрного производства на основе использования достижений науки и техники;
- в) решение социально-экономических проблем и в конечном счете повышение уровня жизни населения.

Цели структурной политики инициируют задачи, решением которых они будут достигаться. Прежде всего, это улучшение межотраслевых и внутрихозяйственных пропорций, достижение ускоренного развития секторов, обуславливающих научно-технический прогресс и углубление социальной ориентации экономики.

В рыночных условиях хозяйствования общеэкономической задачей структурной политики становится планомерное поддержание макроэкономического баланса и предотвращение появления нежелательных диспропорций. Основная цель при этом – достижение рационального использования наличных ресурсов региона и его конкурентных преимуществ в кратко-, средне- и долгосрочной перспективах.

При разработке и внедрении структурной политики необходимо соблюдать следующие условия:

- равноправие, т.е. равное отношение ко всем категориям товаропроизводителей в сфере бережного и рационального ресурсопользования;
- системная целостность – оценка потенциала организаций, совершенствование нормативно-правовой базы;
- обеспечение приемлемой для национальных условий хозяйствования системы налогообложения с дифференциацией по регионам.

Для эффективной реализации структурной политики используются прямые и косвенные методы воздействия и соответствующие им различные инструменты. По мнению авторов, вся используемая в настоящее время совокупность методов может быть разделена на пять блоков, состав и методическое наполнение которых представлены на рис. 1.4.

Группировочные блоки в разработанной авторами схеме расположены в зависимости от широты охвата субъекта классификации «снизу-вверх» – от микроэкономического уровня до макроэкономического. При этом в нашей схеме посредством направлений связи отражено влияние институциональных регулирующих воздействий (непосредственное или опосредованное) на все названные блоки. В данной схеме отражена как соподчиненность методов, так и многофункциональность отдельных их групп с дифференциацией по глубине использования.

Рис. 1.4. Группировочная схема методов воздействия структурной политики на структурные преобразования экономики

Примечание: построено авторами.

Миссия институционального блока заключается в создании благоприятных условий для структурных преобразований, обеспечения социальной ориентации структурных сдвигов и внедрения предпосылок для достижения положительных регуляторов структурных изменений с минимизацией отрицательного влияния рынка на пропорциональные и структурные связи. Множество институциональных методов тесно связано с методами блока микроэкономического, дополняя и обогащая последние.

Микроэкономический блок, в свою очередь, состоит из совокупности методов, направленных на рост экономической устойчивости предприятий, интегрированных производственных структур, других хозяйственных систем. Среди методов данного блока авторы считают необходимым выделить следующие: индикативное планирование, льготное налогообложение, субсидирование и другие меры государственной поддержки, меры по предотвращению банкротства, регрессивные импортные пошлины, целевые кредиты.

В мезоэкономическом блоке сконцентрированы методы, позволяющие Федеральному центру преобразовывать структуру национального хозяйства, учитывая тенденции развития федеративных отношений в стране. Важную роль для достижения целей регионального блока играют методы поддержания уровня занятости, увеличения маневренности рабочей силы и капиталов, меры по структурированию собственности, созданию «территорий опережающего развития».

Тесно связан с мезоэкономическим блоком блок региональных условий Дальнего Востока РФ. Авторами в группировку методов структурной политики данный блок включен отдельным элементом ввиду, во-первых, уникальности макрорегиона и, во-вторых, необходимости акцентирования внимания на проблематике развития российского Дальнего Востока и необходимости специальных мер воздействия.

На макроэкономическом уровне в симбиозе «работают» методы, влияющие на базовые макроэкономические пропорции и структурные связи, а также вырабатывающие структурные взаимодействия национальной экономической системы с системой мирового хозяйства. В состав данного блока считаем целесообразным включение методов, предназначенных для оптимизации отраслевой структуры экономики и достижения прогрессивных структурных сдвигов, а именно: методы прогнозно-целевого планирования, дифференцированного налогообложения, разработку системы приоритетов и ее осуществление. Методы субсидирования и других мер государственной поддержки, включенные авторами в микроэкономический блок, связаны на схеме с макроэкономическим блоком.

Изложенные выше общие подходы, принципиальные условия реализации методов воздействия структурной политики на структурные преобразования экономики могут меняться в рамках отраслевых особенностей, т.е. можно рассматривать структуру отраслевую с традиционным уровнем агрегации промышленности, сельского хозяйства, транспорта, топливно-энергетического комплекса и пр. [55].

Объект нашего исследования предполагает более глубокое «погружение» в особенности формирования и реализации структурной политики в сельском хозяйстве на мезоуровне с необходимостью выделения следующих основных направлений аграрной структурной политики макрорегиона:

- 1) оптимизация отраслевой структуры аграрной экономики и иерархической её конструкции;
- 2) формирование конкурентного агропродовольственного рынка;
- 3) экономически обоснованное регулирование внешнеэкономических и межотраслевых отношений;
- 4) активизация инновационной и инвестиционной деятельности;
- 5) повышение качества питания и уровня жизни населения;
- 6) обеспечение продовольственной безопасности.

Важной составляющей структурной политики в агросфере становится «установление рациональных пропорций различных организационно-правовых форм собственности и формирование такой системы использования земель, которая соответствовала бы наиболее эффективным формам организации производства» [86, с. 79, 80]. Успешная реализация обозначенных направлений

потенциально содействует решению вопросов пропорционального развития организаций всех организационно-правовых форм, выравнивания уровней социально-экономического развития субъектов страны, улучшения демографической ситуации.

Исследованные авторами особенности формирования и реализации аграрной структурной политики на современном этапе:

- 1) дифференциация регионов страны на категории в соответствии с наличием сельскохозяйственных угодий и уровнем развития сельской инфраструктуры;
- 2) разграничение полномочий между центром и регионами, децентрализация системы управления сельским хозяйством;
- 3) разработка региональных программ развития сельского хозяйства, направленных на ликвидацию (уменьшение, смягчение) проблемных зон в сельском хозяйстве территории;
- 4) модификация парадигмы системы государственного регулирования экономики ввиду того, что роль государства в экономике качественно меняется в том смысле, что правительство берёт на себя ответственность за определение приоритетных сфер экономической активности в экономике.

Структурная политика государства, центральную направленность которой определяют институциональные преобразования и парадигма развития государства на современном этапе, при проецировании на условия конкретного региона неизбежно должна корректироваться и «подстраиваться» под фактические условия региона. Причиной необходимости формирования приоритетов структурной политики с учетом особенностей региона (производственно-промышленного, научного, ресурсного и т.п. потенциала территории) является то, что глубина и интенсивность структурных преобразований в различных регионах могут быть разными вследствие неодинаковости исходных параметров и тяжести структурных проблем. Соответственно, формирование реально действенной экономической политики государства неотделимо от селективности по отношению к отраслям национального хозяйства и видам деятельности. Собственно критерии выделения видов деятельности и степень «избирательности» инструментов являются, на наш взгляд, одними из главных проблем при конструировании структурной политики государства и макрорегиона.

В структурной политике необходима интеграция всех элементов структуры, корректное определение порядка воздействия на них со стороны государства и частного бизнеса, учет региональных особенностей.

Реализация учета региональных особенностей имманентна блоку «региональные особенности Дальнего Востока» (по авторский группировке методов структурной политики), что определяет важность отдельного изучения особенностей государственной структурной политики на примере уникального (как по географическому положению, так и по геополитической роли) российского макрорегиона – Дальнего Востока РФ.

1.3. Особенности государственной структурной политики развития российского Дальнего Востока

Структурная политика, являясь базовой составляющей управления сбалансированным развитием национальной экономики, имеет при проектировании на региональные условия свои особенности, которые в пределах обширной российской территории далеко не одинаковы, что важно для объяснения существенной дифференциации по динамике макроэкономических показателей и социально-экономических индикаторов развития.

Без преувеличения можно признать уникальной по своей масштабности и сложности государственную политику освоения самого отдаленного и крупного Дальневосточного региона, всегда выполнявшего ключевые государственные функции при высокой геостратегической роли в обеспечении интеграции России со странами Восточной Азии.

Необходимость учета особенностей Дальнего Востока при стратегическом планировании и формировании приоритетов структурной политики подчеркивает ряд авторов: Е.В. Гудкова [11]; Д.А. Изотов [21]; В.К. Заусаев [19]; С.Г. Сериков [64]; С.Н. Леонов [38]; П.А. Минакир [45]; В.В. Климанов [27] и др. Но научные изыскания сосредоточены преимущественно в плоскости теоретико-методологического осмысления проблемы. Прикладная составляющая не рассматривается или рассматривается «точно» без комплексного анализа.

Обратим внимание на то, что в рамках настоящего исследования авторы рассматривают именно Дальний Восток, без «новых» восточно-сибирских регионов (Республики Бурятия и Забайкальского края), включенных в состав Дальневосточного федерального округа (ДФО) 3 ноября 2018 г. (Экономический регион Дальний Восток с точки зрения административного «деления» входит в ДФО и структурно состоит из девяти регионов ДФО, без Бурятии и Забайкалья.)

Дальний Восток занимает 37% всех земельных угодий России. Плотность населения в макрорегионе составляет всего 1,14 чел./км² (для сравнения: в Центральной России плотность населения равна 61,87 чел./км², т.е. в 54 раза превышает дальневосточный уровень). Дальний Восток имеет морские границы с Японией и США, а по суше граничит с Монголией, КНР и КНДР, поэтому его географическое расположение может выступать в качестве одного из важных условий обеспечения продовольственной безопасности.

Наличие большого количества морей, омывающих берега макрорегиона, ставит Дальний Восток на первое место по биопродуктивности. При этом Восточно-Сибирское, Чукотское моря и море Лаптевых, составляющие северное побережье Дальневосточного региона, обеспечивают преимущественно потребности местного населения. И только в восточной Тихоокеанской зоне (к которой относятся Берингово, Охотское и Японское моря) осуществляется промысловый лов, продуктивность которого выше, чем в других рыбопромышленных зонах [85].

Субъекты Федерации в составе Дальнего Востока условно подразделены на северные и южные. К северным территориям относятся: Чукотский автономный округ (ЧАО), Республика Саха (Якутия), Камчатский край, Магаданская и Саха-

линская области. Северные территории занимают более 70 % территории макрорегиона.

К южным территориям принадлежат Хабаровский и Приморский края, Амурская область и Еврейская автономная область (ЕАО), где расположено 77 % сельскохозяйственных угодий и 92 % пашни [60]. Климат южных территорий обуславливает рискованный характер земледелия; на южные территории оказывают серьезное влияние муссоны, наносящие значительный ущерб сельскому хозяйству. Тем не менее потенциал агропромышленного комплекса (АПК) этих территорий позволяет не только покрыть собственную потребность, но и поставлять зерно, сою, картофель и продукты их переработки в северные территории Дальнего Востока; является основой развития воспроизводственных процессов в регионе [62].

Уникальность макрорегиона заключается также в том, что кроме традиционных для России сельскохозяйственных отраслей здесь могут получить развитие и те производства, которые редко встречаются в нашей стране, например, выращивание сои и риса [72]. Так, в Приморском крае, Амурской области и Еврейской АО расположены большие площади редких для РФ земель, пригодных для производства этих видов высоко конкурентной экспортно-ориентированной сельскохозяйственной продукции.

При этом Дальний Восток РФ, имея геостратегическое значение в экономике страны, постепенно утрачивает свою роль в сохранении национальной безопасности в Восточной Азии, в успешности выполнения оборонной и ряда других государственных функций [33, 64].

В последние годы макрорегион «принимает вызов глобализации намного острее, чем центральные регионы, в силу поставленных задач его ускоренного развития» [32, с. 6] и «разворачивания вектора экономической политики на Восток» [89].

Таким образом, очевидно, что государственная структурная политика на Дальнем Востоке должна иметь (и имеет) свои отличительные особенности, инициированные институциональными преобразованиями, воздействующими на региональный хозяйственный комплекс в течение определенного периода. Более того, нужно иметь в виду эффект «временного лага», т.е. возможный разрыв во времени институциональных воздействий на структурные характеристики макрорегиона от получения запланированного полезного эффекта от таковых воздействий.

В связи с чем институциональные аспекты структурных изменений в РХК Дальнего Востока целесообразно рассматривать в рамках определенных периодов, на протяжении которых в экономике страны «главенствовала» та или иная институциональная идея. (Так как любая трансформация экономики и ее последствия могут быть лучше поняты в сопоставлении с предшествующим ей явлением такого же порядка.)

Академик РАН П.А. Минакир предлагает периодизацию структурных изменений в экономике (начиная с советского периода), где в качестве классификационного признака принимает «структурный тупик» [46, с. 13, 14]:

Первый период – 1922–1927 гг. «Структурный тупик», по мнению автора названной периодизации, связан с курсом на сочетание «эндогенных и экзоген-

ных ресурсов» для восстановления экономической структуры, формирования перспектив развития макрорегиона. П.А. Минакир отмечает, что позитивные результаты были достигнуты, но тотальная централизация с 1927–1928 гг. завела этот курс в тупик, и он был свернут.

Второй период – с 1930 по 1965 г. П.А. Минакир в качестве характерной черты периода выделяет «централизованное развитие на базе экзогенных для макрорегиона ресурсов с абсолютным акцентом на формирование промышленной структуры». А очередной «тупик» ученый связывает с падением национального спроса (в 1950–1965 гг.) в сочетании со снижением притока ресурсов при отсутствии каких бы то ни было альтернатив в этих направлениях.

Третий период – с 1967 по 1991 г. Автором приводимой здесь периодизации обращается внимание на то, что основным акцентом стали не структурно-качественные параметры, а увеличение масштабов, что в случае очередного сокращения прироста внешних ресурсов и кризиса совокупного спроса и обусловило формирование очередного тупика. Так, с 1989 г. внутринациональный спрос значительно упал, основная часть материально-технических взаимосвязей в реальной экономике была разрушена, центр отказался от поддержания хотя бы финансово-экономического статус-кво. Макрорегион, по мнению П.А. Минакира, оказался в тупике экономическом и социальном.

Четвертый период – с 1992 г. (крайний год периода не определен). По мнению П.А. Минакира, «структурный тупик» сформировался «в условиях смены централизованного планирования на функционирование экономических субъектов на основе коммерческих критериев, что наложило на и без того разбалансированное состояние социально-экономического комплекса».

По нашему мнению, предложенная относительно новая периодизация советского этапа развития объективно отражает использованные государственные подходы и их результативность. Вместе с тем представляется не совсем корректным введение в качестве классификационного признака категории «структурный тупик» без соответствующей методической базы определения такого состояния в динамике регионального развития, так как мезоэкономика, ее структурные характеристики, видоизменяясь под влиянием управляющих воздействий, получают определенные структурные характеристики иного (да, не всегда запланированного) качества. Но региональная структура получает определённый импульс в своем развитии. Задачей же государственной структурной политики Дальнего Востока становится ориентирование структурных изменений в направлении, способном существенным образом улучшить показатели социально-экономического развития макрорегиона.

Авторами данной монографии предлагается типологизация развития экономики страны и Дальнего Востока в постсоветский период.

В качестве эмпирической базы рассмотрения возьмём временной промежуток период с 1991 г. по настоящее время. Выбор начальной границы данного интервала объясняется тем, что 1991 г. – это год развала СССР, изменения политического строя в государстве, что очевидным образом повлекло за собой коренные изменения во всех отраслях национального хозяйства и перестройку структуры экономики под рыночные условия хозяйствования.

Разработанная типологизация включает три этапа развития национальной экономики РФ и ее Дальнего Востока, а каждому из выделенных этапов присвоена спецификация в соответствии с основополагающей экономической и (или) политической идеей и основными институциональными преобразованиями анализируемого периода. При этом этапу снижения уровня производства присвоено название этапа I типа; этапу восстановления – II типа; этапу роста – III типа.

Первый этап (1991–2000 гг.) – реформирование национальной экономики и ее аграрного сектора в условиях переходной экономики (I тип).

При характеристике данного этапа особое внимание обратим на специфику реформирования сельского хозяйства, так как, с одной стороны, именно эта отрасль непосредственно «ответственна» за продовольственную безопасность, а с другой – институциональные трансформации сельского хозяйства инициировали наиболее значительные структурные изменения именно в сельском хозяйстве.

К началу девяностых годов прошлого века общественность России ясно осознала необходимость аграрной реформы, а отечественные экономисты-аграрники сформулировали ее цели и задачи. Таким образом, основным институциональным преобразованием рассматриваемого этапа явилась аграрная реформа, вернее, как оказалось позднее, первый этап аграрной реформы. Поэтому данную институциональную трансформацию будем для определенности называть первым этапом аграрной реформы (или аграрной реформой 1991–2000 гг.). Заметим, что аграрная политика правительства, проводимая в рассматриваемый период, реформой в строгом смысле не является. Скорее, это неудачные попытки реформаторских действий.

Рассматривая вопросы реформирования сельского хозяйства, необходимо понимать, что сельское хозяйство, являясь центральной сферой (или ядром) агропромышленного комплекса, тесно взаимодействует с другими сферами АПК:

- с первой сферой, которая представлена отраслями промышленности, производящими средства производства для сельского хозяйства и отраслей промышленности, перерабатывающих сельскохозяйственное сырье, такими как: тракторное и сельскохозяйственное машиностроение; производство оборудования для животноводства, пищевой и легкой промышленности; выпуск минеральных удобрений; комбикормовая и микробиологическая промышленность; сельское производственное строительство;

- с третьей сферой, представляющей систему отраслей по промышленной переработке и сбыту сельскохозяйственного сырья и продовольствия и включающей пищевую и легкую промышленность, а также систему заготовок сельскохозяйственной продукции, ее транспортировку, хранение и реализацию.

Сельское хозяйство, в состав которого в свою очередь входят растениеводство и животноводство, в отечественной науке и практике относится ко второй сфере АПК.

Реформирование сельского хозяйства, проводимое в условиях переходной экономики, должно было привести к решению следующих задач:

1. Преодоление государственного монополизма в отношениях с сельским хозяйством за счет разгосударствления во всех сферах агропромышленного ком-

плекса, преобразование финансово-кредитной системы, совершенствование налогообложения, коренное изменение системы реализации продукции.

2. Проведение институциональных преобразований, направленных в том числе на создание условий для развития потенциала продовольственной безопасности, а также на обеспечение перехода в сельском хозяйстве к многоукладной экономике.

3. Создание полноценной рыночной инфраструктуры, рыночных институтов, формирование рыночно ориентированной системы эффективно хозяйствующих на земле товаропроизводителей.

Одним из важнейших путей решения задач первого этапа реформы должна была стать структурная перестройка, нацеленная на коренное изменение сложившихся к тому времени производственно-хозяйственных отношений в сельском хозяйстве. Хотя социально-экономические цели аграрной реформы были очевидны и вытекали из научного анализа причин стагнации в АПК, практическая её реализация пошла по совершенно иному, разрушительному сценарию.

При аграрных преобразованиях данного этапа не учитывалось, что система аграрных отношений не только охватывает все сферы АПК, а также непосредственно воздействует на социальную инфраструктуру, определяющую условия жизнедеятельности сельского населения.

Так как данная реформа была инициируема «сверху», то, по сути, игнорировала необходимость активной поддержки преобразований со стороны широких масс сельского населения. При этом реформа в той форме, в которой она проводилась в нашей стране и на Дальнем Востоке, привела к либерализации цен, резкому сокращению государственной поддержки аграрного сектора и другим негативным факторам.

Уровень и структура внутренних цен приблизились к мировым, что спровоцировало рост инфляции. Отрицательное влияние на национальную экономику не могли не оказать также и серьёзные финансовые кризисы, которые пережило наше государство в этот период (в 1991, 1994, 1998 гг.), каждый из которых сопровождался очередным нагнетанием политической напряженности, завершался формированием новых рыночных институтов.

В результате институциональных преобразований первого этапа имело место значительное снижение основных показателей функционирования экономики в целом и аграрного сектора в том числе.

В 1991–2000 гг. значительно увеличивается диспаритет цен для сельскохозяйственных производителей из-за деформации экономических отношений между сельскими товаропроизводящими хозяйствами, монополистами-поставщиками средств сельскохозяйственного производства и переработчиками сельскохозяйственной продукции. Диспаритет цен в аграрном секторе экономически был также взаимосвязан и взаимообусловлен такими кризисными явлениями, как инфляция и неплатежи, которые были инициированы непродуманными институциональными преобразованиями данного этапа.

Таким образом, структурная перестройка аграрного сектора 1991–2000 гг. и попытка создания нового слоя собственников на земле (в форме крестьянских

(фермерских) хозяйств) не только не привели к желаемому результату, а, напротив, способствовали снижению производства по большинству показателей.

Последним документом, определяющим стратегические цели и направления развития Дальнего Востока, действовавшим в СССР, была «Долговременная государственная программа комплексного развития производительных сил Дальневосточного экономического района, Бурятской АССР и Читинской области на период до 2000 г.» (принята в 1987 г.) [49]. Данный документ ориентировался в большей степени на использование имеющегося в макрорегионе производственного потенциала в целях наращивания производства в масштабах страны, развития внутренних рынков и экспорта. При этом проблемам социально-экономического развития и инфраструктурной обеспеченности территории внимание практически не уделялось. В связи с высокой степенью несоответствия закладываемых в программе целей и задач реальным возможностям регионов по их достижению реализация этого документа оказалась неэффективной. Так, к моменту ликвидации плановой экономики программой не были достигнуты целевые показатели по росту промышленного производства, произошел сверхнормативный износ основных производственных фондов, сократились добыча нефти и газа, не были достигнуты показатели по объемам строительства, вывозки древесины, производства в машиностроении и др. Во многом это было обусловлено недостаточностью капитальных вложений по причине перехода к рыночным отношениям и уклонения ответственных исполнителей от выполнения основных мероприятий программы.

Следующий программный документ первого этапа – Федеральная целевая программа (ФЦП) «Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2018 года» (принята в 1996 г. Постановлением Правительства РФ № 480) [56]. В этой программе наряду с задачами охарактеризованной выше программы уже достаточно четко формулируются задачи по закреплению населения на Дальнем Востоке и повышению качества жизни в макрорегионе.

Следует отметить расширение видов финансирования, «заложенное» в ФЦП: государственные инвестиции и закупки, государственные гарантии иностранным инвесторам, особый режим внешнеэкономической деятельности, создание и развитие свободных экономических зон и др.

В условиях острого дефицита бюджета в конце 1990-х гг. реализация программы также оказалась трудновыполнимой. Было принято к действию 47 подпрограмм из задекларированных ФЦП 68 программ (т.е. 70%). При этом только 13,4% финансовых ресурсов, предусмотренных программой из федерального бюджета, было освоено. Большая часть заложенных в ФЦП плановых показателей социально-экономического развития не была достигнута, а интенсивность отрицательных миграционных потоков населения с Дальнего Востока возросла.

В названных стратегических документах имеются разделы по развитию агропромышленного комплекса и продовольственной базы Дальнего Востока, которые носят преимущественно декларативный характер. Реальные механизмы достижения заявленных целей не обозначены.

Второй этап (2001–2013) – реформирование национальной экономики и ее аграрного сектора в условиях рыночной экономики (II тип).

Данный этап реформирования начался с осознания необходимости кардинальных изменений характера аграрной реформы 1991–2000 гг. и корректировки ее основных положений. Необходимость государственного регулирования переходных процессов и поддержки аграрного сектора стала очевидной. Впервые за годы реформ развитие АПК было признано одним из приоритетов социально-экономической политики государства. В отличие от концепции развития агропромышленного комплекса, сформулированной на предыдущем этапе, в аграрной политике государства предусматривается регулирующая роль Правительства РФ, а также мобилизация внутренних возможностей агрокомплекса и имеющихся резервов.

Правительство России принимает, в частности, программу, направленную на повышение устойчивости и конкурентоспособности аграрного сектора. Основной институциональной составляющей этой программы явились «Основные направления агропродовольственной политики на 2001–2010 годы», стержень которой – это концепция, призванная обеспечить эффективность функционирования агропромышленного комплекса. (Программа, не решив большей части задач, в ней поставленных, «плавно» перетекает в очередную государственную «Программу развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013–2020 годы».)

Заявлен в качестве приоритетного Национальный проект «Развитие АПК», состоящий из трех основных направлений (первое – ускоренное развитие животноводства, второе – стимулирование развития малых форм хозяйствования, третье – обеспечение жильем молодых специалистов).

Ставятся следующие цели рассматриваемого этапа реформирования отечественного сельского хозяйства:

1) разработка научно обоснованной концепции проведения аграрных реформ (с уточнением целей, критериев эффективности, методов реализации), предусматривающая отход от жестких административных методов реформирования, проведение реформы в основном экономическими методами, создание для всех форм хозяйствования равных экономических возможностей в условиях свободной рыночной конкуренции;

2) подготовка необходимой законодательной базы и проведение аграрных реформ на строгой правовой основе при эффективном контроле со стороны государства за соблюдением правил «рыночной игры»;

3) реформирование аграрного сектора в системе и во взаимосвязи с экономическими реформами в народном хозяйстве в целом;

4) усиление социальной направленности аграрных реформ, обеспечение роста экономической заинтересованности и мотивации к труду непосредственных товаропроизводителей;

5) оптимизация межотраслевых пропорций в АПК путем развития кооперации, горизонтальной и вертикальной интеграции, а также проведения научно обоснованной ценовой политики государства.

Для достижения этих целей необходимо было решить ряд задач, структурированных авторами посредством схемы (рис. 1.5). Представленные на данной схеме задачи институциональных преобразований агросферы на данном этапе не были решены в полном объёме и пролонгировались на следующий период.

Рис. 1.5. Задачи институциональных преобразований сельского хозяйства в период реформирования (2001–2013)

Примечание: составлено авторами.

Тем не менее в рассматриваемый период в национальном хозяйстве РФ в целом и на Дальнем Востоке в том числе, согласно официальным данным, имела

место позитивная динамика макроэкономических показателей. Но, не принижая значения динамики роста ВВП на данном этапе, следует, во-первых, учитывать, что важнейшими источниками этого роста являлись доходы от экспорта минерально-природного сырья; во-вторых, реальный ВВП на данном этапе соответствовал уровню десятилетней давности (1993–1994 гг.).

Экономика России продолжает функционировать в рамках «экспортно-сырьевой» модели, характерной для многих государств, имеющих богатые запасы сырьевых ресурсов, т.е. страна постепенно превращалась из индустриального государства в сырьевой придаток развитых стран, притом критически зависимый от поставок продуктов питания из-за рубежа.

Сохранялась устойчивая тенденция роста импорта продовольствия и сельскохозяйственного сырья: 17,4 млрд долл. в 2005 г. и 36 млрд долл. в 2010 г. Учитывая, что валовая продукция сельского хозяйства в 2009 г. составляла 2516 млрд руб., в 2010 г. – 2445 млрд руб., то сумма импорта превышала ее примерно на 25 % [18, с. 175]. При этом качество ввозимой в нашу страну продовольственной продукции зачастую оставляло желать лучшего. Валовой продукт на душу населения составлял немногим более 7 тыс. долл. по паритету покупательной способности и менее 2,5 тыс. долл. по текущему обменному курсу. Эти показатели в несколько раз ниже, чем не только в ведущих, но и в значительной части развивающихся странах.

При этом по годам этого этапа воспроизводится одна и та же структура формирования ВВП. В результате она, как и структура валовой продукции сельского хозяйства, например, в 2006 г. почти на 99,9 % эквивалентна структуре по данным за 2002 г. [10, с. 10].

На этом этапе, как и на предыдущем, имеет место разрыв между средними ценами на продукцию сельского хозяйства и промышленности. Действительно, если в 2003 г. средние цены реализации продукции растениеводства (в том числе по зерну) для большинства агропредприятий росли опережающими темпами по сравнению с ценами производителей ресурсов промышленного происхождения, потребляемых в сельском хозяйстве, то в 2004 г. рост цен на ресурсы промышленного происхождения уже значительно опережал повышение цен на продукцию растениеводства, а в последующие годы анализируемого периода этот разрыв ещё более увеличился. Индексы средних цен продукции животноводства практически весь анализируемый период значительно отставали от индексов цен промышленных (кроме комбикорма).

«Импортировалась» из предыдущего этапа и такая негативная тенденция финансово-хозяйственной деятельности агропредприятий, как аккумуляция задолженности сельскохозяйственных организаций. Так, суммарная задолженность сельскохозяйственных организаций по всем обязательствам в течение 2001–2013 гг. постоянно увеличивалась, но темпы прироста данного показателя к концу второго этапа несколько уменьшились при увеличении задолженности по кредитам банков и займам и росте дебиторской задолженности сельскохозяйственным организациям [75].

Хотя в течение 2001–2013 гг. и имело место увеличение отдельных показателей функционирования аграрного сектора страны (что позволило нам данный

этап обозначить как этап II типа (восстановления)), в сравнении с 1990 г. в 2013 г. объём производства сельхозпродукции составлял только 89,7% показателя 1990 г. Численность крупного рогатого скота, свиней, овец и коз упала соответственно до уровней 1914, 1957, 1932 гг., а производство зерна не превысило показатели 1966 г. [76, с. 14].

Следовательно, проблема сбалансированного развития национальной экономики не утратила свою актуальность, а, пожалуй, приобрела особое звучание в контексте вступления РФ во Всемирную торговую организацию (с 22 августа 2012 г.).

В этот период на уровне Дальнего Востока принимается ряд программно-стратегических документов развития макрорегиона, как новых, так и, по сути, корректирующих предыдущие.

Так, пролонгируется с корректировками федеральная целевая программа «Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Забайкалья», в которой трансформируются подходы к развитию Дальнего Востока и Байкальского региона через призму изменения закладываемых программой целей и задач (2002, 2007, 2013 гг.).

В редакции ФЦП 2002 г. имеет место переориентация на создание необходимых условий экономического роста и развития Дальнего Востока, инфраструктурное обеспечение и повышение качества жизни населения. Цели и задачи версии ФЦП 2013 г. менее амбициозны и направлены уже на решение преимущественно внутренних проблем развития макрорегиона.

Следует отметить два стратегических документа второго периода (согласно предложенной авторами типологизации), определяющих как общую государственную политику макрорегиона, так и ее структурную составляющую: «Стратегия социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года» (2009) и Государственная программа «Социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Байкальского региона» (2013) (табл. 1.2).

Таблица 1.2

Программно-целевые документы государственной структурной политики развития Дальнего Востока РФ

Название	Этап	Дата принятия	Период планирования
ФЦП «Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Забайкалья на 1996–2005 годы»	I	15.04.1996	До 2005 г.
ФЦП «Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Забайкалья на 1996–2005 и до 2010 года»	II	19.03.2002	До 2010 г.
ФЦП «Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Забайкалья в период до 2013 года»		21.11.2007	До 2013 г.

Название	Этап	Дата принятия	Период планирования
Стратегия социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года		28.12.2009	До 2025 г.
Государственная программа «Социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Байкальского региона»		29.04.2013	До 2025 г.
ФЗП «Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Забайкалья на 1996–2005 и до 2018 года»		06.12.2013	До 2018 г.
Государственная программа «Социально-экономическое развитие Дальневосточного федерального округа» (в редакции от 23.03.2021 г.)	III	15.04.2014	До 2025 г.
Федеральный закон № 473-ФЗ «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации»		29.12.2014	–
Концепция развития приграничных территорий субъектов РФ, входящих в состав Дальневосточного федерального округа		28.10.2015 (изменения 16.06.2022)	–
Федеральный закон № 119-ФЗ «Об особенностях предоставления гражданам земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности и расположенных на территориях субъектов Российской Федерации, входящих в состав Дальневосточного федерального округа, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» («Закон о Дальневосточном гектаре»)		01.05.2016	До 2040 г.
Концепция демографической политики Дальнего Востока на период до 2025 года		20.06.2017	До 2025 г.
Национальная программа социально-экономического развития Дальнего Востока до 2024 года и на перспективу до 2035 года		24.09.2020	До 2035 г.

Примечание: составлено авторами по [50–52, 78, 79].

К окончанию второго этапа развития национальной экономики РФ и ее Дальнего Востока понимание низкой результативности государственной структурной политики на Дальнем Востоке (в том числе и для сельского хозяйства) приводит к формированию пакета документов различного уровня, направленных на укрепление экономических позиций России в Азиатско-Тихоокеанском регионе, рост инвестиционной привлекательности макрорегиона, улучшение продовольственной безопасности, снижение оттока населения [104]. Все это позволило выделить третий этап построенной авторами типологизации.

Третий этап (с 2014 г. по настоящее время) – ускоренное импортозамещение (III тип).

С 2014 г. экономика Дальнего Востока России, её аграрный сектор «работают» в условиях экономических санкций против России: с 2014 г. – первая «волна», с 2022 г. – вторая, более жесткая «волна». Поэтому на проблемы внутреннего происхождения накладываются внешние, действующие разнонаправленно, факторы – санкции, введенные отдельными странами Запада, и антисанкции. «Запущен» новый интеграционный процесс в рамках Евразийского экономического пространства (создание ЕАЭС, 2015 г.).

Введение экономических санкций в отношении российских компаний, включая ограничение в доступе к относительно недорогим финансовым ресурсам, новейшим технологиям и оборудованию, в принципе, должно было значительно сузить возможности развития сельского хозяйства России и ее регионов; контрсанкции со стороны России направлены на расширение ниши для российских аграриев [57].

Сельское хозяйство (согласно официальным статистическим данным) в последние годы стало более устойчивым, чем экономика государства в целом. Темпы роста производства агропродукции превышают темпы роста физического объема валового внутреннего продукта. (Что и позволило нам присвоить данному этапу III тип, т.е. «этап роста».)

Осознавая негативные последствия происходящих структурных изменений предыдущих двух этапов, в том числе для достижения поставленной национальной цели разворота вектора развития экономики России на Восток, российским правительством разработан новый комплекс программных инициатив и нормативно-законодательных документов для ускоренного социально-экономического развития Дальнего Востока.

Ключевым направлением новой государственной политики объявлено создание во всех дальневосточных регионах особых преференциальных режимов для привлечения инвестиций и «запуска» высокотехнологичных экспортно-ориентированных проектов, способных уже в среднесрочной перспективе изменить экономическую структуру регионального хозяйственного комплекса [37].

Основным индикатором развития Дальнего Востока был выбран объем поступившего в макрорегион капитала, сделана «ставка» на привлечение крупного иностранного капитала. Инструментом привлечения инвестиций должны стать территории опережающего социально-экономического развития [19], т.е. обустроенные производственные площадки, в которых государство за свой счет создает необходимую инвесторам инфраструктуру, предоставляет им налоговые льготы и необходимые госуслуги в упрощенном порядке. ТОСЭР можно рассматривать также как механизм поддержки инвесторов, реализующих проекты в таких приоритетных для макрорегиона видах деятельности, как сельское хозяйство, рыболовство, транспортно-логистический комплекс, пищевая промышленность, добыча полезных ископаемых, туризм [39].

Ведется активная работа по запуску параллельных проектов, способных при определенных условиях ускорить развитие региона. Одним из таких проектов является «Свободный порт Владивосток» (СПВ). СПВ – территории муници-

пальных образований Приморского, Камчатского и Хабаровского краев, Сахалинской области и Чукотского автономного округа в пяти основных гаванях Дальнего Востока, пользующиеся особыми таможенными и налоговыми преференциями наряду с упрощенными административными процедурами.

Помимо создания благоприятных инвестиционных условий посредством предоставления различных льгот, для инвесторов предусмотрены специальные финансовые меры поддержки. Так, с 2015 г. на Дальнем Востоке «работает» механизм предоставления инвесторам за счет федерального бюджета субсидий на компенсацию части затрат на создание и (или) реконструкцию объектов инфраструктуры, а также на технологическое присоединение к электрическим и газораспределительным сетям в целях реализации инвестиционных проектов. Размер субсидий из федерального бюджета на финансирование части затрат на инфраструктуру, необходимую для реализации проекта, напрямую зависит от размера частных инвестиций.

Важным законодательным документом, направленным на освоение дальневосточных территорий, является «Закон о Дальневосточном гектаре» (2016), на основании которого была сформирована программа «Дальневосточный гектар». Согласно данной программе российским гражданам бесплатно предоставляются земельные участки с целью закрепления численности населения, стимулирования предпринимательской активности на Дальнем Востоке.

Следует отметить, что процесс реализации новых инструментов развития на территории макрорегиона сталкивается с достаточно большим числом проблем. Отдельно стоит затронуть земельный вопрос, являющийся краеугольным камнем любой бизнес-инициативы, затрагивающий резидентов ТОР, СПВ и получателей «дальневосточного гектара». Процедура получения земельного участка из-за сложных бюрократических процедур сильно увеличивает плановые сроки реализации бизнес-проектов.

Для улучшения демографической ситуации на Дальнем Востоке в 2017 г. принимается «Концепция демографической политики Дальнего Востока на период до 2025 года». В «Национальной программе социально-экономического развития Дальнего Востока до 2024 года и на перспективу до 2035 года» сделана попытка формирования адресности мероприятий с учетом наличных условий Дальневосточных регионов. Можно констатировать смещение акцентов от применения сугубо отраслевого подхода при формировании задач долгосрочного развития к попыткам формулирования интегральных задач, направленных как на территориальное развитие, так и решение вопросов социального характера. При этом в Национальной программе социальный аспект развития макрорегиона превалирует над экономическим. На наш взгляд, это не совсем корректно с точки зрения долгосрочной перспективы, так как первичной является производственная сфера, а социальная есть производная от сферы производственной.

В марте 2021 г. принята новая редакция государственной программы, в целях которой все также обозначена необходимость повышения уровня социально-экономического развития макрорегиона. И снова в качестве целевых задач декларируются следующие: обеспечение макрорегиона трудовыми ресурсами, закрепление населения, повышение качества жизни граждан. Новые задачи, яв-

ляющиеся ориентиром развития Дальнего Востока, уже в большей степени направлены на экономический рост и привлечение инвестиций.

Осенью 2021 г. были утверждены приоритетные проекты в рамках так называемой фронтальной стратегии. Стали применяться новые формы поддержки регионов, в том числе в форме долгосрочных инфраструктурных бюджетных кредитов. С 2022 г. начинаются процессы изменения системы органов публичной власти, а государственные программы Российской Федерации разрабатываются теперь по новым принципам, значительно трансформирующим систему стратегического планирования.

Трансформация приоритетов государственной структурной политики Дальнего Востока на основании анализа изменений, внесенных в тексты программно-стратегических документов развития макрорегиона в течение третьего этапа, представлена в табл. 1.3.

Таблица 1.3

Приоритеты государственной политики Дальнего Востока

Показатели	ГП от 15.04.2014*	НП от 24.09.2020 **	ГП в ред. от 23.04.2021 ***
Превышение среднегодового темпа прироста валового регионального продукта			
Обеспечение притока инвестиций, формирование благоприятного инвестиционного климата			
Рост конкурентоспособности экономики			
Развитие транспортно-логистической инфраструктуры			
Преодоление структурных деформаций			
Поддержка экспорта			
Превышение уровня заработной платы по отношению к среднероссийскому уровню			
Повышение уровня и качества жизни населения			
Развитие гуманитарной сферы (здравоохранение, образование и наука, культура, физическая культура и спорт)			
Развитие программы «Дальневосточный гектар»			
Привлечение трудовых ресурсов			
Ускоренное развитие и создание центров экономического роста			

* – ГП «Социально-экономическое развитие Дальневосточного федерального округа» от 15.04.2014.

** – Национальная программа социально-экономического развития Дальнего Востока до 2024 года и на перспективу до 2035 года

*** – ГП «Социально-экономическое развитие Дальневосточного федерального округа» в редакции от 23.03.2021 г.

Примечание: составлено авторами по [50–52, 78, 79].

Следует отметить, что в течение современного этапа при формировании приоритетов структурной политики на Дальнем Востоке РФ константным

направлением остается обеспечение притока инвестиций и формирование благоприятного инвестиционного климата.

С 2021 г. усиливается акцентирование государственной политики на Дальнем Востоке на привлечении трудовых ресурсов и ускоренное развитие и создание центров экономического роста, что объясняется наличием значимых демографических проблем и проблем пространственной организации в макрорегионе.

По мнению авторов, действующие программно-стратегические документы не в полной мере направлены на решение ключевых проблем макрорегиона. Кроме того, сравнительный анализ этих документов свидетельствует о низком уровне их синхронизации и об отсутствии системности при установлении целевых ориентиров и принятии новых программных документов.

На основании вышеизложенного можно сделать следующие выводы:

1. Структурная политика в условиях угроз и вызовов, которым подвергается Российская Федерация в настоящее время, становится важнейшим инструментом управления, способным воздействовать на все экономические агенты (государство, предприятия, домохозяйства), «увязывая» государственные интересы и интересы частного бизнеса; имеет объективные предпосылки для позиционирования в качестве драйвера экономического роста страны.

В качестве целевых ориентиров управления структурными преобразованиями авторы полагают необходимым выделить следующие:

- формирование рационального видового состава отраслей АПК, объемов производства, сбалансированной структуры крупных, средних и малых предприятий;

- достижение структурных характеристик агропродовольственного рынка, способных обеспечить допустимый уровень продовольственной безопасности России с учетом современных геополитических и внешнеполитических реалий, изменения товарной и ценовой структуры импорта продовольствия из ряда зарубежных стран;

- снижение зависимости отечественной экономики от импорта и цен на углеводороды на мировых рынках при наличии барьеров со стороны США и стран ЕЭС для продаж российской нефти, газа и другой продукции, доходы от реализации которой составляют основу современного бюджета РФ;

- повышение инновационности и конкурентоспособности отечественной экономики, направленное на рост производства высокотехнологической наукоемкой продукции с высокой добавленной стоимостью, в том числе и экспортно-ориентированной, для обеспечения экономической базы повышения качества жизни населения страны и субъектов Федерации в ее составе.

2. Авторы убеждены, что трактовка структурной политики как управляющего воздействия в большей степени государственных структур в условиях рыночных форм хозяйствования претерпевает изменения, обусловленные необходимостью рассмотрения потенциальных структурных изменений на национальном и региональном уровнях, инициированных частным бизнесом (в том числе зарубежным), исходя из тенденций изменения конъюнктуры товарных рынков и создаваемых преференциальных режимов. При этом потребность в активной

структурной политике наиболее остро появляется тогда, когда рынок не способен самостоятельно исправить существующие структурные деформации, замедляющие экономическое развитие РФ. В свою очередь, комплексное обеспечение структурных преобразовательных мероприятий в части управления социально-экономической системой региона возможно в рамках реализации социально-экономической политики региона.

3. Формирование структурной политики регионального развития для Дальнего Востока России имеет отличительные черты с лаговой задержкой между институциональным воздействием на экономику макрорегиона и получением запланированного результата.

Особое внимание региональных и федеральных органов управления должно быть направлено на сельское хозяйство ввиду наличия более глубоких структурных деформаций в отрасли по сравнению с другими отраслями национальной экономики и ролью сельского хозяйства в формировании потенциала продовольственной безопасности страны и макрорегиона.

Следовательно, в рамках данного исследования необходимо изучить изменения государственных подходов к обеспечению продовольственной безопасности с выделением методической основы исследования структурных сдвигов. Целесообразно также проследить характер изменения структуры сельхозпроизводства Дальнего Востока при переходе от плановой (советской) экономики к рыночной и проанализировать эффективность структурных изменений в сельском хозяйстве (с дифференциацией по отраслям, видам продукции, категориям товаропроизводителей), применяя инструментарий оценки структурных сдвигов и методов экономико-математического моделирования.

Глава 2. ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОДХОДОВ К РЕСТРУКТУРИЗАЦИИ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

2.1. Методы оценки эффективности структурных сдвигов в региональном сельскохозяйственном производстве

Представленный в предыдущей главе исследовательский материал по эволюции теоретического осмысления проблемы сущностного содержания структурной политики развития социально-экономических систем различного уровня убедительно доказывает необходимость постоянного совершенствования методического инструментария оценки эффективности ее осуществления.

В качестве эмпирической базы для этого могут использоваться официально установленные в государственных программах бюджетные инвестиции и преференции в приоритетные территории, отрасли и виды экономической деятельности с научно обоснованным конкурентным преимуществом, а также получаемые при их освоении социально-экономические результаты.

Применительно к задаче настоящего исследования в обобщенно-структурированном виде система методов, позволяющих оценить структуру сельскохозяйственного производства и эффективность соответствующих структурных сдвигов, представлена на рис. 2.1.

Из представленной схемы видно, что при изучении структуры сельскохозяйственного производства в контексте её эффективности целесообразно дифференцировать последнюю по видам – технологической и экономической эффективности.

Методы оценки структурных сдвигов, в свою очередь, подразделяются на специальные (оценивающие эффективность именно структурных сдвигов и самой аграрной структуры региона) и универсальные (используемые в различных областях социально-экономических исследований).

Существующая в научной литературе дискуссионность по соотношению структурных сдвигов и эффективности структуры экономики, в том числе и в сельском хозяйстве [29, 47, 94], по нашему мнению, определяет целесообразность акцентировать внимание на иерархической соподчиненности данных понятий.

Так, необходимой предпосылкой для формирования эффективной структуры сельскохозяйственного производства является инициирование совокупностью товаропроизводителей эффективных структурных сдвигов в сельском хозяйстве региона.

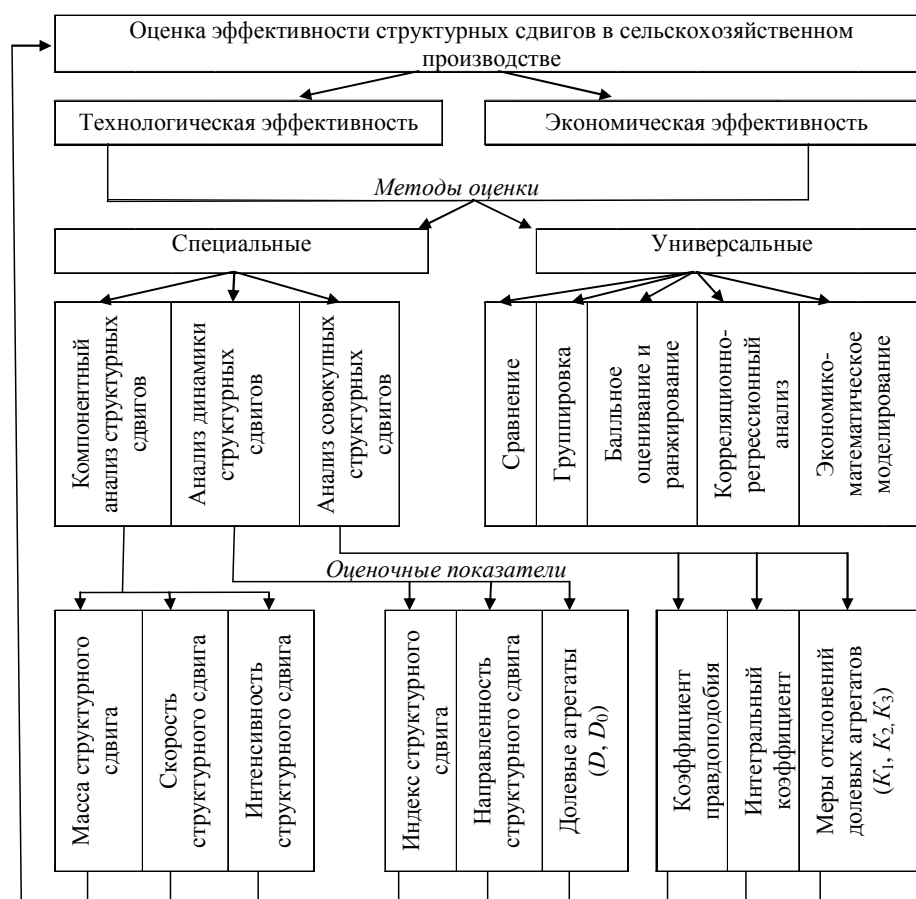

Рис. 2.1. Методы оценки эффективности структурных сдвигов в сельскохозяйственном производстве

Существуют объективные сложности практического вычисления эффективности структурного сдвига вследствие сложности выделения факторов и движущих сил структурных сдвигов, оценивания их вклада и затрат на реализацию собственно структурного сдвига [81].

Обобщение сформировавшихся к настоящему времени методов оценки экономических структур позволяет сгруппировать их по спецификации следующих решаемых задач:

1. Компонентный анализ структурных изменений, который предполагает исследование изменения уровня и соотношения структурных единиц.
2. Анализ динамики структурных изменений, включающий в себя исследование направления и степени поступательности структурно-динамических процессов.
3. Анализ совокупных структурных изменений как важнейший элемент структурно-динамического анализа, предполагающий исследование абсолютных и относительных различий структур.

Первый класс методов (компонентный анализ) предполагает использование для анализа эффективности структурных сдвигов в сельскохозяйственном производстве таких их количественных характеристик, как масса, скорость и интенсивность структурных сдвигов.

Масса структурного сдвига является базовым количественным показателем структурных сдвигов и выражается количеством экономических элементов, составляющих структурный сдвиг в натуральном (или стоимостном) выражении [83]:

$$M_{c/c} = P_{c/c} - P_{c/c}^0, \quad (2.1)$$

где $M_{c/c}$ – масса структурного сдвига;

$P_{c/c}$ – значение количественного показателя структурного сдвига в текущем периоде;

$P_{c/c}^0$ – значение количественного показателя структурного сдвига в базовом периоде.

Отметим, что содержанием понятия «масса структурного сдвига» является определённая совокупность хозяйствующих субъектов с заданными экономическими интересами и потребностями, а формой – изменение количественных показателей в натуральном или стоимостном выражении на некотором промежутке. В этом и состоит основное отличие показателя массы структурного сдвига от простых статистических показателей (отражает определённым образом направленные экономические интересы субъекта структурной политики).

Следующая характеристика первого класса методов оценки структурных сдвигов в сельскохозяйственном производстве, непосредственно связанная с массой структурных сдвигов, – это средняя скорость изменения структурного сдвига в единицу времени, которая рассчитывается по формуле [100]:

$$V_{c/c} = \left(T \sqrt{\frac{P_{c/c}}{P_{c/c}^0}} \right), \quad (2.2)$$

где $V_{c/c}$ – средняя за период скорость структурного сдвига;

T – время протекания структурного сдвига.

Следует также иметь в виду, что скорость структурных сдвигов в региональном сельском хозяйстве на разных временных промежутках является неравномерной, так как могут иметь место как ускорение, так и торможение структурных сдвигов.

С понятием массы и скорости структурных сдвигов тесно связана характеристика их интенсивности, являющаяся основным показателем нелинейности развития сдвигов в структуре экономики страны и региона.

Интенсивность структурного сдвига ($I_{c/c}$) показывает степень (или скорость) изменения его массы в единицу времени, т.е. при прочих равных условиях интенсивность структурных сдвигов даёт представление о том, как быстро (или медленно) происходят структурные процессы в недрах определённой экономической совокупности, с каким ускорением старая структура уступает место новой.

В качестве количественной характеристики годовой интенсивности структурных сдвигов в сельском хозяйстве региона можно использовать показатель $P_{c/c}^t$, величина которого определяется выражением:

$$P_{c/c}^t = \sum_{n=1}^n |W_i^t - W_i^{t-1}|, \quad (2.3)$$

где W_i^t и W_i^{t-1} – удельные веса i -го отраслевого индикатора соответственно в t -м и $(t-1)$ годах анализируемого периода.

Интенсивность структурного сдвига за ряд лет ($S_{c/c}^t$) определяется посредством сравнения удельных весов категорий землепользователей в конечном (W_i^t) и начальном (W_i^0) годах периода:

$$S_{c/c}^t = \sum_{t=1}^n |W_i^t - W_i^0|, \quad (2.4)$$

где W_i^t и W_i^0 – удельные веса i -го отраслевого индикатора соответственно в последнем и начальном годах анализируемого периода.

Обратим внимание на то, что показатель интенсивности в форме $P_{c/c}^t$ показывает, насколько сильно изменились удельные веса категорий товаропроизводителей в году с номером t по сравнению с предыдущим (т.е. дает представление о величине произошедших за год структурных изменений), а $S_{c/c}^t$ отражает величину сдвигов за весь анализируемый период.

Кроме того, интенсивность структурных сдвигов можно охарактеризовать в среднем – посредством показателя $\overline{P}_{c/c}^t$:

$$\overline{P}_{c/c}^t = \frac{1}{n} \cdot \sum_{i=1}^n P_{c/c}^t. \quad (2.5)$$

В состав методов анализа динамики структурных сдвигов входят индекс структурного сдвига, его направленность и долевые агрегаты.

Индекс структурного сдвига, характеризующий динамику аграрной структуры, выражается в долях или процентах и рассчитывается как отношение массы структурного сдвига к базовому значению экономического показателя за определенный интервал времени:

$$I_{c/c} = \frac{M_{c/c}}{P_{c/c}^0} = \frac{P_{c/c} - P_{c/c}^0}{P_{c/c}^0} = \frac{P_{c/c}}{P_{c/c}^0} - 1, \quad (2.6)$$

где $I_{c/c}$ – индекс структурного сдвига (выраженный в процентах).

Показательно, что индекс структурного сдвига дает возможность проведения сравнительного анализа динамики нескольких экономических показателей, как связанных между собой напрямую, так и не связанных. (Например, структурных изменений в структуре валового регионального продукта и структуре

собственности.) При этом через индекс структурных сдвигов определённого направления (прогрессивных или регрессивных) можно определить их качество:

$$K_{c/c} = |I_{c/c}| \cdot N_{c/c}, \quad (2.7)$$

где $K_{c/c}$ – качество структурных сдвигов;

$|I_{c/c}|$ – абсолютная величина индекса структурных сдвигов;

N – направление структурных сдвигов в атмосфере.

Соответственно, улучшение или ухудшение аграрной структуры отражается в показателе качества соответственно с помощью знаков «плюс» или «минус».

В качестве меры направленности структурных изменений используют также показатели их монотонности (т.е. возрастания или убывания), расчётные формулы для которых имеют вид [13]:

а) за отдельный год анализируемого периода:

$$M_{c/c \text{ год}}^t = \frac{C_{\text{год}}^t}{P^t}, \quad (2.8)$$

где $C_{\text{год}}^t$ – сумма всех компонент, для которых разности $(W_i^t - W_i^{t-1})$ имеют одинаковые знаки;

P^t – годовая интенсивность структурного сдвига;

б) за весь период:

$$M_{c/c \text{ период}}^t = \frac{C_{\text{период}}^t}{S^t}, \quad (2.9)$$

где $C_{\text{период}}^t$ – сумма всех компонент, для которых разности $(W_i^t - W_i^0)$ имеют одинаковые знаки;

S^t – интенсивность структурного сдвига за период.

Информацию об изменении монотонности структурного сдвига в среднем за год и в целом за временной промежуток дают соответственно показатели:

$$\bar{M}_{c/c \text{ год}}^t = \frac{1}{n} \cdot \sum_{i=1}^n M_{c/c \text{ год}}^t \quad (2.10)$$

и

$$\bar{M}_{c/c \text{ период}}^t = \frac{1}{n} \cdot \sum_{i=1}^n M_{c/c \text{ период}}^t. \quad (2.11)$$

Анализ структурной динамики посредством долевых агрегатов основан на построении векторов долевых показателей $D_{c/c}$ и $D_{c/c}^0$, характеризующих функционирование сельскохозяйственных предприятий, различающихся по виду собственности и организационно-правовой форме; их отраслей (подотраслей), факторов производства и т.д. за определённый период времени.

Посредством долевых агрегатов можно оценить «пропорциональность частей» (по А.В. Чайнову [80]), свойственную той или иной группе землепользователей. В контексте темы исследования долевые агрегаты целесообразно диффе-

ренцировать по основным категориям товаропроизводителей агропродукции на мезоуровне. Так, долевой «базовый» агрегат, позволяющий проанализировать структурные изменения i -й группы землепользователей в агросфере региона в базовом периоде, имеет вид:

$$D_{c/c_i}^0 = (d_{i_1}^0; d_{i_2}^0; \dots; d_{ij}^0; \dots; d_{in}^0), \quad (2.12)$$

где i – количество групп землепользователей; n – число базовых индикаторов (оценочных показателей),

d_{ij}^0 – удельный вес (доля) i -й группы аграрных товаропроизводителей по j -му базовому индикатору в его общем объеме (по всем группам землепользователей региона) в базовом периоде.

Аналогично определяется и долевой «текущий» агрегат для i -й группы землепользователей (долевой агрегат в текущем периоде):

$$D_{c/c_i} = (d_{i_1}; d_{i_2}; \dots; d_{ij}; \dots; d_{in}). \quad (2.13)$$

Результативность структурных сдвигов в сельском хозяйстве региона в разрезе основных групп товаропроизводителей агропродукции можно оценить, рассматривая в комплексе показатели компонентного анализа, анализа структурных сдвигов и долевых агрегатов.

Исследование структурных сдвигов является признанным способом анализа регионального роста, а основная его идея заключается в «разложении приростного регионального показателя на три составные части: национальный компонент, компонент отраслевой структуры (отраслевой сдвиг) и региональный компонент (региональный сдвиг)» [48].

Анализ совокупных структурных изменений основан, по существу, на вычислении различных мер обозначенных выше долевых агрегатов (K_1, K_2, K_3), а также коэффициента правдоподобия и интегрального коэффициента структурных сдвигов:

1. Мера K_1 используется Европейской экономической комиссией при ООН в качестве показателя совокупных структурных изменений и является мерой отклонения текущего долевого агрегата от базового [97]:

$$K_1(D_i^0; D_i) = \sum_{j \in G} (d_{ij} - d_{ij}^0), \quad (2.14)$$

где G – множество индексов j ($j \in \overline{1, n}$), таких, что $d_{ij} \geq d_{ij}^0$; D_i^0, D_i – находят соответственно по формулам (2.12) и (2.13); i – номер группы землепользователей.

2. Мера K_2 – характеризует абсолютную величину отклонения текущего долевого агрегата от базового, определяется выражением [95]:

$$K_2(D_i^0; D_i) = \frac{1}{2} \sum_{j=1}^n |d_{ij} - d_{ij}^0|, \quad (2.15)$$

3. Мера K_3 – определяет расстояние между текущим и базовым долевыми агрегатами:

$$K_3(D_i^0; D_i) = \sqrt{\sum_{j=1}^n (d_{ij} - d_{ij}^0)^2}. \quad (2.16)$$

4. Коэффициент правдоподобия $K_{c/c}^{\text{правдоподобия}}$ находится из выражения [15]:

$$K_{c/c}^{\text{правдоподобия}} = \frac{(\vec{M}_{c/c} \cdot \vec{P}_{c/c})}{|\vec{M}_{c/c}| \cdot |\vec{P}_{c/c}|}, \quad (2.17)$$

где $\vec{M}_{c/c} = (m_{zod}^t)$ и $\vec{P}_{c/c} = (p_{zod}^t)$ – векторы, координатами которых соответственно являются величины направленности и интенсивности структурного сдвига за каждый год периода; $(\vec{M}_{c/c} \cdot \vec{P}_{c/c})$ – скалярное произведение векторов направленности и интенсивности структурного сдвига; $|\vec{M}_{c/c}|, |\vec{P}_{c/c}|$ – длины векторов направленности и интенсивности структурного сдвига.

При этом для сдвига, целиком отвечающего прогрессивным структурным преобразованиям сельского хозяйства, $K_{c/c}^{\text{правдоподобия}} = 1$; для изменения, полностью им противоположного, $K_{c/c}^{\text{правдоподобия}} = -1$. (Все остальные направления структурных сдвигов располагаются между двумя этими значениями.)

5. Интегральный коэффициент $K_{c/c}^{\text{инт}}$ структурных сдвигов используется для оценки их существенности: чем ближе данный показатель к единице, тем более существенны структурные сдвиги. Расчёт показателя производится следующим образом [63]:

$$K_{c/c}^{\text{инт}} = \sqrt{\frac{\sum_{j=1}^n (w_j^i - w_j^{i-1})^2}{\sum_{j=1}^n (w_j^i)^2 + \sum_{j=1}^n (w_j^{i-1})^2}}, \quad (2.18)$$

где w_j^i и w_j^{i-1} – удельные веса объёмов производств j -го вида продукции в текущем (i) и предыдущем ($i-1$) периодах; n – число видов продукции.

Таким образом, охарактеризованные выше специальные методы оценки структурных сдвигов в сельскохозяйственном производстве, в совокупности образуют базис для оценки их результативности на уровне региона.

Эффективность структурных сдвигов ($\mathcal{E}_{c/c}$), отражая динамическую составляющую структурного развития, показывает, насколько быстро структурные сдвиги достигнут цели, т.е. приведут структуру размещения производственных ресурсов в соответствие со структурой изменяющихся потребностей, иначе – как быстро они «спровоцируют» возникновение нового качества экономических систем [22], т.е. можно сказать, что прогрессивное развитие экономической системы есть ее качественное совершенствование.

Математический показатель эффективности структурных сдвигов можно представить в виде отношения массы структурного сдвига в стоимостном выражении к сумме средств, необходимых для перемещения производственных ресурсов в соответствии с изменениями в структуре общественных потребностей:

$$\mathcal{E}_{c/c} = \frac{M_{c/c}}{Q_{c/c}} \cdot 100(\%) . \quad (2.19)$$

где $M_{c/c}$ – масса структурного сдвига в стоимостном выражении (определяется по формуле (2.1)); $Q_{c/c}$ – затраты на осуществление структурного сдвига.

Следует иметь в виду, что структурные изменения в любых сферах экономики государства, в том числе и в её аграрной составляющей, эффективны только в том случае, если: а) ведут к извлечению хозяйствующими субъектами одинаковой предельной полезности; б) соответствуют прогрессивным тенденциям; в) не ухудшают качественных и количественных показателей взаимодействующих с ними преобразований.

Таким образом, результативным (эффективным) следует признать такой структурный сдвиг в экономике, который при указанных выше параметрах не только увеличивает эффективность экономической структуры в общем, но и не ухудшает количественные и качественные показатели взаимодействующих с ним структурных сдвигов и достигается за счёт минимальных затрат. Создание эффективной структуры товаропроизводителей экономики региона требует формирования структурных сдвигов такой направленности, чтобы наиболее полно удовлетворить общественные потребности в сфере обеспечения населения продовольствием. Каждый из представленных выше оценочных структурных показателей характеризуется как достоинствами, так и недостатками; последние при этом могут быть нивелированы посредством комплексного их применения (табл. 2.1).

Таблица 2.1

Сравнительный анализ достоинств и недостатков показателей структурных сдвигов в сельскохозяйственном производстве

Показатель	Характеристика показателя и описание его преимуществ	Описание недостатков показателя
Масса структурного сдвига	Отражает скорость изменения удельных весов структурных элементов аграрной экономики за определённый период	Масса и индекс структурного сдвига не пропорциональны друг другу: меньшим «абсолютным» приростам могут соответствовать большие темпы роста и индексы, а большим «абсолютным» приростам – меньшие темпы роста
Индекс структурного сдвига	Представляет собой изменение массы структурного сдвига за определённый временной промежуток (выражается в процентах)	

Показатель	Характеристика показателя и описание его преимуществ	Описание недостатков показателя
Скорость (среднегодовая) структурного сдвига	Отражает динамику структурных сдвигов во времени; позволяет сопоставить структурные сдвиги различных элементов аграрной структуры, определить дихотомию, асинхронность сдвигов, выявить лаги и инерционность	Отражает среднюю ежегодную величину изменения удельного веса в структуре, не учитывая «резкость» его структурных сдвигов в отдельные периоды
Интенсивность структурного сдвига	Показывает степень изменения массы структурного сдвига в год (или за ряд лет), характеризуя нелинейность развития сдвигов в структуре аграрной экономики	Представляет среднюю ежегодную степень изменения доли элемента в структуре, характеризуя усредненную нелинейность структурных сдвигов в отдельные периоды
Направленность структурного сдвига	Показывает монотонность структурных сдвигов за исследуемый период и позволяет судить о характере структурных изменений в аграрном секторе (прогрессивном или регрессивном)	Только расчёт показателей в динамике за два последовательных года позволяет определить резкий позитивный или негативный сдвиги изменения аграрной структуры
Качество структурного сдвига	Отражает согласованное направление изменения структурных элементов и социально-экономического прогресса	Для каждой отрасли аграрной экономики характерна своя направленность социально-экономического прогресса. Для более точной характеристики направления структурных сдвигов нужно использовать коэффициент правдоподобия
Интегральный коэффициент структурного сдвига	Позволяет выявить различия структуры экономики территории	При формулировке выводов нужно учитывать территориальные особенности аграрного сектора
Эффективность структурного сдвига	Позволяет сопоставить массу структурного сдвига в стоимостном выражении и сумму затрат, требуемых для перемещения производственных ресурсов в соответствии с изменениями в структуре	При вычислении коэффициента невозможно учесть все факторы изменения экономической структуры

Источник: составлено по [83].

Использование совокупности показателей для оценки структурных сдвигов в сельскохозяйственном производстве за длительный период времени даёт возможность определить степень изменения преимуществ или угроз в аграрных структурах экономики.

Результаты такой оценки могут быть использованы для оптимизации структуры с целью создания новых конкурентных преимуществ сельскохозяйственной продукции, сельскохозяйственных товаропроизводителей, сельских территорий.

Следовательно, из методов оценки результативности структурных сдвигов в сельском хозяйстве региона непосредственно «проистекают» и методы анализа рациональности самой аграрной структуры (в комбинации с традиционными методами). При этом структуру сельского хозяйства на мезоуровне будем считать рациональной, если позитивно направленные структурные сдвиги инициируют устойчивый рост основных показателей технологической и экономической эффективности растениеводства и животноводства по всем группам товаропроизводителей.

Анализ современного состояния структуры аграрного сектора и оценка её рациональности в сочетании с изучением результативности позитивно направленных структурных сдвигов предполагает использование системы показателей, позволяющих определить экономическую и технологическую эффективность комплексных отраслей сельского хозяйства (или отраслей первого порядка) – растениеводства и животноводства, а также входящих в их состав более узких отраслей (или отраслей второго, третьего и т.д. порядков) – производства зерна, картофеля, овощей, молока, мяса, яиц и т.п.

Таким образом, под оценкой структурных сдвигов в сельскохозяйственном производстве и, собственно, аграрной структуры будем понимать изучение в динамике изменений долей и пропорций элементов аграрной структуры, обусловленных интенсивностью и эффективностью структурных сдвигов, результаты которого должны привести к выявлению «узких мест» и обоснованию направлений совершенствования.

В заключение отметим, что любой вариант структурного развития сельскохозяйственного производства в регионе требует корректного научного обоснования как с точки зрения результативности структурных сдвигов в выпуске основных видов сельскохозяйственной продукции, так и с точки зрения эффективности структуры сельскохозяйственных товаропроизводителей и в целом – эффективности структуры растениеводства и животноводства на мезо- и микроуровне.

2.2. Трансформация структуры регионального сельскохозяйственного производства при переходе от плановой экономики к рыночной

Важнейшим институциональным преобразованием, которому была подвергнута экономика Российской Федерации и субъектов Федерации (в том числе и российского Дальнего Востока) при переходе от плановой экономики к рыночной, явилась аграрная реформа 1991–2000 гг. и особенно её главная составляющая – земельная реформа. Массовый земельный передел в России в основном завершился к 1993–1995 гг., вследствие чего произошли значительные структурные изменения в формах земельной собственности, землеустройства и землепользования; была осуществлена приватизация 115,9 млн га земли; 11,6 млн работников бывших колхозов и совхозов, получив право на свою долю, стали собственниками земельных участков [103].

В результате в России сложилась следующая структура субъектов права на собственность:

- а) государство в лице своих исполнительных органов;
- б) физические лица;
- в) отдельные коллективы.

Если все вышеперечисленные субъекты права рассматривать как некоторую группу (множество), то ей по специальному закону (в нашем случае это принятые в РФ нормативно-правовые акты) можно поставить в соответствие группу, составленную из видов собственности, а последней, в свою очередь, группу по видам предприятий:

$$\varphi: A \rightarrow B \text{ и } \mu: B \rightarrow C \Leftrightarrow A \xrightarrow{\varphi} B \xrightarrow{\mu} C,$$

где φ, μ – законы отображений;

$A = \{a_i, i = \overline{1,3}\}$ – группа субъектов права (a_1 – государство; a_2 – физические лица; a_3 – отдельные коллективы); $B = \{b_j, j = \overline{1,5}\}$ – группа по формам собственности (b_1 – государственная собственность; b_2 – муниципальная; b_3 – частная; b_4 – коллективная (совместная); b_5 – смешанная); $C = \{c_s, s = \overline{1,8}\}$ – группа по видам предприятий (c_1 – государственные (казённые) хозяйства; c_2 – специализированные НПО, сочетающие фундаментальные исследования с товарным производством соответствующих по профилю видов продукции; c_3 – частные крестьянские (фермерские) хозяйства, а также предприятия партнёрского типа, принадлежащие нескольким хозяевам-собственникам; c_4 – сельскохозяйственные производственные кооперативы (преимущественно бывшие колхозы, не расчленённые на коллективно-долевые предприятия, изменившие свой статус формально); c_5 – хозяйственные товарищества (коллективно-долевые крупные предприятия, возникшие в результате реорганизации колхозов и объединившие земельные и имущественные пай бывших колхозников); c_6 – хозяйственные общества (акционерные общества и общества с ограниченной ответственностью) – бывшие совхозы и колхозы, не сохранившие статус крупных хозяйств; c_7 – агропромышленные объединения, комбинаты, агрофирмы; c_8 – личные подсобные хозяйства населения).

Взаимосвязь этих трёх групп наглядно представлена в виде графа (рис. 2.2). (Вершины графа – это элементы a_i, b_j, c_s ($i = \overline{1,3}; j = \overline{1,5}; s = \overline{1,8}$) соответственно множеств A, B, C ; а дуги – направления связи между ними.)

Заметим, что, хотя некоторые экономисты отождествляют частную и коллективную собственности, на наш взгляд, такой подход не совсем корректен, так как эти виды собственности в ряде случаев как по характеру формируемых производственных отношений, так и по принципу распределения полученных результатов существенно отличаются друг от друга. Поэтому (см. рис. 2.1) будем считать, что частная собственность инициируется таким субъектом права, как физические лица, а коллективная – коллективами или (и) частными лицами.

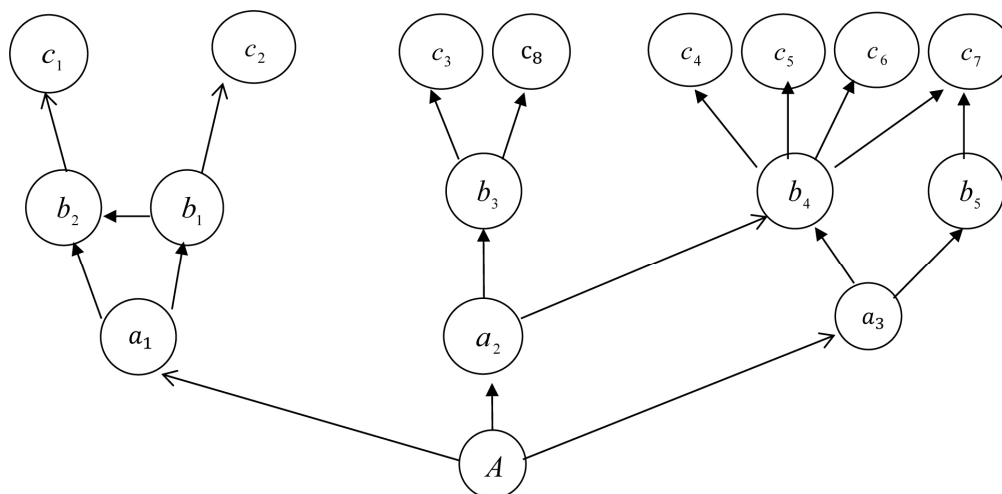

Рис. 2.2. Граф распределения предприятий по формам собственности

Хозяйства всех типов c_i ($i = \overline{1,8}$) условно разделим на следующие три укрупненные группы (по категориям землепользователей):

- 1) сельскохозяйственные предприятия (организации) c_i ($i = \overline{1,7}; i \neq 3$);
- 2) хозяйства населения (c_8) – личные подсобные хозяйства (ЛПХ), деятельность которых регламентируется статьями 2, 4 Федерального закона от 7 июля 2003 г. № 112-ФЗ «О личном подсобном хозяйстве» [77]; коллективные сады и огороды;
- 3) крестьянские (фермерские) хозяйства (c_3) – форма свободного предпринимательства, когда на основе использования находящейся в его собственности или арендованной земли и имущества фермер осуществляет производство, переработку и реализацию сельхозпродукции.

Из представленных выше трех категорий землепользователей в процессе реструктуризации наиболее существенное изменение претерпела структура сельскохозяйственных предприятий. Действительно, если в плановый (дореформенный) период основными субъектами хозяйственной деятельности на селе являлись колхозы и совхозы, то в результате приватизации появились или возродились и другие формы сельхозпредприятий.

Сельскохозяйственные организации (предприятия) можно классифицировать по многим основаниям. С точки зрения организационно-производственной формы они подразделяются на три типа: семейные, коллективные и антрепренёрские [59]. В реальной агропрактике границы между рассмотренными типами сельскохозяйственных предприятий довольно прозрачны, поэтому в действительности существует большое количество смешанных типов хозяйств. Например, крупные фермерские (крестьянские) хозяйства, являясь *de jure* семейными предприятиями, *de facto* могут быть антрепренёрскими, базирующимися на наёмном труде. Или предприятия, созданные изначально как коллективные, могут оказаться настолько зависимыми от государственной поддержки, что существенно изменится состав и соотношение их работников и собственников. Такое

хозяйство более верно будет отнести к антрепренёрскому. Между тем и само коллективное предприятие в процессе своей производственной деятельности выступает в двух ипостасях: антрепренёрского хозяйства, нанимающего рабочую силу, и трудового коллектива, члены которого живут за счёт продажи собственной рабочей силы.

Так, семейное предприятие (в отличие от антрепренёрского) максимизирует не прибыль, а несколько иную функцию полезности – «прибыль + свободное время семьи».

Таким образом, российская аграрная реформа 90-х гг. прошлого века привела к массовому распространению именно коллективных предприятий или довольно близких к ним по форме (с точки зрения организационно-производственного классификационного признака), которые в современных условиях представлены следующими организационно-правовыми формами:

- полное товарищество (ПТ);
- товарищество на вере или смешанное товарищество (СТ);
- общество с ограниченной ответственностью (ООО);
- акционерное общество – закрытое (ЗАО, с 2014 г. переименовано в АО) или открытое (ОАО, с 2014 г. переименовано в ПАО);
- сельскохозяйственный производственный кооператив (СПК);
- ассоциации крестьянских хозяйств, товариществ и кооперативов.

Обратим внимание на то, что всем этим в общем-то коллективным формам сельскохозяйственных предприятий присущи и некоторые антрепренёрские черты. Например, основной целью функционирования приведённых здесь форм предприятий является не благосостояние коллектива, а получение прибыли, что, несомненно, характерно для антрепренёрских предприятий. В то же время по большинству остальных показателей (коллективно-долевая собственность, пути распределения дохода, отсутствие единого собственника и др.) данные предприятия, несомненно, являются коллективными. Поэтому мы их и отнесли к коллективному типу. Наряду с вышеперечисленными формами коллективных предприятий в настоящее время в сельском хозяйстве функционируют также практически «чистые» антрепренёрские предприятия (например, муниципальные унитарные предприятия) и преимущественно антрепренёрские (сельскохозяйственные производственные кооперативы).

Частью структурной перестройки сельского хозяйства, причём одной из важнейшей (по декларируемым целям аграрной реформы 1991–2000 гг.), представлялось развитие фермерства. Предполагалось, что во всех регионах РФ именно крестьянские хозяйства (носители субъекта частной собственности на землю) являются наиболее перспективной формой хозяйствования на земле. На Дальнем Востоке первые фермерские хозяйства были зарегистрированы в 1990 г. Пик фермерского движения пришелся на 1992–1993 гг., затем процесс их создания замедлился и обратился в процесс их ликвидации с увеличивающейся скоростью. К 2001 г. ситуация с крестьянскими хозяйствами стабилизировалась; данная форма хозяйствования заняла свою небольшую, но достаточно прочную нишу в аграрной структуре государства, Дальнего Востока и субъектов Федерации в его составе. (Правда, возложенная идеологами коренных структурных

преобразований на фермерство «миссия» возрождения российского крестьянства проверку временем не прошла, оказавшись несостоятельной.) Таким образом, структура регионального сельскохозяйственного производства при переходе от плановой экономики к рыночной претерпела существенные трансформации ввиду изменения состава товаропроизводителей, условий хозяйствования на селе, серьёзных институциональных преобразований и изменения политического устройства государства.

В контексте цели и задач настоящего исследования целесообразно проанализировать структуру регионального сельскохозяйственного производства на различных временных промежутках в зависимости от институциональных преобразований и приоритетов региональной политики соответствующего периода.

Так как авторами в подразд. 1.3 монографии предложена типологизация развития национальной экономики именно в зависимости от знаковой институциональной идеи того или иного этапа, то эволюцию структуры сельскохозяйственной продукции на Дальнем Востоке рассмотрим в разрезе данной этапизации на II (2001–2013) и III (с 2014 г. по настоящее время) этапах (т.е. в условиях рыночных форм хозяйствования).

В сельском хозяйстве России в течение второго и третьего этапов развивается трехкомпонентная структура товаропроизводителей: сельскохозяйственные организации, крестьянские (фермерские) хозяйства и личные подсобные хозяйства населения, которые являются основными объектами проводимого авторами анализа. При этом сельскохозяйственное производство для отраслей сельского хозяйства имеет специфические особенности, поэтому дальнейшее исследование структурных особенностей сельхозпроизводства выполнено авторами в разрезе отраслей сельского хозяйства (растениеводства и животноводства) и с дифференциацией по основным категориям товаропроизводителей. При этом интересно сравнить изменения в структуре сельскохозяйственного производства на Дальнем Востоке с общероссийским уровнем.

Основными производителями продукции растениеводства в целом по России и на II, и на III этапах стали СХО и ЛПХ, удельный вес которых в общем объёме сельскохозяйственного производства в среднем за 2001–2013 гг. был примерно одинаков и составлял соответственно 44,9 и 44,5 %, а за 2014–2021 гг. – 51 % (СХО) и 29,9 % (ЛПХ). Причём если доля подсобных хозяйств в обеспечении страны продукцией растениеводства уменьшается на протяжении двух последних периодов, то вклад фермеров и СХО, напротив, возрастает (табл. 2.2).

На уровне Дальнего Востока наибольшую долю в структуре продукции растениеводства на этапе, предшествующем современному этапу развития экономики, занимали хозяйства населения, доля которых в среднем за 2001–2013 гг. составляла 64,8 %. Данная тенденция пролонгировалась (но со снижением) на следующий период: 43 % – в среднем за 2014–2021 гг. Отмечается при этом сформировавшаяся закономерность падения удельного веса дальневосточных подсобных хозяйств в общей массе сельхозпроизводства отрасли растениеводства.

Таблица 2.2

**Структура продукции растениеводства по категориям
товаропроизводителей России и Дальнего Востока РФ (в % от всех хозяйств)**

Год	Россия			Дальний Восток		
	СХО*	К(Ф)Х	ЛПХ	СХО	К(Ф)Х	ЛПХ
2001	48,2	5,8	46,0	22,8	6,9	70,3
2002	41,1	5,8	53,1	23,5	7,2	69,3
2003	42,3	7,2	50,5	23,2	8,1	68,7
2004	47,2	9,8	43,0	26,8	9,7	63,5
2005	43,9	9,6	46,5	25,8	9,5	64,7
2006	44,9	11,1	44,0	24,3	12,1	63,6
2007	48,9	12,3	38,8	25,8	11,6	62,6
2008	48,8	12,8	38,4	27,1	12,2	60,7
2009	43,8	11,6	44,6	24,4	11,5	64,2
2010	40,5	11,1	48,4	24,3	11,0	64,7
2011	45,5	13,5	41,0	25,2	11,2	63,6
2012	44,3	13,6	42,1	24,2	12,4	63,4
2013	43,8	14,5	41,7	25,3	12,1	62,6
<i>В среднем за II этап (2001–2013)</i>	<i>44,9</i>	<i>10,7</i>	<i>44,5</i>	<i>24,8</i>	<i>10,4</i>	<i>64,8</i>
2014	43,8	14,9	41,3	29,3	17,0	53,7
2015	46,8	16,5	36,7	32,5	17,7	49,8
2016	48,5	17,7	33,8	34,5	18,4	47,1
2017	51,4	19,2	29,4	37,9	20,9	41,2
2018	52,2	19,2	28,6	39,6	19,2	41,2
2019	53,7	20,8	25,5	40,2	19,1	40,7
2020	56,0	21,9	22,1	40,0	21,4	38,6
2021	55,9	22,3	21,8	45,0	23,1	31,9
<i>В среднем за III этап (2014–2021)</i>	<i>51,0</i>	<i>19,1</i>	<i>29,9</i>	<i>37,4</i>	<i>19,6</i>	<i>43,0</i>

Примечание: составлено и рассчитано по [61].

Сельхозпредприятия, находясь на втором месте, показали устремление к росту своего вклада в обеспечении макрорегиона растениеводческой продукцией: от 22,8 % (в 2001 г.) до 45,0 % (в 2021 г.).

Дальневосточные фермеры, занимая самую малую нишу регионального продовольственного рынка, показывают устойчивое стремление к увеличению своего вклада в выпуск сельхозпродукции: от 6,9 % (в начале периода) до 23,1 % (в конце периода).

Для формирования и поддержания комфортного для региона уровня продовольственной безопасности необходимо понимать, какая группа товаропроизво-

дителей формирует основной объем продукции по ее видам (зерновые культуры, овощи, картофель). Ответ на такой вопрос возможно получить на основе анализа структуры производства сельскохозяйственной продукции.

Основными производителями зерновых на протяжении обоих анализируемых временных промежутков на общероссийском и региональном уровнях являлись сельскохозяйственные предприятия, обеспечившие в среднем за 2001–2013 гг. соответственно 78,6 и 79,4% общей массы зерна по всем категориям товаропроизводителей РФ и Дальнего Востока.

Вторую позицию в структуре производства зерновых культур заняли фермеры. Их доля в среднем за второй период составляла на общероссийском и дальневосточном уровне соответственно 20,4 и 18,9%, обеспечивая отставание от СХО в 3,8 и 4,2 раза. За первые годы третьего периода «средняя» доля К(Ф)Х по России в целом возросла до 28,5%, а на уровне макрорегиона – до 21,8%.

Хозяйства населения в обеспечении РФ и макрорегиона зерновыми играют незначительную роль, сформировав за 2001–2013 гг. около 1 и 1,7% государственных и региональных запасов зерновых культур. В течение III периода вклад подсобных хозяйств в региональное производство зерна еще сократился.

Для всех субъектов Федерации, выпускающих основной объем зерновых в макрорегионе (в Хабаровском крае, Еврейской АО, Приморском крае и Амурской области), имеет место снижение удельного веса СХО в структуре производства данной сельскохозяйственной культуры (табл. 2.3).

Таблица 2.3

**Структура производства зерновых (в массе после доработки)
по категориям товаропроизводителей России и Дальнего Востока
(в % от общего объема)**

Территория	2001 г.	В среднем за годы						2019 г.	2020 г.	2021 г.	В среднем за годы	
		2001–2003	2004–2006	2007–2009	2010–2013	2014–2015	2016–2018				2001–2013	2014–2021
Сельскохозяйственные организации												
Россия	88,2	86,4	80,2	78,4	76,3	73,2	70,6	70,1	69,8	69,9	78,6	69,9
Дальний Восток	84,3	82,7	79,4	76,3	79,4	79,4	79,2	79,1	75,9	76,0	79,4	76,0
Приморский край	90,2	87,3	84,1	82,0	81,5	81,6	84,4	85,4	79,9	80,0	82,7	80,0
Хабаровский край	94,9	94,1	92,4	94,3	87,2	78,4	79,3	71,9	71,9	72,0	90,0	72,0
Амурская область	80,7	82,1	80,1	77,1	79,8	79,5	78,0	77,1	77,1	77,2	79,8	77,2
Еврейская АО	70,6	60,6	31,3	18,1	31,1	23,8	13,3	26	11,8	12,4	33,5	12,4

Окончание табл. 2.3

Территория	2001 г.	В среднем за годы						2019 г.	2020 г.	2021 г.	В среднем за годы	
		2001–2003	2004–2006	2007–2009	2010–2013	2014–2015	2016–2018				2001–2013	2014–2021
Крестьянские (фермерские) хозяйства												
Россия	11,0	12,5	18,6	20,7	22,7	25,8	28,6	29,2	29,5	29,4	20,4	28,5
Дальний Восток	13,5	12,1	18,3	23,0	19,7	20,1	20,6	20,7	23,8	23,8	18,9	21,8
Приморский край	4,0	3,9	10,8	15,9	16,6	17,3	15,2	14,3	19,8	19,7	13,9	17,3
Хабаровский край	3,2	4,0	5,7	4,5	10,5	20,1	20,5	27,9	28	27,9	8,0	24,9
Амурская область	19,2	17,7	19,8	22,9	20,2	20,4	22,0	22,9	22,9	22,8	20,2	22,2
Еврейская АО	28,6	36,5	66,2	81,5	68,5	76,0	86,5	73,7	87,7	87,3	65,4	82,2
Хозяйства населения												
Россия	0,8	1,1	1,2	0,9	1,0	1,0	0,8	0,7	0,7	0,7	1,0	0,8
Дальний Восток	3,0	5,1	2,2	0,7	0,9	0,6	0,2	0,3	0,2	0,2	1,7	0,3
Приморский край	6,9	8,8	5,1	2,1	1,9	1,2	0,4	0,4	0,3	0,3	3,3	0,5
Хабаровский край	1,8	1,9	1,9	1,2	2,3	1,5	0,2	0,2	0,1	0,1	2,0	0,4
Амурская область	0,3	0,2	0,1	0,0	0,1	0,0	0,0	0	0	0	0,1	0,0
Еврейская АО	1,0	2,9	2,5	0,4	0,5	0,2	0,2	0,3	0,5	0,3	1,1	0,3

Примечание: составлено и рассчитано по [61].

Фермерский сектор практически всех территорий Дальнего Востока увеличил свою долю в выпуске товарного зерна: в Приморском крае более чем в три раза, в Хабаровском крае – почти в 10 раз, в Еврейской автономной области – в 2,3 раза. Но в целом по региону отмеченная выше тенденция уменьшения веса сельхозпредприятий в производстве такого важнейшего для России вида сельскохозяйственной продукции, как зерновые, сложилась по той причине, что Приморский край и Амурская область, являясь основными производителями товарного зерна, смогли обеспечить среднегодовые темпы прироста данного показателя по всем категориям хозяйств в размере соответственно 7 и 4,1%, а по сельскохозяйственным организациям 6,9 и 3,8% против 13,8 и 5,1% по фермерским хозяйствам. Вследствие этого вклад фермерских хозяйств Приморского края в зерновое производство в макрорегионе вырос, а для Амурской области уменьшился.

Анализируя динамику валовых сборов зерновых (в весе после доработки) в целом за постприватизационный период (2001–2021) по основным категориям

товаропроизводителей России и макрорегиона следует отметить их положительные среднегодовые темпы изменения для СХО и К(Ф)Х (табл. 2.4).

Таблица 2.4

**Валовой сбор зерновых (в весе после доработки) по категориям
землепользователей России и Дальнего Востока
(в скобках – % от общерегионального производства зерновых)**

Территория	Все категории хозяйств			СХО			К(Ф)Х			ЛПХ		
	2001 г., тыс. т	2021 г., тыс. т	Среднегодовой темп роста (+) (падения (-)), %	2001 г., тыс. т	2021 г., тыс. т	Среднегодовой темп роста (+) (падения (-)), %	2001 г., тыс. т	2021 г., тыс. т	Среднегодовой темп роста (+) (падения (-)), %	2001 г., тыс. т	2021 г., тыс. т	Среднегодовой темп роста (+) (падения (-)), %
Россия	85 200	117 558	1,6	75 146	80 451	0,3	9 372	35 748	6,9	682	1 359	3,5
Дальний Восток	397,8 (100)	1 261,2 (100)	5,9	321,6 (80,8)	948,3 (75,2)	5,6	56,9 (14,3)	310,6 (24,6)	8,9	19,3 (4,9)	2,3 (0,2)	-10,1
Республика Саха (Якутия)	16,1 (4,0)	9,3 (0,7)	-2,7	14,1 (3,5)	7,8 (0,6)	-2,9	2,0 (0,5)	1,5 (0,1)	-1,4	0,0 (0,0)	0,00 (0,0)	-
Примор- ский край	134,9 (33,9)	520,1 (41,2)	7,0	109,7 (27,6)	417,6 (33,1)	6,9	7,6 (1,9)	101,3 (8,0)	13,8	17,7 (4,4)	1,2 (0,1)	-12,6
Хабаров- ский край	27,0 (6,8)	16,4 (1,3)	-2,5	26,0 (6,5)	10,9 (0,9)	-4,3	0,8 (0,2)	5,5 (0,4)	10,1	0,2 (0,1)	0,02 (0,002)	-10,9
Амур- ская область	190,3 (47,8)	424,5 (33,7)	4,1	153,1 (38,5)	325,0 (25,8)	3,8	36,5 (9,2)	99,5 (7,9)	5,1	0,6 (0,1)	0,04 (0,003)	-12,7
Камчат- ский край	0,6 (0,2)	7,0 (0,6)	13,1	0,3 (0,1)	0,5 (0,04)	2,6	0,2 (0,1)	6,5 (0,5)	19,0	0,1 (0,02)	0,04 (0,003)	-4,5
Еврей- ская АО	29,0 (7,3)	0,1 (0,01)	-24,7	18,4 (4,6)	-	-	9,8 (2,5)	0,1 (0,01)	-20,5	0,7 (0,2)	0,00 (0,00)	-

Примечание: составлено и рассчитано по [61].

В хозяйствах населения России в целом отмечен среднегодовой темп прироста валового сбора зерна, равный 3,5 %, в то время как активность дальневосточных подсобных хозяйств в выпуске зерновых снизилась, инициировав среднегодовое падение данного показателя, равное 10,1 %.

Изучение производства зерновых культур в хозяйствах населения региона в разрезе его субъектов Федерации показало, что на всех территориях региона в

2021 г. по отношению к 2001 г. имело место снижение и без того ничтожно малых валовых сборов зерна.

Структура производства картофеля и во втором, и в третьем периодах на российском и региональном уровнях имеет схожее распределение «весов» по основным категориям землепользователей (табл. П.А.1).

Так, практически всё производство картофеля сосредоточено в личных подсобных хозяйствах населения. На втором месте во втором периоде находились сельхозпредприятия, на третьем – К(Ф)Х. Но в третьем периоде дальневосточные фермеры на 2,8 п.п. (процентных пункта) опередили СХО (11,9% против 9,1%).

Структура производства овощей по категориям хозяйств аналогична структуре производства картофеля, с той лишь разницей, что в этом случае вклад хозяйств населения в общий объём производства овощей – менее 75%; для РФ в среднем за второй период составляет 72%, для Дальнего Востока – 68%, а за третий – соответственно 55,3 и 59,8% (табл. П.А.2).

Сельскохозяйственные предприятия в среднем и за 2001–2013 гг., и за 2014–2021 гг. произвели: а) на российском уровне соответственно 17,7 и 25,6%; б) на региональном – 17,9 и 21,3% всех овощей открытого и защищенного грунта.

«Усреднённый» вклад крестьянских хозяйств страны в целом в «овощную корзину» в третьем периоде по сравнению с предыдущим увеличился на 8,8 п.п., а на уровне региона вырос на 4,9 п.п.

Рассматривая структуру производства картофеля и овощей в течение двух выделенных нами периодов в разрезе отдельных территорий российского Дальнего Востока, обратим внимание на то, что иерархия объёмов агропродукции, выпускаемой основными категориями товаропроизводителей большинства территорий региона, аналогична соотношениям, сформировавшимся в данные временные промежутки на уровне РФ и макрорегиона.

Нарушается отмеченная тенденция для аграрных товаропроизводителей Амурской и Магаданской областей, Еврейской автономной области и Республики Саха (Якутия).

Учитывая, что для формулировки обоснованного вывода о перспективах изменения (в сторону снижения или увеличения) объёма производства основных видов агропродукции по категориям землепользователей региона недостаточно только рассмотрение структуры их выпуска, дополним проведенный выше анализ изучением изменения валовых сборов картофеля и овощей.

Основной вклад в обеспечение картофелем Дальнего Востока вносят три региона (Амурская область, Приморский и Хабаровский края), товаропроизводители которых в совокупности во втором и третьем периодах вырастили 75 и 70% товарного картофеля. При этом валовой сбор картофеля по всем группам аграрных товаропроизводителей страны и макрорегиона в 2021 г. по сравнению с 2001 г. уменьшился соответственно на 47 и 63%. Среднегодовой темп падения производства картофеля за второй и третий периоды составил для России в целом и её Дальнего Востока соответственно 3,2 и 5% (табл. 2.5).

Таблица 2.5

**Валовой сбор картофеля по категориям землепользователей России
и Дальнего Востока (в скобках – % от общерегионального производства
картофеля всеми категориями землепользователей)**

Терри- тория	Все категории хозяйств			СХО			К(Ф)Х			ЛПХ		
	2001 г., тыс. т	2021 г., тыс. т	Среднегодовой темп роста (+) (падения (-)), %	2001 г., тыс. т	2021 г., тыс. т	Среднегодовой темп роста (+) (падения (-)), %	2001 г., тыс. т	2021 г., тыс. т	Среднегодовой темп роста (+) (падения (-)), %	2001 г., тыс. т	2021 г., тыс. т	Среднегодовой темп роста (+) (падения (-)), %
Россия	35 000	18 296	-3,2	2170	4063	3,2	420	2550	9,4	32410	11683	-5,0
Дальний Восток	1679,1 (100)	618,7 (100)	-4,9	109,1 (6,5)	66,7 (10,8)	-2,4	55,4 (3,3)	110,1 (17,8)	3,5	1514,5 (90,2)	442 (71,4)	-6,0
Респуб- лика Саха (Якутия)	68,5 (4,1)	65,8 (10,6)	-0,2	11,8 (0,7)	2,1 (0,3)	-8,3	9,5 (0,6)	17,6 (2,8)	3,1	47,2 (2,8)	46,1 (7,5)	-0,1
Примор- ский край	433,7 (25,8)	179,2 (29,0)	-4,3	19,5 (1,2)	24,2 (3,9)	1,1	12,6 (0,7)	38,1 (6,2)	5,7	401,6 (23,9)	117,0 (18,9)	-6,0
Хабар- овский край	326 (19,4)	87,6 (14,2)	-6,4	12,1 (0,7)	3,0 (0,5)	-6,7	4,9 (0,3)	5,8 (0,9)	0,8	309,0 (18,4)	78,8 (12,7)	-6,6
Амур- ская область	491,2 (29,3)	145,7 (23,5)	-5,9	11,8 (0,7)	1,1 (0,2)	- 11, 2	6,9 (0,4)	15,6 (2,5)	4,2	472,5 (28,1)	129,0 (20,9)	-6,3
Камчат- ский край	66 (3,9)	40,1 (6,5)	-2,5	7,8 (0,5)	6,0 (1,0)	-1,3	2,2 (0,1)	10,5 (1,7)	8,1	56,0 (3,3)	23,6 (3,8)	-4,2
Мага- данская область	11,7 (0,7)	7,1 (1,1)	-2,5	1,1 (0,1)	0,9 (0,1)	-1,0	1,7 (0,1)	3,7 (0,6)	4,0	9,0 (0,5)	2,5 (0,4)	-6,2
Саха- линская область	178 (10,6)	61,2 (9,9)	-5,2	39,9 (2,4)	27,6 (4,5)	-1,8	11,0 (0,7)	16,5 (2,7)	2,0	127,1 (7,6)	17,1 (2,8)	-9,5
Еврей- ская авто- номная область	103,9 (6,2)	32,0 (5,2)	-5,7	5,2 (0,3)	1,8 (0,3)	-5,2	6,6 (0,4)	2,3 (0,4)	-5,1	92,1 (5,5)	27,9 (4,5)	-5,8

Примечание: составлено и рассчитано по [61].

Овощи преимущественно выращивают на территориях Сахалинской, Амурской областей, а также в Приморском и Хабаровском краях (примерно 81 % и во

втором, и в третьем периодах). В 2021 г. по сравнению с 2001 г. овощей в целом по стране было выращено на 171 тыс. т больше, а на Дальнем Востоке, напротив, меньше (на 260 тыс. т; среднегодовая скорость падения показателя составила по всем категориям хозяйств 3,3 %) (табл. 2.6).

Таблица 2.6

Валовой сбор овощей по категориям землепользователей России и Дальнего Востока (в скобках – в % от общерегионального производства овощей всеми категориями землепользователей)

Территория	Все категории хозяйств			СХО			К(Ф)Х			Хозяйства населения		
	2001 г., тыс. т	2021 г., тыс. т	Среднегодовой темп роста (+) (падения (-)), %	2001 г., тыс. т	2021 г., тыс. т	Среднегодовой темп роста (+) (падения (-)), %	2001 г., тыс. т	2021 г., тыс. т	Среднегодовой темп роста (+) (падения (-)), %	2001 г., тыс. т	2021 г., тыс. т	Среднегодовой темп роста (+) (падения (-)), %
Россия	13300	13478	0,1	2367	3828	2,4	305,9	2741	11,6	10627	6909	-2,1
Дальний Восток	533,9 (100)	273,6 (100)	-3,3	74,2 (13,9)	61,8 (22,6)	-0,9	39,5 (7,4)	57,8 (21,1)	1,9	420,2 (78,7)	153,9 (56,3)	-4,9
Республика Саха (Якутия)	33,8 (6,3)	24,6 (9,0)	-1,6	6,1 (1,1)	2,7 (1,0)	-4,0	6,7 (1,3)	9,7 (3,5)	1,9	21,0 (3,9)	12,2 (4,5)	-2,7
Приморский край	114,6 (21,5)	101,8 (37,2)	-0,6	19,1 (3,6)	24,2 (8,8)	1,2	3,7 (0,7)	22,9 (8,4)	9,5	91,8 (17,2)	54,7 (20,0)	-2,6
Хабаровский край	140,4 (26,3)	47,1 (17,2)	-5,3	10,2 (1,9)	3,5 (1,3)	-5,2	4,1 (0,8)	5,3 (1,9)	1,3	119,1 (22,3)	38,3 (14,0)	-5,5
Амурская область	112,1 (21,0)	34,6 (12,6)	-5,7	8,6 (1,6)	3,6 (1,1)	-4,3	3,3 (0,6)	5,3 (1,9)	2,4	100,2 (18,8)	25,6 (9,4)	-6,6
Камчатский край	35,3 (6,6)	14,8 (5,4)	-4,3	4,4 (0,8)	4,5 (1,6)	0,1	1,4 (0,3)	3,7 (1,4)	5,0	29,5 (5,5)	6,7 (2,4)	-7,1
Магаданская область	3,3 (0,6)	3,9 (1,4)	0,8	0,9 (0,2)	0,9 (0,3)	0,0	0,4 (0,1)	1,9 (0,7)	8,1	2,0 (0,4)	1,1 (0,4)	-2,9
Сахалинская область	64,6 (12,1)	37,4 (13,7)	-2,7	23,8 (4,5)	22,4 (8,2)	-0,3	5,4 (1,0)	8,3 (3,0)	2,2	35,4 (6,6)	6,7 (2,4)	-8,0
Еврейская автономная область	29,7 (5,6)	9,4 (3,4)	-5,6	1,0 (0,2)	0,00	-	7,6 (1,4)	0,7 (0,3)	-11,2	21,1 (3,9)	8,6 (3,1)	-4,4

Примечание: составлено и рассчитано по [61].

Отдельно по землепользователям можно отметить следующее:

1. Для сельскохозяйственных предприятий макрорегиона в рассматриваемые периоды имело место снижение объемов производства картофеля и овощей со среднегодовыми темпами падения валовых сборов данных сельхозкультур, равными 2,4 и 0,9%. А для СХО в целом по России имеет место обратная тенденция: увеличение производства и овощей, и картофеля соответственно со скоростью 2,4 и 3,2% в год.

2. Фермерские хозяйства и на общероссийском, и на региональном уровне увеличили производство картофеля и овощей, но скорость роста рассматриваемого показателя в целом по России превышает региональный уровень: среднегодовой темп роста по картофелю и овощам для фермеров РФ соответственно составил 9,4 и 11,6%, а для К(Ф)Х Дальнего Востока – 3,5 и 1,9%.

3. Валовые сборы картофеля в подсобных хозяйствах ДВ и РФ за второй и третий периоды упали соответственно на 1072,5 тыс. т и 20,7 млн т.

Рассмотрим, какими темпами происходило изменение производства овощей и картофеля в разрезе основных групп землепользователей Амурской области, Приморского и Хабаровского краев в период 2001–2021 гг.:

1. В Приморском крае среднегодовая скорость изменения валовых сборов овощей и картофеля по всем категориям хозяйств отрицательна: объем производства продукции растениеводства в регионе падал со скоростью 0,6% по овощам и 4,3% по картофелю в год. Основная причина – устойчивое падение выпуска сельскохозяйственной продукции хозяйствами населения: в среднем на 6% по картофелю и на 2,6% по овощам.

2. В Хабаровском крае объем производства рассматриваемых видов агропродукции по сельскохозяйственным предприятиям и хозяйствам населения сократился, обусловив среднегодовые темпы падения выпуска картофеля и овощей, равные соответственно 6,7 и 5,2% (для СХО) и 6,6 и 5,5% (для хозяйств населения). Фермеры показали рост объема производства продукции растениеводства со среднегодовой скоростью, равной 0,8% по картофелю и 1,3% по овощам.

3. В Амурской области положительный характер процесса производства овощей и картофеля отмечен только для К(Ф)Х, которые смогли обеспечить прирост валовых сборов обеих культур в размере 2 тыс. т по овощам и 8,7 тыс. т по картофелю. Для всех категорий хозяйств, сельскохозяйственных предприятий и хозяйств населения зафиксированы отрицательные величины среднегодовой скорости изменения их валовых сборов.

Таким образом, для аграрной сферы территорий, на которых сосредоточено основное растениеводческое производство региона (в силу особенностей географического расположения), можно констатировать снижение рыночной позиции хозяйств населения (вкуче с низкой товарностью их производства) и усиление роли К(Ф)Х.

Хозяйства населения крупным сельхозпредприятиям оказывают «кажущуюся конкуренцию», а именно:

1. Хозяйства населения имеют полунатуральный, потребительский характер с довольно низкой товарностью. Например, согласно Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2021 г., среди личных подсобных хозяйств РФ, про-

изводящих сельскохозяйственную продукцию, 97,1 % (на Дальнем Востоке – 98,3 %) целью ведения хозяйства считали самообеспечение продовольствием; 15,8 % (12,5 % – на дальневосточном уровне) рассматривали их как дополнительный источник денежных средств и только 0,8 % (в макрорегионе всего 0,45 %) – как основной источник денежных средств.

2. В подсобных хозяйствах труд маломеханизированный, с преобладанием ручного, то есть имеет место объективное ограничение роста производительности труда.

3. Хозяйства населения не могут функционировать изолированно от сельскохозяйственных предприятий, которые зачастую являются для них донорами: это и элитные семена, и средства защиты растений, и проведение агротехнических мероприятий, и социальная сфера.

Следовательно, хозяйства населения можно скорее отнести к дочерним предприятиям крупных сельхозпредприятий, чем выделять их в виде самостоятельных структурных экономических единиц. Здесь также следует учесть, что хозяйства населения выполняют роль «стабилизатора социально-экономического равновесия в обществе», позволяют получать доход в сельской местности, имеют реальный потенциал для снижения безработицы и удовлетворяют потребности в продуктах питания членов семьи.

Таким образом, в настоящее время на Дальнем Востоке РФ основными производителями сельскохозяйственной продукции в растениеводстве являются сельхозпредприятия и подсобные хозяйства населения. Так как последние, по сути, экономической самостоятельности не имеют, то становится актуальным рассмотрение именно сельхозпредприятий как основных субъектов производственной деятельности в аграрной сфере региона.

Проанализируем изменения в структуре производства основных видов продукции животноводства – мяса и молока.

Наибольший вклад в производство мяса в целом по России внесли сельскохозяйственные организации, а на Дальнем Востока – хозяйства населения, доля которых в среднем за 2014–2021 гг. составила соответственно 77,7 и 47,2 % от общего объема выпуска данного вида животноводческой продукции, что превышает средний показатель второго периода на 20 и 2,4 п.п.

Фермерские хозяйства РФ и Дальнего Востока от общего объема мяса скота и птицы соответственно выпустили в среднем за второй и третий периоды 2,7 и 8,2 % и 3,0 и 8,4 %.

При этом следует отметить наличие устойчивой тенденции снижения доли хозяйств населения в производстве мяса: от 57,3 % для России и 64,8 % для макрорегиона в 2001 г. до 15,6 % на российском уровне и 44,3 % на региональном уровне в 2021 г. (табл. П.А.3).

Вклад сельхозпредприятий в выпуск данного вида продукции в течение всего анализируемого периода в целом по стране стабильно увеличивался (от 40,8 до 81,2 %). На Дальнем Востоке данный показатель для СХО возрос за второй-третий периоды с 28,9 до 47 %.

Рассматривая структуру производства мяса по категориям хозяйств в разрезе регионов Дальнего Востока, акцентируем внимание на том, что обозначенные выше тенденции, сформировавшиеся в целом для макрорегиона, имеют место (с

некоторыми «поправками») и для тех его территорий, где сосредоточено основное производство продукции животноводства, т.е. для Якутии, Приморского края, а также Амурской области.

Анализируя показатели структурных сдвигов в выпуске мяса скота и птицы, следует обратить внимание на увеличение показателя для всех категорий хозяйств в натуральных измерителях: для РФ на 6,895 млн т (т.е. в 2,5 раза); для макрорегиона на 46,9 тыс. т (т.е. в 1,6 раза). Среднегодовая скорость роста «мясных» структурных сдвигов в 2001–2021 гг. составила 4,8% в целом по РФ и 2,2% для Дальнего Востока. Такая положительная динамика структурных сдвигов в производстве мяса обусловлена в большей степени деятельностью сельскохозяйственных предприятий. Масса структурного сдвига фермерских хозяйств хотя и невелика по величине, но также положительна. Для хозяйств населения Дальнего Востока и страны имела место отрицательная динамика анализируемого структурного сдвига (табл. 2.7).

Таблица 2.7

Анализ структурных сдвигов в производстве мяса скота и птицы на убой (в убойном весе) по категориям землепользователей России и Дальнего Востока (в скобках – в % от общего производства мяса в макрорегионе)

Территория	Объем производства мяса скота и птицы, тыс. т		Показатели структурных сдвигов		
	2001 г.	2021 г.	Масса, тыс. т	Среднегодовая скорость изменения, %	Индекс, %
Все категории землепользователей					
Россия	4451,2	11346,1	6894,9	4,8	154,9
Дальний Восток	84,1 (100)	131,0 (100)	46,9	2,2	55,8
Республика Саха (Якутия)	20,5 (24,4)	22,7 (17,3)	2,2	0,5	10,7
Приморский край	16,6 (19,7)	41,6 (31,8)	25,0	4,7	150,6
Хабаровский край	15,4 (18,3)	7,4 (5,6)	-8,0	-3,6	-51,9
Амурская область	22,5 (26,8)	40,3 (30,8)	17,8	3,0	79,1
Камчатский край	2,7 (3,2)	6,8 (5,2)	4,1	4,7	151,9
Магаданская обл.	0,5 (0,6)	0,3 (0,2)	-0,2	-2,5	-40,0
Сахалинская обл.	2,6 (3,1)	10,6 (8,1)	8,0	7,3	307,7
Еврейская АО	2,9 (3,4)	0,9 (0,7)	-2,0	-5,7	-69,0

Продолжение табл. 2.7

Территория	Объем производства мяса скота и птицы, тыс. т		Показатели структурных сдвигов		
	2001 г.	2021 г.	Масса, тыс. т	Средне- довая скорость измене- ния, %	Индекс, %
Сельскохозяйственные организации					
Россия	1816,1	9209,6	7393,5	8,5	407,1
Дальний Восток	24,3 (28,9)	80,5 (61,5)	56,2	6,2	231,3
Республика Саха (Якутия)	3,8 (4,5)	5,6 (4,3)	1,8	2,0	47,4
Приморский край	4,4 (5,2)	32,0 (24,4)	27,6	10,4	627,3
Хабаровский край	6,8 (8)	1,4 (1,1)	-5,4	-7,6	-79,4
Амурская область	6,0 (7,1)	25,7 (19,6)	19,7	7,5	328,3
Камчатский край	0,9 (1,0)	5,8 (4,4)	4,9	9,8	544,4
Магаданская обл.	0,2 (0,2)	0,1 (0,1)	-0,1	-3,4	-50,0
Сахалинская обл.	1,6 (1,9)	9,5 (7,3)	7,9	9,3	493,8
Еврейская АО	0,3 (0,4)	0,0 (0,0)	-0,3	-	-
Крестьянские (фермерские) хозяйства					
Россия	84,6	368,0	283,4	7,6	335,0
Дальний Восток	5,3 (6,3)	12,5 (9,5)	7,2	4,4	135,8
Республика Саха (Чкутия)	3,1 (3,7)	6,7 (5,1)	3,6	3,9	116,1
Приморский край	0,4 (0,5)	2,8 (2,1)	2,4	10,2	600,0
Хабаровский край	0,2 (0,2)	0,4 (0,3)	0,2	3,5	100,0
Амурская область	1,1 (1,3)	1,5 (1,1)	0,4	1,6	36,4
Камчатский край	0,2 (0,2)	0,2 (0,2)	0,0	0,0	0,0
Магаданская обл.	0,0 (0,0)	0,2 (0,2)	0,2	-	-
Сахалинская обл.	0,2 (0,2)	0,5 (0,4)	0,3	4,7	150,0
Еврейская АО	0,2 (0,2)	0,1 (0,1)	-0,1	-3,4	-50,0
Хозяйства населения					
Россия	2550,5	1768,5	-782,0	-1,8	-30,7
Дальний Восток	54,5 (64,8)	38,1 (29,1)	-16,4	-1,8	-30,1
Республика Саха (Якутия)	13,7 (16,3)	10,3 (7,9)	-3,4	-1,4	-24,8
Приморский край	11,8 (14,1)	6,8 (5,2)	-5,0	-2,7	-42,4
Хабаровский край	8,4 (10,0)	5,6 (4,3)	-2,8	-2,0	-33,3
Амурская область	15,4 (18,4)	13,1 (10,0)	-2,3	-0,8	-14,9

Территория	Объем производства мяса скота и птицы, тыс. т		Показатели структурных сдвигов		
	2001 г.	2021 г.	Масса, тыс. т	Среднегодовая скорость изменения, %	Индекс, %
Камчатский край	1,6 (1,9)	0,8 (0,6)	-0,8	-3,4	-50,0
Магаданская обл.	0,3 (0,4)	0,0 (0,0)	-0,3	-	-
Сахалинская обл.	0,8 (1,0)	0,6 (0,5)	-0,2	-1,4	-25,0
Еврейская АО	2,4 (2,9)	0,8 (0,6)	-1,6	-5,3	-66,7

Примечание: составлено и рассчитано по [61].

Среднегодовая скорость роста структурных сдвигов за постприватизационный период по СХО и К(Ф)Х соответственно составила для страны в целом 8,5 и 7,6 %, для региона – 6,2 и 4,4 %.

Отметим (при совпадении направленности количественных характеристик структурных сдвигов по категориям хозяйств) превышение общероссийского темпа роста производства мяса фермерскими хозяйствами над дальневосточным.

Для подсобных хозяйств Дальнего Востока и РФ среднегодовой темп снижения структурных сдвигов одинаковый и составляет 1,8 %. Индексы структурных сдвигов по сельскохозяйственным организациям и фермерским хозяйствам России в постприватизационный период показывают, что в течение рассматриваемого временного промежутка производство мяса аграрными предприятиями выросло примерно в 4,1 раза, а К(Ф)Х – в 3,4 раза. Для сельхозпредприятий и фермеров Дальнего Востока увеличение объема выпуска данной продукции составило соответственно 231,3,9 и 135,8 %. Выпуск мяса скота и птицы хозяйствами населения российского Дальнего Востока и страны в целом сократился примерно на 30 %.

Основной объем мяса в макрорегионе производится хозяйствами трех регионов (Якутии, Приморского края и Амурской области), обеспечивших во втором и третьем периодах соответственно 71 и 80 % всей мясной продукции в макрорегионе.

Среди всех категорий хозяйств обозначенных субъектов Федерации наибольшую по величине положительную массу структурного сдвига имеют сельскохозяйственные предприятия Приморского края, которые лидируют также по среднегодовой скорости роста структурного сдвига и по индексу структурного сдвига. Сельскохозяйственные организации Амурской области, обеспечившие в течение 2001–2021 гг. позитивное структурное изменение с массой сдвига в 19,7 тыс. т, находятся на второй позиции.

Хозяйства населения всех регионов Дальнего Востока показали в рассматриваемом интервале отрицательную динамику структурных изменений в произ-

водстве мяса скота и птицы. Самое большое падение показателей отмечено в ЛПХ Приморского края, Республики Саха (Якутии) и Хабаровского края.

В структуре выпуска молока РФ и Дальнего Востока наибольшую долю в среднем 2001–2013 гг. имеют хозяйства населения (табл. П.А.4). При этом удельный вес подсобных хозяйств РФ в выпуске данной продукции на 11,5 п.п. меньше аналогичного показателя для ЛПХ макрорегиона. Сельхозпредприятия в среднем по России выработали 45,6% молока; на макрорегиональном уровне величина данного долевого агрегата ниже практически в 2 раза.

В 2014–2021 гг. в целом по стране на первое место перемещаются СХО (52%); в макрорегионе в данный период сохраняется иерархия категорий товаропроизводителей, сформировавшаяся на предыдущем этапе.

Но вклад фермерских хозяйств в выпуск молока на дальневосточном уровне превышает среднероссийский и в 2001–2013 гг., и в 2014–2021 гг.: во втором периоде более чем в три раза; в третьем периоде в 2,3 раза.

Удельный вес хозяйств населения страны в общем производстве молока снизился. На уровне макрорегиона также сформировался понижающий тренд вклада подсобных хозяйств в выпуск данного вида продукции.

Фермерские хозяйства и России в целом, и Дальнего Востока увеличили свою долю в выработке молока.

В разрезе регионов Дальнего Востока, являющихся основными производителями молока, отметим тождественность порядка распределения хозяйств по средней «молочной» доле в течение обоих периодов.

В Амурской области и Приморском крае иерархия распределения удельного веса в структуре выпуска молока по отдельным группам товаропроизводителей аналогична региональной и общероссийской. Так, в среднем за 2001–2013 гг. и 2014–2021 гг. наибольший вклад в производство молочной продукции на этих территориях внесли хозяйства населения. На втором месте находятся сельскохозяйственные организации, которые произвели молока в среднем за второй период 24,5 и 19,3% соответственно для Приморского края и Амурской области. Третью позицию в течение обоих рассматриваемых здесь этапов занимают фермерские хозяйства.

К(Ф)Х Республики Саха опережают сельхозпредприятия территории с долей в выпуске молока, равной соответственно 17,8 и 20,1%. Хозяйства населения при этом лидируют, произведя 53,7% молочной продукции в среднем за 2001–2013 гг. и 49,8% за 2014–2021 гг.

В Хабаровском крае первое место в структуре производства молока заняли сельскохозяйственные предприятия, на втором месте (с отставанием в 8,3 и 0,4 п.п.) – ЛПХ; фермеры (обеспечившие 2,3% в 2001–2013 гг. и 11,4% в 2014–2021 гг. молока в крае) – на третьем месте.

Продолжая анализ сдвигов в производстве молока, отметим отрицательность структурных изменений по всем категориям хозяйств Дальнего Востока (табл. 2.8).

Таблица 2.8

**Анализ структурных сдвигов в производстве молока по категориям
землепользователей России и Дальнего Востока (в скобках – в % от общего
производства молока)**

Территория	Объем производства молока, тыс. т		Показатели структурных сдвигов		
	2001 г.	2021 г.	Масса, тыс. т	Среднегодовая скорость измене- ния, %	Ин- декс, %
Все категории хозяйств					
Россия	32905,4	32339,3	-566,1	-0,1	-1,7
Дальний Восток	648,1 (100)	551,1 (100)	-97,0	-0,8	-15,0
Республика Саха (Якутия)	169,5 (26,2)	158,3 (28,7)	-11,2	-0,3	-6,6
Приморский край	136,1 (21,0)	137,6 (25,0)	1,5	0,1	1,1
Хабаровский край	80,8 (12,5)	23,0 (4,2)	-57,8	-6,1	-71,6
Амурская область	174,4 (26,9)	140,9 (25,6)	-33,5	-1,1	-19,2
Камчатский край	14,5 (2,2)	22,7 (4,1)	8,2	2,3	56,7
Магаданская обл.	5 (0,8)	6,3 (1,1)	1,3	1,2	25,8
Сахалинская обл.	37,6 (5,8)	52,8 (9,6)	15,2	1,7	40,3
Еврейская АО	30,1 (4,6)	9,5 (1,7)	-20,6	-5,6	-68,5
Сельскохозяйственные организации					
Россия	15531,3	18161,5	2630,2	0,8	16,9
Дальний Восток	151,0 (23,3)	178,0 (32,3)	27,0	0,8	17,9
Республика Саха (Якутия)	24,1 (3,7)	26,8 (4,9)	2,7	0,5	11,4
Приморский край	33,1 (5,1)	42,8 (7,8)	9,7	1,3	29,3
Хабаровский край	35,6 (5,5)	6,0 (1,1)	-29,6	-8,5	-83,1
Амурская область	28,3 (4,4)	46,3 (8,4)	18,0	2,5	63,7
Камчатский край	7,5 (1,2)	13,6 (2,5)	6,1	3,0	80,8
Магаданская обл.	3,4 (0,5)	0,0 (0,0)	-3,4	-100,0	-100,0
Сахалинская обл.	15,4 (2,4)	33,7 (6,1)	18,3	4,0	118,5
Еврейская АО	2,9 (0,5)	0,7 (0,1)	-2,2	-6,7	-74,8
Крестьянские (фермерские) хозяйства					
Россия	625,2	2943,5	2318,3	8,1	370,8
Дальний Восток	42,1 (6,5)	154,2 (28,0)	112,1	6,7	266,3
Республика Саха (Якутия)	27,3 (4,2)	53,5 (9,7)	26,2	3,4	95,8
Приморский край	2,9 (0,4)	32,4 (5,9)	29,5	12,8	1016,9
Хабаровский край	1,3 (0,2)	6,3 (1,1)	5,0	8,2	386,2
Амурская область	4,9 (0,8)	9,5 (1,7)	4,6	3,4	94,0

Территория	Объем производства молока, тыс. т		Показатели структурных сдвигов		
	2001 г.	2021 г.	Масса, тыс. т	Среднегодовая скорость изменения, %	Индекс, %
Камчатский край	0,6 (0,09)	3,3 (0,6)	2,7	9,0	457,3
Магаданская обл.	0,4 (0,06)	5,7 (1,0)	5,3		
Сахалинская обл.	3,2 (0,5)	11,9 (2,2)	8,7	6,8	272,7
Еврейская АО	1,8 (0,3)	1,2 (0,2)	-0,6	-1,9	-31,2
Хозяйства населения					
Россия	16748,8	11234,3	-5514,5	-2,0	-32,9
Дальний Восток	455,0 (70,2)	257,2 (46,7)	-197,8	-2,8	-43,5
Республика Саха (Якутия)	118,1 (18,2)	78,0 (14,2)	-40,1	-2,1	-34,0
Приморский край	100,2 (15,5)	62,4 (11,3)	-37,8	-2,3	-37,7
Хабаровский край	43,9 (6,8)	10,6 (1,9)	-33,3	-6,9	-75,8
Амурская область	141,3 (21,8)	85,1 (15,4)	-56,2	-2,5	-39,8
Камчатский край	6,4 (1,0)	5,8 (1,1)	-0,6	-0,5	-9,1
Магаданская обл.	1,2 (0,2)	0,6 (0,1)	-0,6	-3,2	-48,3
Сахалинская обл.	19,0 (2,9)	7,2 (1,3)	-11,8	-4,7	-62,2
Еврейская АО	25,3 (3,9)	7,5 (1,4)	-17,8	-5,9	-70,3

Примечание: составлено и рассчитано по [61].

Индекс структурного сдвига отразил уменьшение объема выпуска молока в макрорегионе в 2021 г. по сравнению с базисным годом на 15 %. На уровне страны в целом также отмечен негативный характер структурных сдвигов в выпуске молока всеми группами товаропроизводителей, но менее значительно выраженный. Для сельскохозяйственных предприятий Дальнего Востока и страны в целом имеют место одинаковые среднегодовые темпы роста объема производства молока. Количественные показатели структурных сдвигов в выпуске изучаемого вида продукции животноводства крестьянскими хозяйствами и России, и Дальнего Востока имеют положительную динамику.

Для хозяйств населения макрорегиона структурные сдвиги в выпуске молока имеют негативный характер.

В разрезе территорий региона, в аграрном секторе которых производится основная масса животноводческой продукции отметим следующее.

1. Отрицательный характер структурных сдвигов в производстве молочной продукции СХО отмечен в Хабаровском крае. Данная группа аграрных товаропроизводителей уменьшила в течение анализируемого временного интервала выпуск молока на 83,1 %, среднегодовой темп падения его объема составил 8,5 %. Сельскохозяйственные предприятия Приморского края, Амурской облас-

ти и Республики Саха показали позитивную направленность рассматриваемого структурного сдвига.

2. Для фермеров Якутии, Приморского, Хабаровского краёв и Амурской области массы структурных сдвигов положительны. В результате чего хозяйствами этой категории землепользователей в 2021 г. по сравнению с 2001 г. получен прирост молока в Приморье и Якутии в десять раз, в Амурской области – на 94 %, в Хабаровском крае – в 3,9 раза.

3. Хозяйства населения всех субъектов Федерации в составе Дальнего Востока показали негативное изменение изучаемого процесса. Ранжирование данных территорий (по абсолютной величине отрицательных масс структурных сдвигов) выглядит так: Амурская область, Якутия, Приморский край, Хабаровский край.

Структура производства яиц в течение третьего этапа постприватизационного развития отечественного сельского хозяйства существенных изменений по отношению к предыдущему этапу не претерпела.

Так, в среднем за 2014–2021 гг. наибольший удельный вес в структуре производства яиц в РФ и в регионе (так же, как и в среднем за 2001–2013 гг.) имеют сельскохозяйственные организации. На втором месте находятся хозяйства населения, доля которых составляет в среднем за третий период 19,1 % (по России) и 14,8 % (по Дальнему Востоку). Фермеры в выпуск яиц вносят незначительный вклад: 1,0 % (по стране в целом) и 3 % (по макрорегиону) (табл. П.А.5). При этом на дальневосточном уровне достаточно отчетливо прослеживаются тенденции увеличения в структуре выпуска яиц удельного веса сельскохозяйственных предприятий и снижения доли хозяйств населения. Позитивно направлены и соответствующие структурные сдвиги (для всех категорий хозяйств в целом, для сельхозпредприятий и фермерских хозяйств страны и макрорегиона). А изменения в производстве яиц подсобными хозяйствами РФ и Дальнего Востока характеризуются отрицательными величинами показателей структурных сдвигов.

Индексы позитивных структурных изменений в производстве яиц по Дальневосточному региону имеют более высокие значения, чем в целом по стране. Среднегодовой темп роста объёма производства яиц для российского Дальнего Востока также опередил среднероссийский: а) по всем категориям хозяйств в 1,8 раза; б) по сельскохозяйственным предприятиям в 1,5 раза; в) по К(Ф)Х – на 1,8 п.п.

Производство яиц хозяйствами населения России и макрорегиона сократилось за постприватизационный период соответственно на 20,2 и 25,2 %. Среднегодовой темп падения данного показателя на дальневосточном уровне несколько превысил среднероссийский: 1,4 против 1,1 % (табл. 2.9).

**Анализ структурных сдвигов в производстве яиц по категориям
землепользователей России и Дальнего Востока**

Показатель	Россия				Дальний Восток			
	Все категории хозяйств	СХО	К(Ф)Х	ЛПХ	Все категории хозяйств	СХО	К(Ф)Х	ЛПХ
Объём производства яиц, млн шт.								
2001 г.	35172,7	25078,1	175,9	9918,7	799,8	563,1	10,4	226,3
2021 г.	44893,4	36456,9	517,1	7919,4	1214,7	1006,7	42,8	169,2
Показатели структурных сдвигов								
Масса, млн шт.	9720,7	11378,8	341,2	-1999,3	414,9	443,6	32,4	-57,1
Среднегодовая скорость изменения, %	1,2	1,9	5,5	-1,1	2,1	2,9	7,3	-1,4
Индекс, %	27,6	45,4	194,0	-20,2	51,9	78,8	311,5	-25,2

Примечание: составлено и рассчитано по [61].

Таким образом, изменения структуры основных видов сельскохозяйственной продукции в растениеводстве и животноводстве российского Дальнего Востока в постприватизационный период отражают увеличение роли сельскохозяйственных организаций при снижении вклада хозяйств населения.

Можно отметить, что направленность структурной политики на фермерские хозяйства в начальном периоде реформирования (конца XX – начала XXI в.) исторически показала свою несостоятельность. Вложенные значительные бюджетные средства в развитие фермерства не окупились, а ушли в категорию «безвозвратные бюджетные потери».

На современном этапе развития экономики декларируется иной приоритет структурного развития – крупные сельскохозяйственные организации и агрохолдинги, реализующие в том числе экспортно-ориентированные инвестиционные проекты.

2.3. Анализ эффективности структурных изменений в региональном сельскохозяйственном производстве

В последние годы сельское хозяйство Российской Федерации имеет позитивную динамику развития, что дает органам власти считать его отраслевую структуру эффективной, прогнозировать ее дальнейший рост и в перспективе улучшение продовольственной безопасности страны. В немалой степени этому способствует

«курс» на импортозамещение продовольственных товаров, реализуемый на протяжении третьего этапа постструктуризационного развития национального хозяйства (согласно представленной авторами ранее типологизации).

Однако, признавая отдельные позитивные изменения, в целом ситуация в отрасли остается проблематичной с учетом пока медленно решаемых исторически сложившихся проблем: низкая фондоотдача и производительность труда, высокая зависимость сельскохозяйственного производства от зарубежных технологий, оборудования и комплектующих; низкий уровень селекционной работы в животноводстве и растениеводстве; дефицит квалифицированных кадров и др.

Так, выполненные нами расчёты показывают, что общая отдача от использования каждого рубля, вложенного в основные производственные средства сельского хозяйства в среднем за 2001–2013 гг. составляла всего 1 руб. для РФ и 90 коп. для Дальнего Востока. За 2014–2021 гг. средняя фондоотдача увеличилась незначительно (на 22 коп. – для страны, на 25 коп. – для макрорегиона). При этом на одного среднегодового работника, занятого в сельскохозяйственном производстве в целом по стране в течение второго этапа приходилось в среднем 272 тыс. руб. основных фондов, для Дальневосточного региона данный показатель был несколько меньше (245 тыс. руб.) (табл. П.Б.1). Такие низкие значения фондовооружённости говорят о преобладании в отечественном сельском хозяйстве этого периода маломеханизированного и ручного труда.

В последующие годы (2014–2021) фондовооружённость в сельском хозяйстве РФ и Дальнего Востока увеличилась соответственно в 1,9 и 1,8 раза.

Схожая ситуация и на территориях региона, где производится основной объём товарной агропродукции (в Хабаровском крае, Амурской области, Якутии и Приморье).

Фондовооружённость аграрного сектора Якутии, Амурской области, Приморского и Хабаровского краев имеет выраженное стремление к росту. Этот, на первый взгляд, позитивный фактор в действительности таковым не является, так как в большей степени обусловлен снижением численности работников, занятых в сельском хозяйстве названных территорий. Сокращением количества человек, работающих в агросфере, объясняется также и «призрачный» рост производительности сельскохозяйственного труда в целом по стране.

На Дальнем Востоке России производительность труда в сельском хозяйстве в 2021 г. по отношению к 2001 г. возросла на 68,9% и составила 196 тыс. руб. в год на одного работника, занятого в сельском хозяйстве макрорегиона (т.е. около 16 тыс. руб. в месяц) (табл. П.Б.2).

Эволюцию качества структурных сдвигов проследим на основе показателей качества структурных сдвигов, описанных в подразд. 2.1 монографии: интенсивности (формула (2.4)), направленности (формула (2.8)) и коэффициента правдоподобия (формула (2.17)). Данные показатели рассчитаем применительно к важным для сельскохозяйственного производства структурным сдвигам, а именно: к сдвигам в изменении численности групп землепользователей, в распределении посевных площадей и в производстве сельскохозяйственной продукции.

По структурным сдвигам в изменении численности групп землепользователей следует отметить, что и для РФ, и для Дальнего Востока данные изменения сосре-

доточены в отрицательной плоскости. Так, их средняя направленность за 2001–2013 гг. и 2014–2021 гг. соответственно составила для РФ -0,878 и -0,838 (табл. П.В.1), а для Дальнего Востока – -0,443 и -0,731 (табл. П.В.2) при средней интенсивности в 483 и 63 тыс. ед. по РФ, в 26 и 23 тыс. ед. по Дальнему Востоку, что соответствует регрессивному характеру развития анализируемого процесса.

Для сравнения: в среднем за 1997–2000 гг. в целом по стране и по макрорегиону направленность сдвига в количестве групп хозяйствующих субъектов в сельском хозяйстве составляла соответственно -0,503 и -0,998.

Причём на региональном уровне негативный характер структурного сдвига в изменении числа групп землепользователей на протяжении и первого, и второго, и третьего этапов более выражен, чем для России в целом. Об этом свидетельствуют найденные (по формуле (2.17) величины коэффициента правдоподобия данного структурного сдвига:

$$K_{ДВ\text{этап}^1}^{\text{правдоподобия}} = -0,813 < K_{РФ\text{этап}^1}^{\text{правдоподобия}} = -0,419 ;$$

$$K_{ДВ\text{этап}^2}^{\text{правдоподобия}} = -0,628 < K_{РФ\text{этап}^2}^{\text{правдоподобия}} = -0,623 ;$$

$$K_{ДВ\text{этап}^3}^{\text{правдоподобия}} = -0,781 < K_{РФ\text{этап}^3}^{\text{правдоподобия}} = -0,757 .$$

Отрицательные величины коэффициента правдоподобия отражают негативный характер структурных сдвигов. Причем чем ближе данный показатель по абсолютной величине к единице, тем более выражен регрессивный (для отрицательных значений коэффициента) или прогрессивный (для положительных величин коэффициента) характер сдвигов.

Структурные сдвиги в распределении посевных площадей по основным категориям землепользователей страны и макрорегиона в 1997–2000 гг. были негативными. Но в последующие этапы характер этих сдвигов изменяется в положительную сторону. В результате чего в целом по Российской Федерации коэффициент правдоподобия структурного сдвига в распределении посевных площадей за период с 2001 по 2013 г. хотя и находился в отрицательной плоскости (-0,292), но эта величина меньше в три раза уровня предыдущего этапа, а на уровне Дальнего Востока показатель положителен (0,607). В третьем периоде коэффициент правдоподобия структурного сдвига в распределении посевных площадей для страны и макрорегиона составил соответственно 0,883 и 0,532.

Сдвиги в выпуске сельскохозяйственной продукции в течение второго и третьего периодов имеют положительную направленность. Коэффициент правдоподобия для России за 2001–2013 гг. равнялся 0,456; в следующем периоде величина данного показателя возросла и составила 0,96. Для Дальнего Востока имеет место аналогичная ситуация: увеличение величины коэффициента правдоподобия в третьем периоде по отношению к предыдущему (0,737 против 0,518). (На протяжении первого этапа развития отечественной экономики структурные изменения в выпуске сельскохозяйственной продукции описывались отрицательными величинами меры их качества.)

Таким образом, современная российская аграрная структурная политика инициировала улучшение качества структурного сдвига в производстве сельхозпродукции и в распределении посевных площадей. Но данные сдвиги не могут протекать изолированно, в отрыве от комплексного влияния на состояние сельского хозяйства других структурных сдвигов. В связи с этим необходимо определить те их характеристики, которые существенным образом оказывают влияние на результирующий показатель эффективности структуры сельского хозяйства, и построить факторные модели. Для решения данной задачи применим инструментарий корреляционно-регрессионного анализа.

Введём следующие обозначения:

1) темп роста сельскохозяйственной продукции по всем группам землепользователей в расчёте на душу населения (y);

2) интенсивность (u_1) и направленность (n_1) структурного сдвига в изменении численности групп землепользователей;

3) интенсивность (u_2) и направленность (n_2) структурного сдвига в распределении посевных площадей;

4) интенсивность (u_3) и направленность (n_3) структурного сдвига в выпуске сельскохозяйственной продукции.

В таблицу 2.10 сведены коэффициенты парной корреляции между темпом роста сельхозпродукции, интенсивностью и направленностью основных структурных сдвигов в сельском хозяйстве РФ и её Дальнего Востока (за 1997–2021 гг.).

Таблица 2.10

Коэффициенты парной корреляции влияния на темп роста сельскохозяйственной продукции интенсивности и направленности структурных сдвигов в сельском хозяйстве России и Дальнего Востока

Территория	Линейные коэффициенты парной корреляции					
	r_{yu_1}	r_{yn_1}	r_{yu_2}	r_{yn_2}	r_{yu_3}	r_{yn_3}
Россия	-0,518	-0,064	-0,513	0,224	0,678	0,691
Дальний Восток	-0,423	-0,100	0,321	0,578	0,801	0,710

Примечание: рассчитано авторами.

Рассмотрение коэффициентов парной корреляции показало следующее:

1) темп роста сельскохозяйственной продукции по всем категориям землепользователей в расчёте на душу населения (результатирующая переменная) имеет заметную прямую корреляционную связь с направленностью и интенсивностью структурного сдвига в выпуске сельскохозяйственной продукции и для России, и для её Дальнего Востока;

2) для страны в целом выявлена достаточно тесная связь (но обратная) эндогенной переменной с интенсивностью структурного сдвига в численности совокупности основных групп землепользователей;

3) на дальневосточном уровне обнаружена прямая заметная корреляционная зависимость между результирующим показателем и направленностью структурного сдвига в распределении посевных площадей.

В модели влияния структурных сдвигов в сельском хозяйстве на его результативность (табл. 2.11) в качестве экзогенных переменных введём:

1) для РФ – интенсивность структурного сдвига в изменении численности основных групп землепользователей и в выпуске сельхозпродукции, а также направленность структурного сдвига в выпуске сельхозпродукции;

2) для Дальнего Востока – интенсивность структурного сдвига в производстве сельхозпродукции, направленность структурного сдвига в выпуске сельскохозяйственной продукции и направленность в распределении посевных площадей.

Необходимые оценки параметров регрессий найдены с помощью Пакета Анализа MS Excel.

Таблица 2.11

Оценка адекватности моделей влияния структурных сдвигов в сельском хозяйстве России и ДВ на его результативность

Показатель	Россия	Дальний Восток
Вид модели	$y^{РФ} = 99,01 - 1,83 \cdot u_1 + 0,00001 \cdot u_3 + 8,51 \cdot n_3,$ <p>где $y^{РФ}$ – темп роста производства сельхозпродукции в хозяйствах всех категорий России в расчёте на душу населения страны, %; u_1 – интенсивность структурного сдвига в изменении численности категорий землепользователей, млн ед.; u_3 – интенсивность структурного сдвига в выпуске сельхозпродукции, млн руб.; n_3 – направленность структурного сдвига в выпуске сельхозпродукции</p>	$y^{ДВ} = 96,72 + 0,01 \cdot u_3 - 0,14 \cdot n_2 + 5,43 \cdot n_3,$ <p>где $y^{ДВ}$ – темп роста производства сельхозпродукции в хозяйствах всех категорий Дальнего Востока в расчёте на душу населения региона, %; u_3 – интенсивность структурного сдвига в выпуске сельхозпродукции, млн руб.; n_2 – направленность структурного сдвига в распределении посевных площадей; n_3 – направленность структурного сдвига в выпуске агропродукции</p>
Индекс множественной корреляции	0,90	0,91
Множественный коэффициент детерминации	0,81	0,83
Средняя ошибка аппроксимации, %	2,611	2,556

Показатель	Россия	Дальний Восток
Критерий Фишера	$F_{расчетное} = 17$ (значимость 10^{-4})	$F_{расчетное} = 23$ (значимость 10^{-4})
Критерий Дарбина – Уотсона	$d_{расчетное} = 1,6$ ($d_1^{табл} = 1,08$; $d_2^{табл} = 1,53$)	$d_{расчетное} = 1,7$ ($d_1^{табл} = 1,08$; $d_2^{табл} = 1,53$)
Коэффициенты эластичности	$\varepsilon_{u_1} = -0,01$; $\varepsilon_{u_2} = 0,03$; $\varepsilon_{u_3} = 0,06$	$\varepsilon_{u_1} = 0,06$; $\varepsilon_{u_2} = -0,0001$; $\varepsilon_{u_3} = 0,02$
Бета-коэффициенты	$\beta_{u_1} = -0,16$; $\beta_{u_2} = 0,55$; $\beta_{u_3} = 0,53$	$\beta_{u_3} = 0,62$; $\beta_{u_2} = -0,012$; $\beta_{u_3} = 0,51$
Дельта-коэффициенты	$\Delta_{u_1} = 0,11$; $\Delta_{u_2} = 0,45$; $\Delta_{u_3} = 0,46$	$\Delta_{u_3} = 0,69$; $\Delta_{u_2} = -0,01$; $\Delta_{u_3} = 0,42$

Примечание: рассчитано авторами.

Отметим, что, хотя коэффициенты регрессии и играют важную роль при оценке модели, с их помощью нельзя корректно сопоставить факторы по степени их влияния на зависимую переменную из-за нередко различных единиц измерения и разной степени колеблемости. Для нивелирования таких различий при интерпретации параметров модели будем использовать коэффициенты эластичности, показывающие, на сколько процентов изменяется экзогенная переменная при изменении соответствующего фактора на один процент. Долю влияния фактора в суммарном влиянии всех других факторов будем оценивать посредством дельта-коэффициента. В нашем случае значения коэффициентов эластичности и дельта-коэффициентов, найденные на основании моделей влияния структурных сдвигов в сельском хозяйстве России и макрорегиона на его результативность, позволяют сделать выводы, представленные ниже.

Направленность структурного сдвига выпуска сельскохозяйственной продукции в целом по стране оказывает на темп роста её выпуска большее влияние, чем в условиях российского Дальнего Востока. Действительно, если направленность позитивного структурного сдвига увеличить на 1 %, то в целом по РФ темп роста сельскохозяйственной продукции возрастёт на 0,06 %, а на региональном уровне – на 0,02 %.

Снижение интенсивности негативного сдвига в изменении численности основных групп товаропроизводителей (в общем для РФ) и направленности сдвига в распределении посевных площадей (для Дальнего Востока) на 10 % будет способствовать увеличению темпа роста сельскохозяйственной продукции соответственно на 0,2 и 0,001 %.

В суммарном влиянии всех факторов на темп роста сельскохозяйственной продукции (в расчёте на душу населения) на дальневосточном уровне более велика доля воздействия интенсивности структурного сдвига в выпуске сельхозпродукции. В целом по России дельта-коэффициенты интенсивности и направ-

ленности сдвига в производстве сельхозпродукции практически равны; доля их влияния в суммарном влиянии всех остальных факторов на зависимую переменную составляет 46 %.

Итак, на протяжении второго и третьего этапов постприватизационного развития отечественного аграрного сектора структурные изменения в производстве продукции сельского хозяйства носят позитивный характер, а их доля влияния (по сравнению с остальными изученными выше факторами) наиболее значима. Следовательно, для определения степени воздействия на эффективность структуры сельского хозяйства отдельных категорий землепользователей необходимо построить модели, связывающие темп роста производства сельхозпродукции с показателями структурных сдвигов в её выпуске (в нашем случае при моделировании будем использовать индексы структурных сдвигов в разрезе СХО, фермерских хозяйств и хозяйств населения как наиболее коррелируемые с результативным признаком). Назовем эти модели моделями влияния позитивных структурных сдвигов на результативность сельского хозяйства в разрезе групп землепользователей (табл. 2.12).

Таблица 2.12

Оценка адекватности моделей влияния структурных сдвигов в выпуске сельскохозяйственной продукции на результативность сельского хозяйства России и Дальнего Востока (в разрезе групп землепользователей)

Показатель	Россия	Дальний Восток
Вид модели	$y^{P\Phi} = 97,17 + 0,34 \cdot x_1^{P\Phi} + 0,02 \cdot x_2^{P\Phi} + 0,69 \cdot x_3^{P\Phi},$ <p>где $y^{P\Phi}$ – темп роста производства сельхозпродукции в хозяйствах всех категорий в расчете на душу населения РФ (в сопоставимых ценах), %;</p> <p>$x_1^{P\Phi}$ – индекс структурного сдвига в производстве сельхозпродукции СХО РФ в расчете на одного работника (в сопоставимых ценах), %;</p> <p>$x_2^{P\Phi}$ – индекс структурного сдвига в производстве сельхозпродукции К(Ф)Х РФ в расчете на одно хозяйство (в сопоставимых ценах), %;</p> <p>$x_3^{P\Phi}$ – индекс структурного сдвига в производстве сельхозпродукции хозяйствами населения РФ в расчете на одно хозяйство (в сопоставимых ценах), %</p>	$y^{ДВ} = 99,32 + 0,37 \cdot x_1^{ДВ} + 0,18 \cdot x_2^{ДВ} + 0,30 \cdot x_3^{ДВ}.$ <p>где $y^{ДВ}$ – темп роста производства сельхозпродукции в хозяйствах всех категорий в расчете на душу населения Дальнего Востока (в сопоставимых ценах), %;</p> <p>$x_1^{ДВ}$ – индекс структурного сдвига в производстве сельхозпродукции сельскохозяйственными предприятиями Дальнего Востока в расчете на одного работника (в сопоставимых ценах), %;</p> <p>$x_2^{ДВ}$ – индекс структурного сдвига в производстве сельхозпродукции К(Ф)Х Дальнего Востока в расчете на одно хозяйство (в сопоставимых ценах), %;</p> <p>$x_3^{ДВ}$ – индекс структурного сдвига в производстве сельхозпродукции хозяйствами населения Дальнего Востока в расчете на одно хозяйство (в сопоставимых ценах), %</p>

Показатель	Россия	Дальний Восток
Индекс множественной корреляции	0,92	0,84
Множественный коэффициент детерминации	0,85	0,71
Средняя ошибка аппроксимации, %	2,30	3,41
Критерий Фишера	$F^{\text{расчетное}} = 30$ (значимость 10^{-4})	$F^{\text{расчетное}} = 12$ (значимость 10^{-4})
Критерий Дарбина – Уотсона	$d^{\text{расчетное}} = 1,61$ ($d_1^{\text{табл}} = 1,08$; $d_2^{\text{табл}} = 1,53$)	$d^{\text{расчетное}} = 1,92$ ($d_1^{\text{табл}} = 1,08$; $d_2^{\text{табл}} = 1,53$)
Коэффициенты эластичности	$\varepsilon_{x_1} = 0,05$; $\varepsilon_{x_2} = 0,003$; $\varepsilon_{x_3} = 0,03$	$\varepsilon_{x_1} = 0,02$; $\varepsilon_{x_2} = 0,02$; $\varepsilon_{x_3} = 0,01$

Примечание: рассчитано авторами.

Обратим внимание на то, что, хотя сельскохозяйственные организации макрорегиона обеспечили в среднем второй по величине (после фермеров) темп прироста объёма выпуска продукции (и во втором, и в третьем периодах), сложившиеся в течение данных этапов тенденции, нашедшие свое отражение в модели влияния позитивных структурных сдвигов на сельхозпроизводство Дальнего Востока, позволяют данную группу хозяйств поставить на первое место в формировании положительных структурных сдвигов в сельском хозяйстве макрорегиона.

Действительно, если 10-процентный рост индекса структурного сдвига в выпуске сельскохозяйственной продукции сельскохозяйственными предприятиями (в расчёте на одного работника) и К(Ф)Х (в расчёте на одно хозяйство) макрорегиона потенциально способен инициировать увеличение темпа роста производства сельскохозяйственной продукции (в расчёте на душу населения региона) на 0,2 %, то соответствующая эластичность индекса сдвигов в выпуске продукции подсобными хозяйствами (в расчёте на одно хозяйство) меньше и равна 0,1 %. (Но, как ранее отмечалось, вклад фермеров в снабжение региона продовольствием невелик.)

В целом по стране иерархия факторов по степени влияния на темп роста производства сельскохозяйственной продукции выглядит следующим образом: наиболее высокое влияние показывают СХО, за которыми следуют хозяйства населения и (с достаточным отрывом) фермерские хозяйства.

Авторами изучена корреляционная связь темпа роста производства сельскохозяйственной продукции не только со сдвигами в выпуске агропродукции в разрезе основных категорий землепользователей, но и в целом с совокупностью

основных сдвигов (как положительно, так и отрицательно направленных) и выявлена степень их потенциального воздействия на изменение эффективности структуры сельского хозяйства в целом.

С помощью корреляционно-регрессионного анализа определим группу землепользователей (или их совокупность), производственно-хозяйственная деятельность которых, с одной стороны, существенно обусловила современный характер структурных сдвигов в сельском хозяйстве страны и макрорегиона, а с другой – потенциально способна оказать определяющее влияние (позитивное или негативное) на их результативность (табл. 2.13).

Таблица 2.13

Совокупность характеристик основных структурных сдвигов в сельском хозяйстве России и Дальнего Востока*

Фактор	Россия	Дальний Восток
X_1	Индекс структурного сдвига в посевных площадях СХО территории, %	
X_2	Индекс структурного сдвига в численности хозяйств населения территории, %	
X_3	Индекс структурного сдвига в численности К(Ф)Х РФ, %	Индекс структурного сдвига в посевных площадях К(Ф)Х территории, %
X_4	Масса структурного сдвига в выпуске агропродукции СХО территории (в сопоставимых ценах), млрд руб.	Масса структурного сдвига в выпуске агропродукции хозяйствами населения территории (в сопоставимых ценах), млрд руб.
X_5	–	масса структурного сдвига в выпуске агропродукции К(Ф)Х территории (в сопоставимых ценах) млрд руб.

* – сформировано на основании выбора наиболее коррелирующих факторов с темпом роста производства сельскохозяйственной продукции в хозяйствах всех категорий.

Примечание: рассчитано авторами.

Сравнивая тенденции в формировании отрицательно направленных структурных сдвигов в течение 2001–2021 гг., отметим следующее (табл. П.Г.1 и П.Г.2):

1. Негативный характер отрицательно направленных структурных изменений в сельском хозяйстве второго и третьего периодов несколько ослабился по сравнению с первым:

а) для структурных изменений в посевных площадях сельскохозяйственных организаций индексы в среднем за 2001–2013 гг. составляли для РФ и макрорегиона соответственно -1,361 и -0,497 % против среднего уровня 1997–2000 гг. в размере -4,465 % по России и -9,526 % по Дальнему Востоку; средние индексы третьего периода отражают продолжение снижения напряженности обозначенного сдвига -0,350 % – для РФ; 4,072 % – для Дальнего Востока;

б) индекс структурного сдвига в численности хозяйств населения макрорегиона на протяжении третьего этапа сложился в среднем на уровне -1,310 % (в целом по стране -7,3 %) против уровня 2001–2013 гг., составившего -3,027 % (по РФ -3,439 %);

2. На Дальнем Востоке по отношению к России в целом в настоящее время имеет место меньший негативизм структурных изменений в числе подсобных хозяйств, так как в среднем за 2014–2021 гг. индекс названного структурного сдвига на региональном уровне по абсолютной величине меньше аналогичного среднероссийского показателя:

$$|-1,310| < |-7,300|.$$

Построим модели влияния совокупности структурных сдвигов на результативность сельского хозяйства РФ и Дальнего Востока с дифференциацией по группам товаропроизводителей (табл. 2.14).

Таблица 2.14

Оценка адекватности моделей влияния совокупности структурных сдвигов на результативность сельского хозяйства России и Дальнего Востока (в разрезе групп землепользователей)

Показатель	РФ	Дальний Восток
Вид модели	$y^{PФ} = 100,81 - 0,166 \cdot x_1^{PФ} + 0,328 \cdot x_2^{PФ} - 0,220 \cdot x_3^{PФ} + 0,368 \cdot x_4^{PФ}$, где $Y^{PФ}$ – темп роста производства сельхозпродукции (в сопоставимых ценах) в хозяйствах всех категорий РФ, %; $x_1^{PФ}$ – индекс структурного сдвига в посевных площадях сельхозпредприятий РФ, %; $x_2^{PФ}$ – индекс структурного сдвига в численности хозяйств населения РФ, %; $x_3^{PФ}$ – индекс структурного сдвига в численности К(Ф)Х РФ, %; $x_4^{PФ}$ – масса структурного сдвига в выпуске сельхозпродукции СХО РФ (в сопоставимых ценах), млрд руб.	$y^{ДВ} = 97,524 - 0,296 \cdot x_1^{ДВ} - 0,519 \cdot x_2^{ДВ} + 0,423 \cdot x_3^{ДВ} + 18,873 \cdot x_4^{ДВ} + 7,6448 \cdot x_5^{ДВ}$, где $Y^{ДВ}$ – темп роста производства сельхозпродукции (в сопоставимых ценах) в хозяйствах всех категорий Дальнего Востока, %; $x_1^{ДВ}$ – индекс структурного сдвига в посевных площадях СХО Дальнего Востока, %; $x_2^{ДВ}$ – индекс структурного сдвига в численности хозяйств населения Дальнего Востока, %; $x_3^{ДВ}$ – индекс структурного сдвига в посевных площадях К(Ф)Х Дальнего Востока, %; $x_4^{ДВ}$ – масса структурного сдвига в выпуске сельхозпродукции хозяйствами населения Дальнего Востока (в сопоставимых ценах), млрд руб.; $x_5^{ДВ}$ – масса структурного сдвига в выпуске сельхозпродукции К(Ф)Х Дальнего Востока (в сопоставимых ценах), млрд руб.
Индекс множественной корреляции	0,96	0,70
Множественный коэффициент детерминации	0,99	0,50
Средняя ошибка аппроксимации, %	1,33	4,77

Показатель	РФ	Дальний Восток
Критерий Фишера	$F^{\text{расчетное}} = 59,76$ (значимость 10^{-5})	$F^{\text{расчетное}} = 3,05$ (значимость 10^{-2})
Критерий Дарбина – Уотсона	$d^{\text{расчетное}} = 1,99$ ($d_1^{\text{табл}} = 0,86; d_2^{\text{табл}} = 1,85$)	$d^{\text{расчетное}} = 2,63$ ($d_1^{\text{табл}} = 0,86; d_2^{\text{табл}} = 1,85$)
Коэффициенты эластичности	$\varepsilon_{x1} = 0,002; \varepsilon_{x2} = -0,012;$ $\varepsilon_{x3} = -0,01; \varepsilon_{x4} = 0,02$	$\varepsilon_{x1} = 0,005; \varepsilon_{x2} = 0,018;$ $\varepsilon_{x3} = 0,0004; \varepsilon_{x4} = 0,005; \varepsilon_{x5} = -0,012$

Примечание: рассчитано авторами.

Как следует из таблицы 2.14, построенные модели адекватно отражают процесс формирования структурных сдвигов в сельском хозяйстве страны и макро-региона и их влияния на результативность сельского хозяйства. Действительно, коэффициент корреляции составил для РФ и Дальнего Востока соответственно 0,96 и 0,70, что говорит о высокой тесноте корреляционной связи между результирующим признаком и выделенными факторами. При этом 99 % (для России) и 50 % (для Дальневосточного региона) изменения темпа роста сельскохозяйственной продукции обусловлено влиянием включенных в построенные модели факторов. Средняя ошибка аппроксимации мала (1,33 % для РФ и 4,77 % для макрорегиона), что свидетельствует о корректном выборе математической формы модели. Данная сторона проверки качества модели подтверждается расчетной величиной критерия Дарбина – Уотсона, которая больше верхней границы табличного значения данного критерия.

Объем массива исходной информации, используемый при моделировании, достаточен для выявления закономерности в процессе формирования структурного сдвига в выпуске сельскохозяйственной продукции основными группами землепользователей Дальнего Востока, что подтверждается найденными значениями критерия Фишера.

Анализ данных моделей показал, что в целом по России реальное позитивное воздействие на темп роста выпуска сельскохозяйственной продукции могут оказать сельскохозяйственные организации различных организационно-правовых форм (так как коэффициенты эластичности индекса структурного сдвига в посевных площадях сельхозпредприятий и массы структурного сдвига в выпуске продукции СХО положительны).

На дальневосточном уровне ситуация менее однозначная. Здесь эластичными факторами, способными содействовать оптимизации региональной аграрной структуры, являются индекс сдвига в посевных площадях СХО и К(Ф)Х, масса структурного сдвига в выпуске сельхозпродукции хозяйствами населения и индекс сдвига в численности хозяйств населения.

Но хозяйства населения фактически существуют в «симбиозе» с крупнотоварным производством, по сути не являясь самостоятельной структурной единицей аграрных отношений. Фермеры, как мы ранее уже отмечали, более три-

дцати последних лет поддерживаются на уровне государства посредством ряда программ, а возложенная на них миссия возрождения российского крестьянства не реализована до сих пор, и нет объективных предпосылок для её выполнения в ближайшей перспективе. Поэтому на Дальнем Востоке в действительности повысить рациональность экономической структуры способны именно сельскохозяйственные организации.

Мелкотоварный фермерский сектор аграрной экономики не имеет определяющего значения в формировании регионального продовольственного фонда, так как он заполняет только те ниши, куда невыгодно вкладывать капитал в крупном размере. Перспективной формой организации производственно-хозяйственной деятельности на селе являются сельскохозяйственные предприятия различных организационно-правовых форм. Следовательно, для улучшения состояния регионального сельского хозяйства, трансформации негативных структурных сдвигов в позитивные и повышения продовольственной безопасности государства, при актуализации и совершенствовании современного курса структурной политики Дальнего Востока РФ в конечном счете следует делать больший акцент на СХО и стимулировать их развитие посредством различных (ценовых, налоговых, кредитных, инвестиционных и пр.) механизмов государственного регулирования экономики.

По мнению авторов, результативность структурных сдвигов нужно также оценивать и по увеличению обеспеченности населения Дальнего Востока продовольствием регионального производства и другим социально-экономическим параметрам в сравнении с уровнем государственных субсидий.

Данная авторская позиция определяет необходимость изучения структурных изменений регионального сельскохозяйственного производства в контексте обеспечения продовольственной безопасности Дальнего Востока.

Глава 3. ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ И ВОЗМОЖНОСТИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА НА ОСНОВЕ СТРУКТУРНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ РЕГИОНАЛЬНОГО СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА

3.1. Динамика участия регионального сельскохозяйственного производства в обеспечении продовольственной безопасности региона

На протяжении многих десятилетий социально-экономического развития Дальнего Востока как отдаленного географически, но важного макрорегиона Советского Союза и Российской Федерации основным приоритетом проводимой государственной политики являлось обеспечение продовольственной безопасности [4, 34]. На этом ключевом условии строились концепции и программы формирования производственного, научно-технического и демографического потенциалов, использование которых определяло его возрастающую роль в определении амбициозных целей национального развития на принципах эффективного освоения региональных природных ресурсов при их активном вовлечении в международное разделение труда.

Реализация такого политико-экономического подхода, особенно на современном этапе либерализации внешнеэкономической деятельности, позволила достигнуть необходимый уровень продовольственной безопасности Дальнего Востока при задействовании имеющихся ресурсов регионального сельского хозяйства, внерегиональных поставок сельскохозяйственной продукции, а также ее импорта (в основном из Китайской Народной Республики). Таким образом, к началу нынешнего стагнационного периода российской экономики, т.е. к 2014 г., в дальневосточном регионе была достигнута относительная стабильность продовольственной обеспеченности коренного населения и многочисленных мигрантов при удовлетворительном паритете стоимости «продовольственной корзины» и реальных доходов населения. Однако уже в последующие годы формируется и усиливается тенденция к существенному нарушению этого состояния при значительном росте цен на рыбу, мясо, молоко, яйцо, хлеб и хлебобулочные изделия, практически все виды круп, овощи и фрукты при устойчивом уменьшении уровня оплаты труда, что актуализирует проблему исследований новых факторов сохранения продовольственной безопасности Дальнего Востока

[35]. Особенно обострилось данное положение с момента объявления России масштабных санкций стран Евросоюза и США (которые по существующим экспертным оценкам в ближайшие годы будут сохраняться.)

Продовольственная безопасность в России – это сложный социальный конструкт, который, как выше было отмечено, в значительной степени увязан на внутренние проблемы страны, обусловлен ее политической повесткой дня [65].

В общепринятой трактовке под продовольственной безопасностью понимают ситуацию, при которой все люди в любой момент времени имеют физический и экономический доступ к достаточной в количественном отношении безопасной пище, необходимой для ведения активной и здоровой жизни. При этом продовольственная безопасность должна рассматриваться на всех стадиях воспроизводственного процесса: от производства продовольствия до его обмена, распределения и потребления.

Важность данного вопроса подчеркивается Доктриной продовольственной безопасности Российской Федерации (далее – Доктриной), утвержденной Указом Президента РФ от 21.01.2020 № 20, в которой обозначены национальные интересы в этой сфере [73].

Кратко охарактеризуем три основные понятийные критерия, используемые в Доктрине.

Во-первых, продовольственная независимость, под которой понимается уровень самообеспечения страны в целом (региона), равный отношению объема отечественного (регионального) производства сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия к объему их внутригосударственного (внутрирегионального) потребления (в процентном выражении). Продовольственная независимость при этом считается достигнутой, если уровень самообеспечения по важнейшим продовольственным группам – не менее установленных Доктриной пороговых значений. Например, зерновых – не менее 95 %; мяса и мясопродуктов (в пересчете на мясо) – не менее 85 %; молока и молокопродуктов (в пересчете на молоко) – не менее 90 %; картофеля – не менее 95 %; овощей и бахчевых – не менее 90 %; фруктов и ягод – не менее 60 % и др. [74].

Во-вторых, экономическая доступность. Данный критериальный показатель интерпретируется как возможность различных слоев населения приобретать в необходимом количестве и ассортименте продукты питания путем покупки их по складывающимся ценам, а также за счет средств, выделяемых государством для оплаты поставок продовольствия специальным потребительским группам. Экономическая доступность продовольствия определяется не только наличием рыночного предложения и средств для его приобретения, но и возможностью населения производить его для своих нужд в хозяйствах населения.

В-третьих, физическая доступность продовольствия, означающая бесперебойное поступление продуктов питания от места их производства к конечным потребителям.

Охарактеризованные положения позволяют сформулировать следующее авторское определение: «Продовольственная безопасность предполагает производство продукции в таком количестве и качестве, при котором обеспечиваются продовольственная независимость страны, ее способность противостоять внешним угрозам, а также возможность устойчивого развития сельского хозяйства». В этой связи обеспечение продовольственной безопасности является комплекс-

ной задачей развития национального сельского хозяйства, решение которой предполагает проведение адекватной ее сложности и масштабности государственной структурной политики.

Теоретическое осмысление вопросов оценки продовольственной безопасности отдельного региона внутри Российской Федерации показало наличие двух подходов. Первый подход поддерживает целесообразность региональной оценки продовольственной безопасности [34, 74, 84], а приверженцы второго подхода считают региональный подход в изучении продовольственной безопасности неэффективным [4].

Мы полагаем, что изучать региональные особенности достижения и поддержания продовольственной безопасности нужно обязательно. Особенно это актуально для субъектов Федерации, имеющих внешнюю границу. Так как экономики таких территорий нередко достаточно тесно связаны с экономиками сопредельных государств, следовательно, при рассмотрении проблематики продовольственной безопасности нельзя игнорировать международное разделение труда. Обязательность оценки продовольственной безопасности региона проявляется и в том, что угрозы ее обеспечения для отдельно взятого региона порой значительно отличаются по своему составу. Это обусловлено возможной дифференциацией субъектов Федерации с точки зрения самообеспеченности продовольствием территории по различию в географическом положении, территориально-отраслевой специфике сельского хозяйства, биоклиматическом, производственном, логистическом и сельскохозяйственном потенциалах.

Комплексную оценку состояния продовольственной безопасности региона можно выполнить посредством использования различных совокупностей показателей, которые, с одной стороны, позволят всесторонне исследовать анализируемое проблемное поле, а с другой – являлись бы достаточно унифицированными и понятными.

По мнению авторов, методологически обоснованным является использование шести индикаторов критериальной оценки продовольственной безопасности региона, конструирование которых позволяет учесть не только базовые критерии, закрепленные в Доктрине продовольственной безопасности РФ (продовольственная независимость, экономическая и физическая доступность продовольствия), но и количественные пороговые оценки в разрезе основных продовольственных групп (табл. 3.1).

Таблица 3.1

Индикаторы критериальной оценки продовольственной безопасности региона

Показатель	Расчетная формула	Интерпретация индикатора
Индикатор достижения продовольственной независимости (самообеспечения) региона продуктами питания	$K_1^i = \frac{K_{с\ региона_i}^{факт_i}}{K_{с_i}^{пороговый}}$ <p>где $K_{с\ региона_i}^{факт_i}$ – фактический уровень самообеспечения региона i-м продуктом питания; $K_{с_i}^{пороговый}$ – пороговый уровень самообеспечения для i-го продукта питания</p>	<p>$0 \leq K_1^i < 0,7$ – низкое соответствие критерию продовольственной независимости;</p> <p>$0,7 \leq K_1^i < 1$ – допустимое соответствие;</p> <p>$K_1^i \geq 1$ – полное соответствие</p>

Показатель	Расчетная формула	Интерпретация индикатора
Индикатор физической доступности продуктов питания регионального производства согласно рациональным нормам питания	$K_2^i = \frac{Q_{с\ регион\ i}^{факт\ i}}{K_{с\ i}^{пороговый}}$, где $Q_{с\ регион\ i}^{факт\ i}$ – региональный объем производства i -го вида продовольствия; $N_{с\ регион}$ – численность населения региона; $q_{с\ рац\ i}^i$ – рациональная норма потребления i -го вида продовольствия	$K_{с\ i}^{пороговый}$ – низкий объем регионального производства i -го вида продовольствия (в расчете на душу населения) для обеспечения потребностей в соответствии с рациональными нормами питания; $0,6 \leq K_2^i < 1$ – допустимый объем производства; $K_2^i \geq 1$ – оптимальный объем
Индикатор физической доступности продуктов питания зарубежного высококонкурентного производства	$K_3^i = \frac{Q_{импорт}^{факт\ i}}{N_{с\ регион} \cdot q_{с\ рац\ i}^i}$, где $Q_{импорт}^{факт\ i}$ – объем импортного высококонкурентного производства i -го вида продовольствия; $N_{с\ регион}$ – численность населения региона; $q_{с\ рац\ i}^i$ – рациональная норма потребления i -го вида продовольствия	$0 \leq K_3^i < 0,5$ – низкий объем удовлетворения потребности населения в i -м виде продовольствия (в расчете на душу населения) за счет импорта; $0,5 \leq K_3^i < 1$ – средний объем удовлетворения потребности за счет импорта; $K_3^i \geq 1$ – высокий уровень удовлетворения потребности за счет импорта (критическая зависимость от импорта)
Индикатор удовлетворения физиологических потребностей в продуктах питания	$K_4^i = \frac{P_{с\ регион\ i}^{факт\ i}}{N_{с\ регион} \cdot q_{с\ рац\ i}^i}$, где $P_{с\ регион\ i}^{факт\ i}$ – фактическое потребление i -го вида продовольствия	$0 \leq K_4^i < 0,6$ – низкий уровень удовлетворения физиологических потребностей в i -м продукте питания; $0,6 \leq K_4^i < 1$ – допустимый уровень; $K_4^i \geq 1$ – оптимальный уровень
Индикатор «бедности»	$K_5 = \frac{D}{100}$, где D – доля населения региона с доходами менее прожиточного минимума	$K_5 \in -$ – высокий уровень бедности; $K_5 \in -$ – допустимый уровень; $K_5 \leq 0,2$ – оптимальный уровень
Индикатор структуры затрат домашних хозяйств на продукты питания	$K_6 = \frac{P}{100}$, где P – доля расходов на питание в общих затратах домашних хозяйств региона	$K_6 \in -$ – высокий уровень затрат домашних хозяйств в общей структуре затрат; $K_6 \in -$ – допустимый уровень; $K_6 \leq 0,25$ – оптимальный уровень

Примечание: составлено авторами.

Обратим внимание на включение авторами в совокупность показателей оценивания продовольственной безопасности индикатора физической доступности продуктов питания зарубежного высококонкурентного производства (K_3^i). Данный индикатор целесообразно использовать в рамках теории и практики международного разделения труда, что особенно важно для меридианосвязанных приграничных районов Дальнего Востока с экстремальными природно-климатическими условиями и находящиеся в транспортной доступности с южными регионами КНР, Вьетнама, Лаоса и др.

Результаты вычисленных величин индикаторов критериальной оценки продовольственной безопасности Дальнего Востока РФ представлены в табл. 3.2.

Таблица 3.2

**Индикаторы критериальной оценки продовольственной безопасности
Дальнего Востока РФ (2014 г. / 2018 г. / 2021 г.)**

Показатель	Мясо и мясные продукты	Молоко и молочные продукты	Картофель	Овощи и бахчевые	Фрукты и ягоды
Индикатор достижения порогового уровня продовольственной независимости	0,31 / 0,41 / 0,49	0,46 / 0,61 / 0,64	1,06 / 0,96 / 1,00	0,82 / 0,60 / 0,59	0,17 / 0,15 / 0,14
Индикатор физической доступности продуктов питания регионального производства согласно рациональным нормам питания	0,37 / 0,36 / 0,34	0,39 / 0,37 / 0,36	1,63 / 1,45 / 1,52	0,39 / 0,32 / 0,32	0,05 / 0,05 / 0,05
Индикатор удовлетворения физиологических потребностей в продуктах питания	1,04 / 1,04 / 1,04	0,69 / 0,66 / 0,65	1,73 / 1,65 / 1,68	0,74 / 0,75 / 0,75	0,61 / 0,62 / 0,60
Индикатор «бедности»	0,182 / 0,191 / 0,194				
Индикатор структуры затрат домашних хозяйств на продукты питания	0,316 / 0,328 / 0,344				

Примечание: рассчитано авторами по [58, 61].

Из таблицы 3.2 видно, что для макрорегиона критериальные величины уровня самообеспечения достигаются только для картофеля. При этом за период действия политики импортозамещения названный показатель для мяса и молока, хотя и несколько увеличился, но все же остается стабильно низким. Более того, самообеспеченность региона овощами и фруктами в 2021 г. по сравнению с 2014 г. ухудшилась, показав стремление к дальнейшему снижению, т.е. Даль-

ний Восток остается критически зависимым от внешних поставок продовольствия.

Анализ величины индикатора физической доступности продуктов питания регионального производства (в соответствии с рациональными нормами питания) в разрезе макрорегиона показал низкий уровень показателя по молоку и молокопродуктам, который за период 2014–2021 гг. снизился. Современные объемы производства фруктов и ягод не позволяют обеспечить население и перерабатывающие предприятия территории в соответствии с физиологическими нормами.

Уровень удовлетворенности физиологических потребностей в основных продуктах питания за счет всех источников (импорта в том числе) на Дальнем Востоке РФ характеризуется допустимыми величинами показателя.

На рисунке 3.1 посредством гистограммы визуализирован уровень удовлетворения физиологических потребностей населения российского Дальнего Востока в основных видах продовольствия.

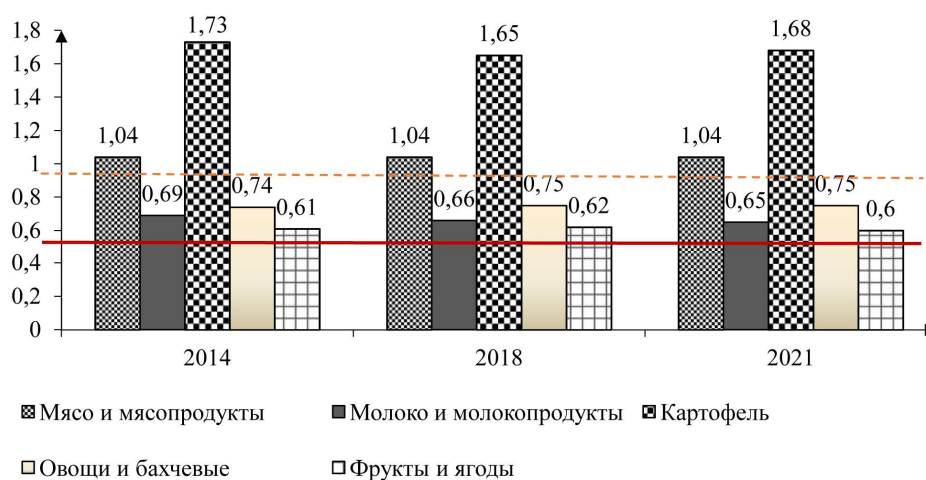

Рис. 3.1. Уровень удовлетворения физиологических потребностей населения Дальнего Востока РФ

На рисунке 3.1 отмечен допустимый уровень показателя с помощью горизонтальной сплошной прямой и оптимальный – в виде горизонтальной пунктирной прямой линии. Как видно из рисунка, физиологические потребности в молоке и молочной продукции, овощах и фруктах в макрорегионе удовлетворяются в достаточном объеме, а в мясе и мясных продуктах, картофеле – в полном объеме.

Учитывая, что региональное производство мяса, молока, овощей и фруктов не позволяет в полной мере удовлетворить нужды потребителей, недостающее продовольствие восполняется за счет внешних поставок, преимущественно из КНР.

Продукты питания экономически доступны для населения макрорегиона, о чем свидетельствуют коэффициенты «бедности» и структуры затрат домохозяйств на продукты питания. Но нельзя не учитывать, что индикатор «бедности» показывает устойчивую тенденцию к росту: с 0,181 в 2014 г. до 0,191 в 2018 г. и 0,194 в 2021 г. (рис. 3.2).

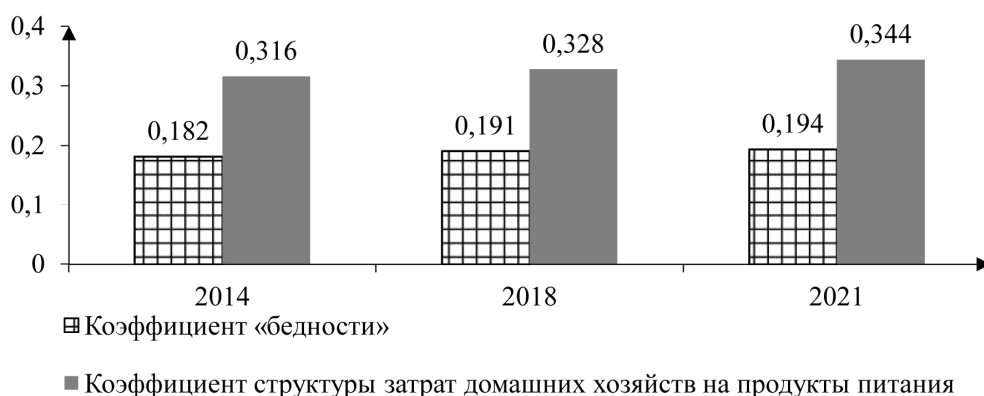

Рис. 3.2. Уровень экономической доступности продовольствия для населения Дальнего Востока

Более того, современная ситуация в экономике страны, уход крупных иностранных компаний, санкционный запрет на поставку в РФ инновационных технологий и высокотехнологичного оборудования, специальная военная операция и пр. являются основаниями для прогнозирования роста безработицы в стране и макрорегионе, а следовательно, и дальнейшего роста коэффициента «бедности».

Также интересен фактический уровень удовлетворенности (неудовлетворенности) продовольственным обеспечением населения Дальнего Востока. Для решения данной задачи авторами проведено социологическое исследование по замеру удовлетворенности продовольственным обеспечением жителей Приморского края (городов Владивостока, Уссурийска и Уссурийского муниципального района, Артема и Артемовского городского округа, Спасска-Дальнего). Число респондентов 350 чел.; возрастные группы – от 18 до 22 лет и от 40 до 65 лет, с разным уровнем дохода (но относящихся в большей массе к «среднему классу»). Метод социологического обследования – анкетирование. Инструмент – Google-анкеты. Результаты обсчета анкет представлены в табл. 3.3.

Таблица 3.3

Матрица обсчетов анкетирования по замеру удовлетворенности продовольственным обеспечением жителей Приморского края

Вопросы анкеты	Варианты ответов							
	Чел.		%		Чел.		%	
1. Как изменились Ваши расходы на продукты питания за последний год	<i>Уменьшились</i>		<i>Увеличились</i>		<i>Не изменились</i>			
	0	0	350	100	0	0		
2. Какова реакция Вашей семьи на рост цен на продукты питания?	<i>Никакой</i>		<i>Покупаем продукты впрок</i>		<i>Не покупаем дорогостоящие продукты</i>			
	140	40	105	30	105	30		

Вопросы анкеты	Варианты ответов					
	Чел.	%	Чел.	%	Чел.	%
3. На какие источники продаж продуктов Вы ориентированы?	<i>Супермаркеты, продовольственные магазины</i>		<i>Интернет-магазины</i>		<i>Фермерские рынки, ярмарки</i>	
	175	50	70	20	105	30
4. По каким продуктам питания Ваша семья перешла на мелкооптовые закупки?	<i>Крупы, сахар, бакалея и др.</i>		<i>Мясо и мясопродукты</i>		<i>Другое</i>	
	350	100	0	0	0	0
5. Как изменилась структура закупок в Вашей семье за последний год (увеличилась «+», снизилась «-», %)?	<i>Продовольственные товары</i>		<i>Одежда и обувь</i>		<i>Санитарно-бытовые товары</i>	
	175	50	0	0	175	50
6. Как изменились объемы закупок продуктов питания в Вашем семейном бюджете (увеличилась «+», снизилась «-», %)?	10 %		10-50 %		Более 50 %	
	105	30	245	70	0	0
7. Испытывает ли Ваша семья проблему в полноценном питании?	ДА		НЕТ		Затрудняюсь ответить	
	105	30	210	60	35	10
8. Какие продукты питания исчезли / сократились в Ваших закупках?	Сыр, фрукты, колбаса, рыба, морепродукты, сладости					

Примечание: составлено авторами по результатам анкетирования.

Как показали результаты данного обследования, за последний год расходы на продукты питания домохозяйств возросли. При этом 30 % опрошенных в качестве реакции на рост цен на продукты питания отметили позиции «покупаем продукты впрок» и «не покупаем дорогостоящие продукты».

Источниками покупок продуктов питания по-прежнему для 50 % респондентов являются супермаркеты и продовольственные магазины. Но здесь необходимо отметить, что 30 % домохозяйств ориентированы на приобретение продуктов питания на продовольственных ярмарках и фермерских рынках, а 20 % – через интернет-магазины. С большей долей вероятности можно прогнозировать, что в ближайшие годы возрастет доля жителей региона, приобретающих продукты через интернет-каналы.

На мелкооптовые закупки товарных групп «крупы, сахар, бакалея» перешли все домохозяйства, принявшие участие в опросе. Обращает на себя внимание изменение структуры закупок в сторону увеличения доли продовольственных и санитарно-бытовых товаров: соответственно для 50 % семей. В прошедшем

(2022) году по сравнению с предыдущим годом возросли до 70 % объемы закупок продуктов питания в семейном бюджете принявших участие в анкетировании домохозяйств.

На вопрос: «Испытывает ли Ваша семья проблему в полноценном питании?» 30 % респондентов дали утвердительный ответ. При этом такие продукты питания, как сыр, фрукты, колбаса, рыба, морепродукты, сладости, существенно сократились в закупках жителей Приморья.

Таким образом, проведенное социологическое исследование показало низкую степень удовлетворенности жителей региона доступностью продуктами питания. Действительно, стоимость стандартного набора продуктов в Приморском крае возрастает из месяца в месяц, а доходы домохозяйств – снижаются. Так, по данным Росстата, на юге макрорегиона в декабре 2021 г. по сравнению с январем 2021 г. цены на свинину, молоко питьевое цельное пастеризованное, хлеб и булочные изделия (из пшеничной муки высшего сорта) возросли соответственно на 9, 5 и 11 %, а реальные располагаемые денежные доходы в регионе снизились на 3 %.

Подобная ситуация тесно связана с проблемами, имеющими место в продовольственном обеспечении региона и достижении критериальных величин продовольственной безопасности.

Предпосылкой инициирования большинства проблем продовольственной безопасности Дальнего Востока (в том числе и выявленных посредством проведенного авторами социологического исследования) являются структурные дисбалансы, препятствующие эффективному развитию сельского хозяйства и обеспечению населения и перерабатывающих предприятий качественными продуктами питания и сельскохозяйственным сырьем в объемах, необходимых для достижения продовольственной безопасности.

В главе 2 выполнен достаточно подробный анализ структурных изменений и их результативности в сельском хозяйстве макрорегиона, поэтому в рамках данной главы акцентируем внимание на рассмотрении структурных изменений в структуре ресурсов основных видов продовольствия на Дальнем Востоке. (Методика анализа структурных сдвигов, в том числе и для оценки сдвигов в ресурсной составляющей продовольственной безопасности региона, приведена в подразд. 2.1 монографии).

На уровне страны структурные сдвиги в запасах ресурсов продовольствия характеризуются отрицательной направленностью, что говорит о том, что за 2014–2021 гг. имело место «проедание» запасов продуктов питания в более высоких объемах, чем в докризисный период. Интенсивность убывания «проедания» страной продовольственных запасов достаточно высока и составила 9,3 % за период (табл. 3.4).

Таблица 3.4

**Расчет показателей интенсивности и направленности структурных сдвигов
ресурсов продовольствия (РФ / Дальний Восток)**

Продовольственная группа	Удельный вес вида ресурса, %		$d^{2021} - d^{2014}$
	d^{2014}	d^{2021}	
Запасы ресурса на начало года			
Картофель	40,10 / 34,66	41,50 / 42,60	1,40 / 7,94
Овощи	28,38 / 20,45	28,80 / 22,70	0,42 / 2,25
Фрукты	21,03 / 11,85	14,70 / 20,00	-6,33 / 8,17
Мясо и мясопродукты	7,34 / 9,66	7,00 / 9,42	-0,37 / -0,26
Молоко и молокопродукты	4,81 / 2,33	4,25 / 2,91	-0,56 / 0,58
Яйцо и яйцопродукты	2,59 / 5,26	2,73 / 3,31	0,14 / -1,95
Интенсивность структурного сдвига, %			9,22 / 21,15
Направленность структурного сдвига			-0,57 / 0,98
Производство ресурса			
Картофель	57,37 / 58,62	55,32 / 48,10	-2,05 / -10,52
Овощи	59,40 / 45,51	61,50 / 30,90	2,10 / -14,61
Фрукты	26,37 / 7,34	31,75 / 6,60	5,38 / -0,74
Мясо и мясопродукты	76,18 / 22,25	85,90 / 28,50	9,72 / 6,25
Молоко и молокопродукты	72,92 / 38,67	79,00 / 50,45	6,08 / 11,78
Яйцо	94,59 / 72,70	94,68 / 58,40	0,09 / -14,30
Интенсивность структурного сдвига, %			25,42 / 58,20
Направленность структурного сдвига			0,84 / -0,38
Ввоз ресурса, включая импорт			
Картофель	2,53 / 6,73	3,18 / 9,30	0,65 / 2,57
Овощи	12,22 / 34,05	9,70 / 46,40	-2,52 / 12,35
Фрукты	52,60 / 80,81	53,55 / 73,40	0,95 / -6,70
Мясо и мясопродукты	16,48 / 68,08	7,10 / 62,08	-9,38 / -6,00
Молоко и молокопродукты	22,26 / 56,07	16,75 / 46,64	-5,51 / -9,43
Яйцо	2,81 / 24,97	2,59 / 38,39	-0,22 / 13,42
Интенсивность структурного сдвига, %			19,23 / 50,47
Направленность структурного сдвига			-0,83 / 0,12

Примечание: рассчитано авторами по [58].

Для Дальнего Востока интенсивность структурного изменения в запасах продуктов составила 21,15% при положительной направленности, равной 0,98. В производстве ресурсов по совокупности продовольственных групп макрорегиона негативная направленность «накладывается» на высокую интенсивность (58,20%) и тем самым позволяет говорить о неудовлетворительных структурных сдвигах в региональном производстве продовольствия.

Интенсивность совокупного структурного сдвига ввоза продовольствия (включая импорт) на Дальний Восток РФ составила 50,47% за период; направленность имеет положительное значение (0,12). Но так как рост объема импорта в обеспечении региона продовольствием не соответствует целям и задачам экономической политики государства, то положительная направленность свидетельствует не о прогрессивности, а о регрессивности структурных изменений ввоза продуктов питания в макрорегионе.

При рассмотрении условий достижения и поддержания продовольственной безопасности отдельного региона целесообразно также учитывать присутствующие именно данному региону условия, обеспечение которых можно осуществить своими силами, определив продуктовую нишу для межрегионального и международного обеспечения.

В настоящее время в обеспечении Дальнего Востока по основным группам продовольствия (за исключением картофеля) отмечается существенная зависимость от внешних поставок, наиболее ярко выраженная для молока, овощей, мяса, фруктов и ягод (рис. 3.3).

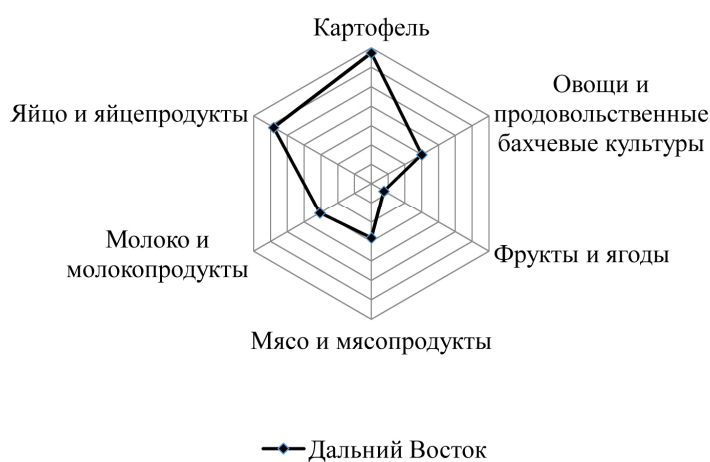

Рис. 3.3. Эпюра достижения показателей самообеспечения Дальнего Востока основными видами продовольствия

Примечание: построено авторами по [58].

Территориально-отраслевая дифференциация продовольственной безопасности макрорегиона очевидным образом предопределяет продовольственные группы, обеспечение которыми должно быть приоритетом региональной сельскохозяйственной политики (например, молоко и молокопродукты, овощи защищенного грунта и др.). Поэтому вопросы соотношения в структуре обеспечения продовольствием сегментов «продовольствие регионального / внутристранового / международного происхождения» лежат в плоскости потенциальной возможности отраслей сельского хозяйства регионов Дальнего Востока производить определенные сельскохозяйственные культуры.

В завершение рассмотрения вопросов участия регионального сельскохозяйственного производства в обеспечении продовольственной безопасности региона сделаем обобщающие выводы.

1. Продовольственная независимость характеризуется отрицательно направленными структурными сдвигами по всем основным видам продовольствия для хозяйств населения. Совокупный структурный сдвиг ввоза продовольствия носит негативный характер и не соответствует задачам государства и региона по самообеспечению продуктами питания.

2. Для многих продовольственных групп сформировалась тенденция наращивания импорта, т.е. следует с осторожностью говорить о том, что в целом по стране и на Дальнем Востоке РФ удалось преодолеть импортозависимость по продуктам питания. Регрессивный характер структурных сдвигов на уровне Дальнего Востока более выражен, чем для страны в целом.

3. Для достижения продовольственной безопасности дальневосточных регионов необходимо формировать специальные условия для развития аграрного сектора и роста выпуска местной продукции, увеличивать государственную поддержку сельскохозяйственных товаропроизводителей, особенно для товаропроизводителей, выпускающих животноводческую продукцию и овощи.

4. При формировании приоритетов региональных агропродовольственных политик (особенно для регионов, где продовольственная безопасность в целом не достигнута) необходим учет региональной специфики.

Анализируя угрозы продовольственной безопасности Дальнего Востока, можно отметить, что они значительно выше в сравнении с Россией в целом. Так, в регионе наблюдается экспансия вертикально интегрированными компаниями местных сельскохозяйственных добывающих и перерабатывающих предприятий. Это усложняет выработку стратегии продовольственной безопасности на региональном уровне из-за удлиняющейся цепочки вертикальных коммуникаций.

Неспособность регионов Дальнего Востока самостоятельно обеспечить население необходимыми фруктами и значительная удаленность поставщиков этой продукции приводят к высоким транзакционным издержкам. Незрелость инфраструктуры продовольственного рынка и зависимость от зарубежных сельскохозяйственной техники и технологий приводят к неспособности региона сохранить, переработать и доставить к покупателю в качественном виде произведенную продукцию или добываемую морепродукцию. Рискованность земледелия

лия приводит к неразумному использованию удобрений и не позволяет покрыть все затраты сельхозпроизводителей.

Социальная привлекательность сельской жизни на Дальнем Востоке отсутствует. Высокий уровень безработицы, низкий уровень доходов, отсутствие образовательных, культурных и развлекательных центров, финансирование по остаточному принципу способствуют оттоку жителей из сельской местности макрорегиона.

Серьезной проблемой для Дальнего Востока является невозможность обеспечить благоприятные климатические условия и противостоять аномальным природным явлениям стихийного характера, что подрывает процесс формирования продуктовой безопасности. Решение этой проблемы лежит в области государственного страхования и поддержки производящих и перерабатывающих сельскохозяйственных систем.

Создание региональных продовольственных центров позволит построить продовольственную систему, способную агрегировать и связывать сельхозпроизводителей между собой, с информационными центрами атмосферных состояний, страховыми компаниями и потребителями напрямую.

Обеспечение условий для развития аграрного сектора региона в первую очередь должно быть направлено на снижение несанкционированного использования лекарственных средств в животноводстве и химических удобрений в процессе сельскохозяйственного производства, приводящих к снижению плодородия земель сельскохозяйственного назначения. Необходимо создавать инновационные сельскохозяйственные системы, которые защищают и расширяют запас природных ресурсов.

Сельское хозяйство играет стратегическую роль в поддержании экономики региона, особенно в повышении продовольственной безопасности и производства сельскохозяйственной продукции. Создание всеобъемлющей национальной основы для устойчивого управления природными ресурсами, а также внедрение технологий и инноваций, необходимых для повышения производительности труда, рентабельности и устойчивости сельскохозяйственных систем, должно являться первостепенной задачей макрорегиона.

3.2. Рационализация структуры сельскохозяйственного производства с учётом сравнительной конкурентоспособности сельскохозяйственных организаций различных организационно-правовых форм

Анализ результативности реструктуризационных процессов, происходящих в сельском хозяйстве Дальнего Востока России и субъектов Федерации в его составе в XXI в., показал низкую их эффективность, в немалой степени обусловленную слабой научной обоснованностью управленческих решений как на макро-, так и на мезоуровне, в том числе и в части определения приоритетных направлений структурной политики и адресности вектора государственного стимулирования хозяйствующих субъектов в сельском хозяйстве [99].

Следовательно, появляется необходимость в построении методики анализа эффективности сельскохозяйственных организаций различных организационно-правовых форм региона, которая должна, с одной стороны, быть достаточно универсальной и простой в использовании, а с другой – обеспечивать индивидуальный подход с учётом фактических условий сельхозпредприятий.

Разрабатываемая методика базируется на следующей группе теоретико-методологических принципов:

1. Принцип целевой направленности в определении путей повышения эффективности предприятий различных организационно-правовых форм, конечной целью которых является достижение устойчивых технологических и экономических результатов.

2. Принцип системного подхода. Содержательный смысл этого принципа заключается в том, что анализ, оценка и прогнозирование эффективности организационно-правовых форм СХО должны проводиться при следующих предпосылках:

а) агроэкономика региона рассматривается как система взаимодействующих хозяйствующих субъектов;

б) хозяйствующие субъекты группируются в соответствии с видом их организационно-правовой формы;

в) сельскохозяйственное производство на любом уровне, являясь сложной, открытой социально-экономической системой, состоит из функциональной (технологической, экономической и социальной) и организационной подсистем, первая из которых отражает содержание процесса сельскохозяйственного производства, а вторая форму его функционирования.

3. Принцип динамического подхода, предполагающий изучение экономической системы региона в постоянном развитии, с учётом меняющейся экономической ситуации, динамики структурных сдвигов.

4. Принцип комплексного анализа, позволяющий анализировать количественно-качественные показатели структурного развития аграрного сектора региона с учётом его специфических особенностей.

5. Принцип общности разрабатываемых пакетов предложений и региональной аграрной политики, означающий, что при разработке комплексной системы рекомендаций и предложений необходимо основываться на основных положениях региональной экономической политики, отражающих единую стратегическую линию в формировании экономических отношений.

Структура методика анализа эффективности СХО состоит из семи взаимосвязанных блоков, в каждом из которых предусмотрено разделение сельхозпредприятий не только по организационно-правовой форме, но и по масштабу производственно-хозяйственной деятельности хозяйства (рис. 3.4).

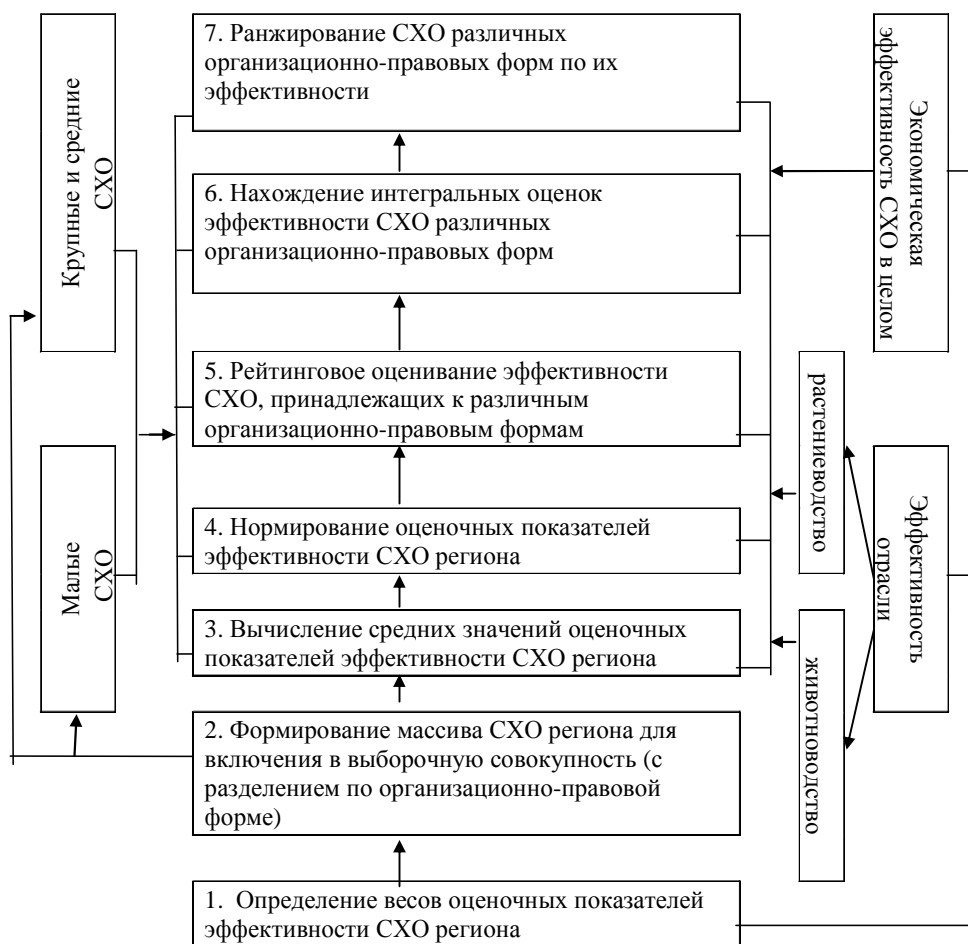

Рис. 3.4. Схема методики анализа эффективности СХО

Примечание: разработано авторами.

Алгоритм методики анализа эффективности сельскохозяйственных организаций региона (согласно её принципиальной схеме), следующий:

1. Установить веса оценочных показателей эффективности функционирования СХО:

а) для оценки экономической эффективности сельскохозяйственного предприятия в целом:

- выручка от продажи сельскохозяйственной продукции в расчёте на 1 га пашни, тыс. руб.;
- выручка от продажи сельскохозяйственной продукции в расчёте на 1 руб. основных средств (т.е. фондоотдача), руб.;
- выручка от продажи сельскохозяйственной продукции в расчёте на одного среднегодового работника, тыс. руб.;

- выручка от продажи сельскохозяйственной продукции в расчёте на 1 руб. материальных затрат, тыс. руб.;
 - валовая прибыль в расчёте на 1 га пашни, тыс. руб.;
 - валовая прибыль в расчёте на 1 руб. основных средств, руб.;
 - валовая прибыль в расчёте на 1 среднегодового работника (тыс. руб.);
 - среднегодовая стоимость основных производственных фондов в расчёте на одного среднегодового работника (фондовооруженность), тыс. руб.;
 - среднегодовая стоимость основных производственных фондов в расчёте на 100 га сельхозугодий (фондообеспеченность), тыс. руб.;
 - уровень рентабельности предприятия, %;
- б) для оценки эффективности отрасли растениеводства:
- уровень рентабельности производства продукции растениеводства, %;
 - выход зерновых с 1 га посевной площади (урожайность зерновых) ц;
 - выход сои с 1 га посевной площади (урожайность сои), ц;
 - выход картофеля с 1 га посевной площади (урожайность картофеля) ц;
 - выход овощей открытого грунта с 1 га посевной площади (урожайность овощей) ц;
 - себестоимость производства 1 ц зерновых, руб.;
 - себестоимость производства 1 ц сои, руб.;
 - себестоимость производства 1 ц картофеля, руб.;
 - себестоимость производства 1 ц овощей открытого грунта, руб.;
- в) для оценки эффективности отрасли животноводства:
- уровень рентабельности производства продукции животноводства (%);
 - среднегодовой надой молока на одну корову, кг;
 - среднесуточный прирост живой массы крупного рогатого скота, г;
 - среднесуточный прирост живой массы свиней, г;
 - себестоимость производства 1 ц молока, руб.;
 - себестоимость производства 1 ц прироста массы КРС, руб.;
 - себестоимость производства 1 ц прироста массы свиней, руб.
- г) для оценки масштаба деятельности СХО:
- выручка от продажи в целом по хозяйству, тыс. руб.;
 - валовая прибыль в целом по хозяйству, тыс. руб.;
 - среднегодовая численность работников, чел.;
 - среднегодовая стоимость основных фондов, тыс. руб.;
 - площадь сельскохозяйственных угодий, га;
 - площадь пашни, га.
2. Сформировать из генеральной совокупности СХО региона репрезентативные выборки хозяйств с дифференциацией по организационно-правовой форме и с учётом масштаба деятельности:
- а) крупные и средние сельскохозяйственные организации (далее – просто крупные СХО), для которых среднегодовая численность работников превышает 60 чел.;
- б) малые сельскохозяйственные предприятия (со среднегодовой численностью работников не более 60 чел.).

3. Найти средние (как за анализируемый период, так и по группе хозяйств в зависимости от организационно-правовой формы) показатели:

а) экономической эффективности СХО в целом по перечню оценочных показателей (п. 1а методики);

б) эффективности отрасли растениеводства по перечню оценочных показателей (п. 1б методики);

в) эффективности отрасли животноводства по перечню оценочных показателей (п. 1в методики);

г) масштаба деятельности сельскохозяйственного предприятия по перечню оценочных показателей (п. 1 г методики).

4. Найти нормированные оценки (b_n^i) показателей в разрезе организационно-правовых форм:

а) экономической эффективности СХО:

- для крупных сельскохозяйственных организаций;
- для малых сельскохозяйственных организаций;

б) эффективности отрасли растениеводства:

- для крупных СХО;
- для малых СХО;

в) эффективности отрасли животноводства:

- для крупных СХО;
- для малых СХО;

г) масштаба деятельности сельхозпредприятия:

- для крупных СХО;
- для малых СХО.

5. Вычислить рейтинговые оценки групп сельхозпредприятий с дифференциацией по организационно-правовой форме:

а) по экономической эффективности СХО:

- для крупных предприятий;
- для малых предприятий;

б) эффективности отрасли растениеводства:

- для крупных предприятий;
- для малых предприятий;

в) эффективности отрасли животноводства:

- для крупных предприятий;
- для малых предприятий;

г) масштаба деятельности сельхозпредприятия.

6. Вычислить интегральные оценки эффективности сельскохозяйственных организаций различных организационно-правовых форм.

7. Осуществить ранжирование сельскохозяйственных предприятий различных организационно-правовых форм и сформулировать обобщающие выводы об их эффективности на уровне региона.

Предлагаемая методика может использоваться как в полной, так и в сокращённой (блочной) форме (в зависимости от актуальности для предприятия направлений исследований).

Таким образом, разработанная методика аккумулирует в себе общие и частные тенденции, сочетание которых:

а) даёт возможность объективно оценить уровень эффективности СХО (или их совокупности);

б) определить оптимальную для предприятия организационно-правовую форму;

в) разработать стратегию поведения СХО в условиях рыночных форм хозяйствования;

г) сформировать совокупность рекомендаций и предложений по повышению устойчивости как отдельного хозяйства, так и совокупности аграрных товаропроизводителей с тем, чтобы ускорить развитие позитивно направленных структурных сдвигов в сельском хозяйстве региона.

Предлагаемая методика адресована не только руководителям сельскохозяйственных организаций, но и представителям отраслевых региональных управленческих структур.

Для реализации первого блока методики важно установить веса оценочных показателей эффективности СХО региона. Данная задача решена авторами с помощью экспертного метода. (Экспертные оценки были даны высококвалифицированными специалистами в сфере экономики и управления сельским хозяйством Приморского края Дальневосточного региона.) Результаты обработки экспертных листов с вычислением весов показателей размера сельхозпредприятия, его экономической эффективности в целом, а также эффективности отраслей растениеводства и животноводства представлены соответственно в табл. 3.5–3.8.

Таблица 3.5

**Нахождение весов оценочных показателей размера СХО
(посредством экспертного метода)***

Показатель	Балл, поставленный экспертом							Сумма	Вес
Прямые (стоимостные) показатели размера предприятия:									
1) выручка от продажи	2	6	2	1	2	3	5	21	0,138
2) валовая прибыль	1	4	1	2	1	1	4	14	0,092
Косвенные (дополнительные) показатели размера предприятия:									
1) среднегодовая численность работников	5	1	6	3	5	6	2	28	0,184
2) среднегодовая стоимость основных фондов	4	5	3	6	6	5	6	35	0,231
3) площадь сельхозугодий	3	3	5	5	4	4	1	25	0,164
4) площадь пашни	6	2	4	4	3	6	4	29	0,191
Итого	21	21	21	21	21	25	22	152	1,000

* – оценка выполнена по 6-балльной шкале (6 – max).

Веса оценочных показателей будем вычислять по формуле:

$$Вес_{показателя} = \frac{\sum_i B_i^j}{\sum_j \sum_i B_i^j}, \quad (3.1)$$

где B_i^j – балл, поставленный i -м экспертом j -му показателю.

Как следует из таблицы 3.5, согласно экспертным оценкам, наибольшую роль при определении масштаба деятельности сельхозпредприятия имеют такие его показатели, как:

а) среднегодовая стоимость основных производственных фондов (вес составил 0,231);

б) площадь пашни (вес равен 0,191);

в) среднегодовая численность работников (вес показателя – 0,184).

Стоимостные показатели размера хозяйства получили наименьшие весовые оценки (выручка от продажи – 0,138; валовая прибыль – 0,092).

Таблица 3.6

Нахождение весов оценочных показателей экономической эффективности СХО в целом (посредством экспертного метода)*

Показатель	Балл, поставленный экспертом							Сумма	Вес
	1	2	3	4	5	6	7		
Выручка от продажи в расчёте на:									
– 1 га пашни	5	5	3	1	5	7	6	32	0,086
– 1 руб. основных средств (фондоотдача)	4	3	5	2	8	5	3	30	0,081
– одного среднегодового работника	3	3	4	8	7	2	10	37	0,100
– 1 руб. материальных затрат	3	4	8	8	6	8	7	44	0,118
Валовая прибыль в расчёте на:									
– 1 га пашни	7	2	7	3	4	6	5	34	0,091
– 1 руб. основных средств	9	9	6	4	3	4	2	37	0,099
– одного среднегодового работника	8	8	9	10	2	9	9	55	0,148
Среднегодовая стоимость основных фондов в расчёте на:									
– одного среднегодового работника (фондовооруженность)	2	7	1	6	10	3	4	33	0,089
– 100 га сельхозугодий (фондообеспеченность)	1	6	2	5	9	1	1	25	0,067
Уровень рентабельности предприятия	6	1	10	9	1	10	8	45	0,121
Сумма	48	48	55	56	55	55	55	372	1,000

* – оценка выполнена по 10-балльной шкале (10 – max).

В контексте оценки экономической эффективности сельскохозяйственного предприятия в целом пятерка факторов-«лидеров» следующая:

- 1) «валовая прибыль в расчёте на одного работника» (вес показателя равен 0,148);
- 2) «уровень рентабельности предприятия» (0,121);
- 3) «выручка от продажи в расчёте на 1 рубль материальных затрат» (0,118);
- 4) «выручка от продажи в расчёте на одного среднегодового работника» (вес составил 0,1);
- 5) «валовая прибыль в расчёте на 1 руб. основных средств» (вес равен 0,099).

Тройка факторов-«аутсайдеров» включает в себя такие показатели, как:

- 1) «выручка от продажи в расчёте на 1 га пашни» (0,086);
- 2) «фондоотдача» (0,081);
- 3) фондообеспеченность (0,067) (см. табл. 3.7).

Таблица 3.7

Определение весов оценочных показателей эффективности отрасли растениеводства (с помощью экспертного метода)*

Показатель	Балл, поставленный экспертом							Сумма	Вес
Уровень рентабельности производства продукции растениеводства	9	5	9	9	1	9	6	48	0,152
Выход продукции с 1 га посевной площади:									
– зерновых	8	9	8	7	9	6	5	52	0,165
– сои	7	8	7	8	8	7	5	50	0,158
– картофеля	6	7	6	5	7	4	5	40	0,127
– овощей	5	6	5	6	6	2	5	35	0,111
Себестоимость производства 1 ц:									
– зерновых	4	5	4	3	5	5	4	30	0,095
– сои	3	4	3	4	4	8	4	30	0,095
– картофеля	2	3	2	1	3	3	4	18	0,057
– овощей	1	2	1	2	2	1	4	13	0,041
Итого	45	49	45	45	45	45	42	316	1,000

* – оценка выполнена по 9-балльной шкале (9 – max).

Результативность отраслей растениеводства и животноводства, по мнению экспертов, в значительной степени определяется сочетанием показателей технологической эффективности отраслей и рентабельности производства растениеводческой и животноводческой продукции и в меньшей степени – себестоимо-

стью выпуска товарных видов продукции отраслей сельского хозяйства региона (см. табл. 3.7 и 3.8). Здесь обратим внимание на то, что показатели, занимающие последние позиции в весовом оценивании показателей отраслевой эффективности сельскохозяйственных товаропроизводителей, из рассмотрения исключать нельзя ввиду возможности получения некорректных итоговых оценок результативности хозяйств различных организационно-правовых форм.

Таблица 3.8

Определение весов оценочных показателей эффективности отрасли животноводства (с помощью экспертного метода)*

Показатель	Балл, поставленный экспертом							Сумма	Вес
Уровень рентабельности производства продукции животноводства	7	1	7	7	7	7	4	40	0,190
Среднегодовой надой молока на одну корову	1	7	6	6	6	6	7	39	0,186
Среднесуточный прирост живой массы:									
– КРС	2	6	5	5	5	6	6	35	0,167
– свиней	4	5	1	4	4	6	5	29	0,138
Себестоимость 1 ц продукции:									
– молока	6	4	4	3	3	5	3	28	0,133
– прироста массы КРС	5	3	3	2	2	5	3	23	0,110
– прироста массы свиней	3	2	2	1	1	5	2	16	0,076
Итого	28	28	28	28	28	40	30	210	1,000

* – оценка выполнена по 7-балльной шкале (7 – max).

Акцентируем внимание на том, что найденные величины весов показателей эффективности СХО применимы для решения широкого спектра задач по изучению состояния сельского хозяйства региона. В нашем случае данные весовые коэффициенты позволяют пользователю методики переходить непосредственно к её второму блоку, где проводится группировка крупных и малых сельскохозяйственных организаций (СХО) выбранного для анализа региона по организационно-правовой форме и внутри каждой группы строятся репрезентативные выборки из генеральной совокупности.

При этом делается ряд допущений (на самом деле не влияющих или влияющих незначительно на конечные результаты):

1) предполагается, что внешняя экономико-институциональная среда предприятий, включённых в рассмотрение, однородна для всех хозяйств;

- 2) не принимаются во внимание возможные отличия природно-климатических и погодных условий (для сельхозпредприятий, расположенных в различных природно-климатических зонах, но относящихся к одной совокупности);
- 3) возможные технологические и экономические трансформации, обусловленные реорганизацией, в рассмотрении не участвуют;
- 4) полагается без дополнительной проверки, что исключение объекта из анализируемой совокупности из-за отсутствия данных не оказывает существенного влияния на средние по совокупности величины показателей эффективности;
- 5) экономическим анализом охватываются только сельскохозяйственные организации, имеющие статус юридического лица.

Дальнейшие расчёты (в соответствии с методикой анализа эффективности сельхозпредприятий и детализацией её отдельных положений) выполнены на примере Приморского края Дальнего Востока России. Выбор именно этого субъекта Федерации в качестве объекта исследования по нашей методике обусловлен ролью края в обеспечении макрорегиона сельскохозяйственной продукцией (см. подразд. 2.2).

В настоящее время в Приморье среди хозяйств частной формы собственности наибольшее распространение получили такие организационно-правовые формы сельскохозяйственных организаций, как общества с ограниченной ответственностью и сельскохозяйственные производственные кооперативы, доля которых составляет соответственно 62 и 16 % от общего числа СХО в крае.

Объём выборочной совокупности ($n_{\text{все х.-ва}}$) составляет 68 единиц, или 30 % от генеральной совокупности всех сельскохозяйственных организаций, осуществляющих в 2021 г. сельскохозяйственную деятельность в Приморском крае, составляющих 228 хозяйств, в том числе в разрезе группировок СХО по организационно-правовым формам:

- 1) для сельскохозяйственных кооперативов ($n_{\text{СХПК}}$) – 34 % от числа всех приморских СХПК;
- 2) для обществ с ограниченной ответственностью ($n_{\text{ООО}}$) – 23 % от общего количества ООО Приморского края в отрасли;
- 3) для закрытых (непубличных) акционерных обществ ($n_{\text{АО}}$) – 47 % генеральной совокупности АО в сельском хозяйстве края;
- 4) для открытых (публичных) акционерных обществ ($n_{\text{ПАО}}$) – 57 % от численности всех ПАО, функционирующих в сельском хозяйстве региона.

Таким образом, построенные нами выборки хозяйств с группировкой по организационно-правовой форме достаточно представительны; выводы, полученные на основании их изучения, могут быть перенесены на генеральную совокупность без опасения получения искаженных оценок.

На третьем этапе методики для СХО, составляющих выборочные множества, вычисляются величины показателей экономической эффективности и эффективности отраслей растениеводства и животноводства с «усреднением» оценок как внутри каждой из групп, так и по годам.

Все расчёты выполнены средствами электронных таблиц Microsoft Excel на основе данных годовой отчетности о финансово-экономическом состоянии товаропроизводителей агропромышленного комплекса Приморского края (предоставляется хозяйствами в Министерство сельского хозяйства Приморского края.)

Далее выполняется нормирование всех показателей функционирования СХО, найденных на предыдущем этапе.

Нормированные оценки, в отличие от простого балльного ранжирования, позволяют не только установить иерархию характеристических признаков эффективности сельскохозяйственных предприятий, но и сравнить их посредством величин, которые назовем нормированными единицами (н. ед.) или нормированными баллами b_i^n , $b_i^n \in [-1; 1]$.

Расчетная формула для вычисления нормированных величин оцениваемых показателей имеет вид:

$$b_i^n = \begin{cases} \frac{x_i}{\max \{x_i\}}, \text{ если } x_{\text{критериальное}} \rightarrow \max; \\ \frac{1/x_i}{\max \{1/x_i\}}, \text{ если } x_{\text{критериальное}} \rightarrow \min. \end{cases} \quad (3.2)$$

Обратим внимание, что формула (3.1) несколько модифицирована по сравнению с общепринятой за счет добавления варианта, когда критериальное значение показателя ($x_{\text{критериальное}}$) стремится к минимуму. Последнее необходимо, например, при нормировании показателей себестоимости.

Так как разработанная методика предполагает дифференциацию СХО не только по организационно-правовым формам, но и по размеру, то дальнейшие выкладки осуществляем по двум направлениям: для крупных хозяйств (табл. П.Ж.1–4) и для малых (табл. П.Ж.5–8).

В качестве периода рассмотрения возьмем третий этап согласно предложенной авторами в подразд. 1.3 монографии типологизации развития национальной экономики, т.е. 2014–2021 гг.

Выполненное авторами исследование показало, что в среднем за 2014–2021 гг. акционерная форма организации крупного и среднего сельскохозяйственного производства в крае по большинству показателей размера предприятия превалирует над другими организационно-правовыми формами. Так, для публичных акционерных обществ нормированные оценки выручки от продажи, среднегодовой стоимости основных фондов и площади пашни (в расчете на одно хозяйство) максимальные (равные 1 н. ед.). В свою очередь, непубличные АО получили наивысшие баллы по валовой прибыли и среднегодовой численности работников, а также достаточно высокие оценки по выручке от продажи (0,874 н. ед.) и площади сельскохозяйственных угодий и пашни (0,92 н. ед. и 0,836 н. ед.). Отметим также достаточно широкий интервал варьирования валовой прибыли для крупных предприятий в зависимости от их организационно-правовой формы: $R = b_{i, \max}^n - b_{i, \min}^n = 1 - 0,145 = 0,855 \text{ н. ед.}$

Площадь сельскохозяйственных угодий для всех типов хозяйств различается незначительно ($R = 0,205 \text{ н. ед.}$), а колебания остальных показателей масштаба деятельности СХО средние (порядка 0,5 н. ед.). Следовательно, по физическим параметрам крупные хозяйства Приморского края, принадлежащие к различным

организационно-правовым формам, имеют сходственные стартовые условия для сельскохозяйственного производства (табл. П.Ж.1).

Анализируя показатели эффективности использования основных средств, отметим наивысшие нормированные баллы по фондоотдаче, фондообеспеченности и фондовооруженности для акционерной формы предпринимательской деятельности. В нормированном ранжированном ряду рентабельности СХО первое место занимают непубличные АО, последнее (с существенным отрывом, равным 0,839 н. ед.) – ПАО. Нормированные оценки данного показателя экономической эффективности для обществ с ограниченной ответственностью и сельскохозяйственных производственных кооперативов примерно равны: 0,569 н. ед. (для ООО) и 0,496 н. ед. (для СХПК) (табл. П.Ж.2).

Уровень технологической эффективности производства зерновых культур и сои самый высокий в СХПК, овощей – в ООО, картофеля – в ПАО. Урожайность зерна и овощей открытого грунта по категориям приморских товаропроизводителей варьируется незначительно: 0,121 н. ед. для зерновых и 0,101 н. ед. для овощей.

Себестоимость выращивания всех основных в Приморском крае растениеводческих культур самая низкая в сельскохозяйственных кооперативах (соответственно нормированные баллы здесь максимальные), в акционерных обществах – самая высокая (табл. П.Ж.3).

Иерархия сельхозпредприятий различных организационно-правовых форм по уровню рентабельности производства продукции растениеводства такова: первое место – СХПК; второе место – непубличные АО (нормированная оценка показателя составила 0,786 н. ед.); третье место – публичные АО (0,77 н. ед.); четвертое место – ООО (0,709 н. ед.).

Производство животноводческой продукции во всех категориях товаропроизводителей Приморского края в среднем за 2014–2021 гг. было убыточным, но окупаемость затрат ее выпуска в ООО и СХПК выше примерно на 0,1 н. ед. по сравнению с акционерными сельскохозяйственными предприятиями. В ПАО зафиксированы самые низкие за период среднегодовые надои молока (в расчете на одну корову всего 2412,5 кг в год) и среднесуточные привесы живой массы крупного рогатого скота (0,644 г). Лидирующие позиции по технологической эффективности животноводства – у кооперативов и обществ с ограниченной ответственностью. При этом в СХПК, так же как в растениеводстве, наиболее низкие значения себестоимости производства животноводческой продукции (см. табл. П.Ж.4).

Оценивая показатели размера малых приморских сельскохозяйственных предприятий, отметим максимум нормированных величин стоимостных характеристик масштаба деятельности по акционерным обществам: выручки от продажи для непубличных АО и валовой прибыли для публичных АО. При этом непубличные АО в среднем за анализируемый период показали убыток в размере 691 тыс. руб., или -0,671 н. ед. (в расчете на одно хозяйство).

Наибольшая численность работников, занятых в сельскохозяйственном производстве, – в коллективных хозяйствах; количество официально трудоустроенных в малых акционерных обществах обоих типов и в ООО примерно одинаково

(0,712–0,741 н. ед.). По остальным физическим размерным показателям в данной группе хозяйств первые два места делят между собой коллективные хозяйства и непубличные акционерные общества; в этом случае колебания нормированных оценок находятся на уровне 0,1–0,2 н. ед. (см. табл. П.Ж.5).

С точки зрения экономической эффективности предприятия в целом среди СХО малой формы бизнеса в Приморском крае наибольшую приемлемость демонстрируют СХПК. Действительно, сельскохозяйственные кооперативы в среднем за 2014–2021 гг. получили более высокие (по сравнению с другими формами хозяйств) величины выручки от продаж в расчете на одного среднегодового работника и на один рубль материальных затрат, а также фондообеспеченности. Фондовооруженность, валовая прибыль в расчете на 1 га пашни и на одного среднегодового работника меньше максимального уровня соответственно на 0,083 н. ед., 0,015 и 0,036 н. ед. Сельскохозяйственные производственные кооперативы являются рентабельными предприятиями (уровень рентабельности в среднем за период составил 10,3%). Достаточно неплохие показатели экономической эффективности имеют и общества с ограниченной ответственностью. А самыми экономически неэффективными предприятиями являются малые закрытые акционерные общества (см. табл. П.Ж.6).

Анализ показателей технологической эффективности основных отраслей сельского хозяйства для сельхозпредприятий малого размера показал большую адекватность отраслевой специфике обществ с ограниченной ответственностью.

Урожайность сои, картофеля и овощей, обеспеченная ООО в среднем за третий этап, самая высокая среди группировок товаропроизводителей; а выход зерновых культур с 1 га посевной площади всего на 0,007 н. ед. меньше, чем в лидирующих по данному показателю ПАО (см. табл. П.Ж.7).

Общества с ограниченной ответственностью являются «передовиками» по величине надоев молока и приросту живой массы КРС; по приросту массы свиней ООО уступают на 0,229 н. ед. СХПК см. (табл. П.Ж.8).

Сельскохозяйственные кооперативы занимают вторую позицию в ряду эффективности растениеводства и животноводства. При этом ООО и СХПК в современных условиях Приморского края производят сельхозпродукцию с наименьшими издержками, в то время как в малых акционерных обществах себестоимость ее выпуска максимальная. (Отметим, что аналогичные тенденции имеют место и в крупных непубличных и публичных акционерных обществах).

Учет количественно в целостной системе оценки хозяйствующих субъектов в сельском хозяйстве региона значимость показателей, на основе которых изучается в предлагаемой методике эффективность сельскохозяйственных организаций, позволяют весовые коэффициенты, определенные в исследовании ранее. Данные веса показателей эффективности использованы ниже при рейтинговом оценивании экономической эффективности хозяйств в целом и отраслей растениеводства и животноводства.

Расчет средних рейтинговых оценок эффективности для различных организационно-правовых форм сельскохозяйственных организаций и предприятий будем выполнять по формуле:

$$\overline{\text{Оценка}}_{\text{орг. прав. формы}} = \frac{1}{n} \cdot \sum_{i=1}^n \rho_i \cdot b_i^n, \quad (3.3)$$

где n – число оцениваемых показателей эффективности (размера);

ρ_i – вес оценочного показателя эффективности (размера);

b_i^n – нормированная оценка показателя эффективности (размера).

Рейтинговые оценки будем измерять в нормированных весовых единицах (или баллах) $н.ед_{вес}$. Как следует из таблицы 3.9, средние рейтинговые оценки размеров крупных акционерных организаций и обществ с ограниченной ответственностью примерно равны и составляют 0,13–0,14 $н.ед_{вес}$; «масштабный» рейтинг СХПК меньше на 0,01–0,02 $н.ед_{вес}$, чем для ООО и АО. Малые закрытые и открытые аграрные акционерные общества имеют практически одинаковый «размерный» рейтинг, который в среднем на одно предприятие составил соответственно 0,126 и 0,124 $н.ед_{вес}$ (табл. 3.10).

Таблица 3.9

Нахождение рейтинговой оценки размеров крупных СХО Приморского края в разрезе организационно-правовых форм

Показатель	Вес ρ_i	СХПК		ООО		АО		ПАО	
		b_i^n	$\rho_i \cdot b_i^n$	b_i^n	$\rho_i \cdot b_i^n$	b_i^n	$\rho_i \cdot b_i^n$	b_i^n	$\rho_i \cdot b_i^n$
I. Прямые (стоимостные) показатели размера предприятия									
Выручка от продажи	0,138	0,495	0,068	0,698	0,096	0,874	0,121	1,000	0,138
Валовая прибыль	0,092	0,145	0,013	0,258	0,024	1,000	0,092	0,511	0,047
II. Косвенные (дополнительные) показатели размера предприятия									
Среднегодовая численность работников	0,184	0,799	0,147	0,825	0,152	1,000	0,184	0,471	0,087
Среднегодовая стоимость основных фондов	0,231	0,898	0,207	0,906	0,209	0,408	0,094	1,000	0,231
Площадь сельхозугодий	0,164	1,000	0,164	0,795	0,130	0,92	0,151	0,885	0,145
Площадь пашни	0,191	0,557	0,106	0,973	0,186	0,836	0,160	1,000	0,191

Показатель	Вес ρ_i	СХПК		ООО		АО		ПАО	
		b_i^H	$\rho_i \cdot b_i^H$	b_i^H	$\rho_i \cdot b_i^H$	b_i^H	$\rho_i \cdot b_i^H$	b_i^H	$\rho_i \cdot b_i^H$
Суммарная рейтинговая оценка	–	0,707		0,797		0,801		0,839	
Средняя рейтинговая оценка	–	0,118		0,133		0,134		0,140	

Интересно, что средние рейтинговые оценки масштабов деятельности для крупных и малых сельскохозяйственных кооперативов Приморского края различаются незначительно: $0,118 \text{ н.ед.}_{\text{вес}}$ (для крупных СХПК) и $0,117$ (для малых) $\text{н.ед.}_{\text{вес}}$. При этом среди группировок малых хозяйств наиболее высокий рейтинг по размеру имеют колхозы ($0,138 \text{ н.ед.}_{\text{вес}}$), а самый низкий – общества с ограниченной ответственностью ($0,097 \text{ н.ед.}_{\text{вес}}$).

Таблица 3.10

**Нахождение рейтинговой оценки размеров малых СХО Приморского края
в разрезе организационно-правовых форм**

Показатель	Вес ρ_i	СХПК		ООО		ЗАО (АО)		ОАО (ПАО)		Коллективные хозяйства	
		b_i^H	$\rho_i \cdot b_i^H$	b_i^H	$\rho_i \cdot b_i^H$	b_i^H	$\rho_i \cdot b_i^H$	b_i^H	$\rho_i \cdot b_i^H$	b_i^H	$\rho_i \cdot b_i^H$
I. Прямые (стоимостные) показатели размера предприятия:											
Выручка от продажи	0,138	0,779	0,108	0,801	0,111	1,000	0,138	0,850	0,117	0,902	0,124
Валовая прибыль	0,092	0,799	0,074	0,278	0,026	-0,671	-0,062	1,000	0,092	-0,382	-0,035
II. Косвенные (дополнительные) показатели размера предприятия:											
Среднегодовая численность работников	0,184	0,577	0,106	0,712	0,131	0,731	0,135	0,712	0,131	1	0,184
Среднегодовая стоимость основных фондов	0,231	0,682	0,158	0,466	0,108	0,821	0,190	0,622	0,144	1	0,231

Показатель	Вес ρ_i	СХПК		ООО		ЗАО (АО)		ОАО (ПАО)		Коллективные хозяйства	
		b_i^H	$\rho_i \cdot b_i^H$	b_i^H	$\rho_i \cdot b_i^H$	b_i^H	$\rho_i \cdot b_i^H$	b_i^H	$\rho_i \cdot b_i^H$	b_i^H	$\rho_i \cdot b_i^H$
Площадь сельхозугодий	0,164	0,696	0,114	0,514	0,084	1,000	0,164	0,837	0,137	0,949	0,156
Площадь пашни	0,191	0,755	0,144	0,628	0,120	1,000	0,191	0,651	0,124	0,882	0,168
Суммарная рейтинговая оценка	–	0,704		0,580		0,755		0,745		0,828	
Средняя рейтинговая оценка	–	0,117		0,097		0,126		0,124		0,138	

Иерархия экономической эффективности крупных сельскохозяйственных предприятий различных организационно-правовых форм за 2008–2010 гг. по величине средних рейтинговых оценок: первое место – закрытые акционерные общества ($0,066 \text{ н.ед.}_{\text{вес}}$, от которых на $0,003 \text{ н.ед.}_{\text{вес}}$ отстают открытые акционерные общества (второе место), третье и четвертое места (также с незначительным отставанием друг от друга) занимают сельскохозяйственные производственные кооперативы ($0,039 \text{ н.ед.}_{\text{вес}}$) и общества с ограниченной ответственностью ($0,035 \text{ д.р.}_{\text{пач}}$) (табл. 3.11).

Таблица 3.11

Нахождение рейтинговой оценки экономической эффективности крупных СХО Приморского края в разрезе организационно-правовых форм

Показатель	Вес ρ_i	СХПК		ООО		АО		ПАО	
		b_i^H	$\rho_i \cdot b_i^H$	b_i^H	$\rho_i \cdot b_i^H$	b_i^H	$\rho_i \cdot b_i^H$	b_i^H	$\rho_i \cdot b_i^H$
Выручка от продажи:									
– на 1 га пашни	0,086	0,316	0,027	0,175	0,015	0,229	0,020	1,000	0,086
– на 1 руб. основных средств	0,081	0,139	0,011	0,236	0,019	0,835	0,068	1,000	0,081
– на одного среднегодового работника	0,100	0,335	0,034	0,553	0,055	0,378	0,038	1,000	0,100
– на 1 руб. материальных затрат	0,118	0,781	0,092	0,803	0,095	1,000	0,118	0,752	0,089

Показатель	Вес ρ_i	СХПК		ООО		АО		ПАО	
		b_i^H	$\rho_i \cdot b_i^H$	b_i^H	$\rho_i \cdot b_i^H$	b_i^H	$\rho_i \cdot b_i^H$	b_i^H	$\rho_i \cdot b_i^H$
Валовая прибыль:									
– на 1 га пашни	0,091	0,712	0,065	0,389	0,035	1,000	0,091	0,414	0,038
– на 1 руб. основных средств	0,099	0,028	0,03	0,117	0,012	1,000	0,099	0,089	0,009
– на одного среднегодового работника	0,148	0,167	0,025	0,289	0,043	0,775	0,115	1,000	0,148
Среднегодовая стоимость основных фондов:									
– на одного среднегодового работника	0,089	0,128	0,011	0,093	0,008	1,000	0,089	0,182	0,016
– на 100 га сельхозугодий	0,067	1,804	0,121	0,939	0,063	0,358	0,024	1,000	0,067
Уровень рентабельности предприятия, %	0,121	0,496	0,060	0,569	0,069	1,000	0,121	0,161	0,019
Суммарная рейтинговая оценка	–		0,389		0,345		0,661		0,633
Средняя рейтинговая оценка	–		0,039		0,035		0,066		0,063

В современных условиях среди малых СХО Приморского края наибольшую экономическую эффективность (в отличие от крупных сельскохозяйственных организаций) показали сельскохозяйственные кооперативы, для которых рейтинговая оценка эффективности составила $0,077 \text{ н.ед.}_{\text{век}}$. Наименьший рейтинг в группировке хозяйств малого размера по организационно-правовым формам принадлежит непубличным акционерным обществам (равен $0,002 \text{ н.ед.}_{\text{век}}$) (табл. 3.12).

Таблица 3.12

Нахождение рейтинговой оценки экономической эффективности малых сельхозпредприятий Приморского края в разрезе организационно-правовых форм

Показатель	Вес ρ_i	СХПК		ООО		ЗАО (АО)		ОАО (ПАО)		Коллективные хозяйства	
		b_i^H	$\rho_i \cdot b_i^H$	b_i^H	$\rho_i \cdot b_i^H$	b_i^H	$\rho_i \cdot b_i^H$	b_i^H	$\rho_i \cdot b_i^H$	b_i^H	$\rho_i \cdot b_i^H$
Выручка от продажи: – на 1 га пашни	0,086	0,618	0,053	1,000	0,086	0,804	0,069	0,805	0,069	0,725	0,062

Показатель	Вес ρ_i	СХПК		ООО		ЗАО (АО)		ОАО (ПАО)		Коллективные хозяйства	
		b_i^u	$\rho_i \cdot b_i^u$	b_i^u	$\rho_i \cdot b_i^u$	b_i^u	$\rho_i \cdot b_i^u$	b_i^u	$\rho_i \cdot b_i^u$	b_i^u	$\rho_i \cdot b_i^u$
– на 1 руб. основных средств	0,081	0,432	0,035	1,000	0,081	0,273	0,022	0,303	0,025	0,242	0,020
– на одного среднегодового работника	0,100	1,000	0,100	0,898	0,090	0,636	0,064	0,974	0,097	0,590	0,059
– на 1 руб. материальных затрат	0,118	1,000	0,118	0,928	0,110	0,847	0,100	0,928	0,110	0,865	0,102
Валовая прибыль:											
– на 1 га пашни	0,091	0,985	0,090	0,618	0,056	-0,662	-0,060	1,000	0,091	-0,132	-0,012
– на 1 руб. основных средств	0,099	0,729	0,072	0,375	0,037	-0,521	-0,052	1,000	0,099	-0,229	-0,023
– на одного среднегодового работника	0,148	0,964	0,143	0,275	0,041	-0,653	-0,097	1,000	0,148	-0,270	-0,040
Среднегодовая стоимость основных фондов:											
– на одного среднегодового работника	0,089	0,917	0,082	0,554	0,049	1,000	0,089	0,659	0,059	0,708	0,063
– на 100 га сельхозугодий	0,067	0,920	0,062	0,913	0,061	0,830	0,056	0,741	0,050	1,000	0,067
Уровень рентабельности предприятия, %	0,121	0,944	0,114	0,160	0,019	-0,852	-0,103	1,000	0,121	-0,560	-0,068
Суммарная рейтинговая оценка	–	0,769		0,540		0,024		0,772		0,172	
Средняя рейтинговая оценка	–	0,077		0,054		0,002		0,077		0,017	

Рейтинговое оценивание эффективности отрасли растениеводства ставит на первое место в регионе сельскохозяйственные производственные кооперативы,

на второе – общества с ограниченной ответственностью, третье и четвертое места делят непубличные и публичные акционерные общества (табл. 3.13):

$$\overline{Оценка}_{раст-во, СХПК} = 0,107 > \overline{Оценка}_{раст-во, ООО} = 0,092 > \overline{Оценка}_{раст-во, ЗАО, ОАО} = 0,085.$$

Таблица 3.13

Нахождение рейтинговой оценки эффективности растениеводства в крупных СХО Приморского края в разрезе организационно-правовых форм

Показатель	Вес ρ_i	СХПК		ООО		АО		ПАО	
		b_i^H	$\rho_i \cdot b_i^H$	b_i^H	$\rho_i \cdot b_i^H$	b_i^H	$\rho_i \cdot b_i^H$	b_i^H	$\rho_i \cdot b_i^H$
Уровень рентабельности производства продукции растениеводства	0,152	1,000	0,152	0,709	0,108	0,786	0,119	0,770	0,117
Выход продукции с 1 га посевной площади, ц:									
– зерновых	0,165	1,000	0,165	0,960	0,158	0,879	0,145	0,966	0,159
– сои	0,158	1,000	0,158	0,637	0,101	0,376	0,059	0,401	0,063
– картофеля	0,127	0,750	0,095	0,925	0,117	0,957	0,122	1,000	0,127
– овощей	0,111	0,966	0,107	1,000	0,111	0,946	0,105	0,899	0,100
Себестоимость производства 1 ц, руб.:									
– зерновых	0,095	1,000	0,095	0,799	0,076	0,767	0,073	0,717	0,068
– сои	0,095	1,000	0,095	0,657	0,062	0,535	0,051	0,600	0,057
– картофеля	0,057	1,000	0,057	0,985	0,056	0,998	0,057	0,797	0,045
– овощей	0,041	1,000	0,041	0,953	0,039	0,867	0,036	0,750	0,031
Суммарная рейтинговая оценка	–	0,965		0,829		0,767		0,768	
Средняя рейтинговая оценка	–	0,107		0,092		0,085		0,085	

Анализ эффективности растениеводства в малых сельскохозяйственных предприятиях Приморского края отобразил тенденции, сформировавшиеся в данной отрасли для крупного бизнеса: самые эффективные товаропроизводители растениеводческой продукции – это сельскохозяйственные производственные кооперативы и общества с ограниченной ответственностью.

При этом отклонения рейтинговых оценок эффективности растениеводства для всех одноименных группировок СХО (кроме акционерных обществ) с крупными и малыми масштабами предпринимательской деятельности близки к нулю (табл. 3.14):

$$\overline{\text{Оценка}}_{\text{раст-во, крупные}} - \overline{\text{Оценка}}_{\text{раст-во, малые}} = \begin{cases} 0,107 - 0,099 = 0,008 & \text{для СХПК} \\ 0,092 - 0,090 = 0,002 & \text{для ООО} \\ 0,085 - 0,075 = 0,100 & \text{для ЗАО} \\ 0,089 - 0,085 = 0,004 & \text{для ОАО} \end{cases}$$

Таким образом, в крупных сельскохозяйственных организациях Приморского края в настоящее время преимущества масштаба при производстве растениеводческой продукции не реализуются или реализуются слабо.

В выпуске продукции животного происхождения крупными хозяйствами наиболее эффективны сельскохозяйственные производственные кооперативы, а наименее – публичные акционерные общества; у непубличных акционерных обществ и ООО – промежуточные позиции (табл. 3.15):

$$\begin{aligned} \overline{\text{Оценка}}_{\text{жив-во, СХПК}} &= 0,14 > \overline{\text{Оценка}}_{\text{жив-во, ЗАО}} = 0,117 > \\ > \overline{\text{Оценка}}_{\text{жив-во, ООО}} &= 0,11 > \overline{\text{Оценка}}_{\text{жив-во, ОАО}} = 0,1. \end{aligned}$$

Таблица 3.14

Нахождение рейтинговой оценки эффективности растениеводства в малых сельхозпредприятиях Приморского края в разрезе организационно-правовых форм

Показатель	Вес P_i	СХПК		ООО		АО		ПАО		Коллективные хозяйства	
		b_i^H	$\rho_i \cdot b_i^H$	b_i^H	$\rho_i \cdot b_i^H$	b_i^H	$\rho_i \cdot b_i^H$	b_i^H	$\rho_i \cdot b_i^H$	b_i^H	$\rho_i \cdot b_i^H$
Уровень рентабельности производства продукции растениеводства	0,152	1,000	0,152	0,118	0,018	0,176	0,027	0,850	0,129	0,171	0,026
Выход продукции с 1 га посевной площади, ц:											
– зерновых	0,165	0,993	0,164	0,987	0,163	0,776	0,128	1,000	0,165	0,704	0,116
– сои	0,158	0,704	0,111	1,000	0,158	0,806	0,127	0,722	0,114	0,565	0,089
– картофеля	0,127	0,849	0,108	1,000	0,127	0,650	0,083	0,831	0,106	0,853	0,108
– овощей	0,111	0,926	0,103	1,000	0,111	0,815	0,090	0,798	0,089	0,882	0,098
Себестоимость производства 1 ц, руб.:											
– зерновых	0,095	1,000	0,095	0,730	0,069	0,649	0,062	0,513	0,049	0,891	0,085
– сои	0,095	0,965	0,092	1,000	0,095	0,744	0,071	0,824	0,078	0,808	0,077
– картофеля	0,057	0,708	0,040	0,756	0,043	1,000	0,057	0,712	0,041	0,865	0,049
– овощей	0,041	0,742	0,030	0,635	0,026	0,817	0,033	0,755	0,031	1,000	0,742

Окончание табл. 3.14

Показатель	Вес P_i	СХПК		ООО		АО		ПАО		Коллективные хозяйства	
		b_i^H	$\rho_i \cdot b_i^H$	b_i^H	$\rho_i \cdot b_i^H$	b_i^H	$\rho_i \cdot b_i^H$	b_i^H	$\rho_i \cdot b_i^H$	b_i^H	$\rho_i \cdot b_i^H$
Суммарная рейтинговая оценка	–	0,895		0,810		0,678		0,802		0,689	
Средняя рейтинговая оценка	–	0,099		0,090		0,075		0,089		0,077	

Таблица 3.15

Нахождение рейтинговой оценки эффективности отрасли животноводства в крупных СХО Приморского края

Показатель	Вес P_i	СХПК		ООО		АО		ПАО	
		b_i^H	$\rho_i \cdot b_i^H$	b_i^H	$\rho_i \cdot b_i^H$	b_i^H	$K_2^i \geq 1$	b_i^H	$\rho_i \cdot b_i^H$
Окупаемость затрат производства продукции животноводства, %	0,190	0,995	0,189	1,000	0,190	0,924	0,176	0,880	0,167
Среднегодовой надой молока на одну корову, кг	0,186	0,998	0,186	0,854	0,159	1,000	0,186	0,722	0,134
Среднесуточный прирост живой массы, гр.:									
– КРС	0,167	0,888	0,148	1,000	0,167	0,971	0,162	0,644	0,108
– свиней	0,138	1,000	0,138	0,538	0,074	0,687	0,095	0,683	0,094
Себестоимость 1 ц продукции, руб.:									
– молока	0,133	1,000	0,133	0,720	0,096	0,521	0,069	0,544	0,072
– прироста массы КРС	0,110	1,000	0,110	0,491	0,054	0,637	0,070	0,638	0,070
– прироста массы свиней	0,076	1,000	0,076	0,429	0,033	0,754	0,057	0,711	0,054
Суммарная рейтинговая оценка	–	0,980		0,772		0,815		0,700	
Средняя рейтинговая оценка	–	0,140		0,110		0,117		0,100	

Среди группировок малых предприятий по организационно-правовым формам наивысшую величину средней рейтинговой оценки эффективности отрасли

животноводства имеют общества с ограниченной ответственностью (0,138 $н.ед_{век}$). «Нормированный» рейтинг СХПК ниже соответствующей оценки ООО на 0,015 $н.ед_{век}$. Далее (со средним рейтинговым баллом, равным 0,119 $н.ед_{век}$) следуют коллективные хозяйства; замыкающие – непубличные акционерные общества (0,109 $н.ед_{век}$) и ПАО (0,097 $н.ед_{век}$) (табл. 3.16).

Таблица 3.16

Нахождение интегральной рейтинговой оценки эффективности отрасли животноводства в малых СХО Приморского края

Показатель	Вес ρ_i	СХПК		ООО		АО		ПАО		Коллективные хозяйства	
		b_i^H	$\rho_i \cdot b_i^H$	b_i^H	$\rho_i \cdot b_i^H$	b_i^H	$\rho_i \cdot b_i^H$	b_i^H	$\rho_i \cdot b_i^H$	b_i^H	$\rho_i \cdot b_i^H$
Окупаемость затрат производства продукции животноводства, %	0,190	0,938	0,178	1,000	0,190	0,877	0,167	0,756	0,144	0,867	0,165
Среднегодовой надой молока на одну корову, кг	0,186	0,954	0,177	1,000	0,186	0,878	0,163	0,595	0,111	0,995	0,185
Среднесуточный прирост живой массы, г:											
– КРС	0,167	0,599	0,100	1,000	0,167	0,635	0,106	0,381	0,064	0,673	0,112
– свиней	0,138	1,000	0,138	0,774	0,107	0,846	0,117	0,880	0,121	0,801	0,111
Себестоимость 1 ц продукции, руб.:											
– молока	0,133	0,858	0,114	1,000	0,133	0,507	0,067	0,742	0,099	0,929	0,124
– прироста массы КРС	0,110	0,891	0,098	1,000	0,110	0,622	0,068	0,612	0,067	0,777	0,085
– прироста массы свиней	0,076	0,758	0,058	0,979	0,074	1,000	0,076	0,940	0,071	0,673	0,051
Суммарная рейтинговая оценка	–	0,863		0,967		0,764		0,677		0,833	
Средняя рейтинговая оценка	–	0,123		0,138		0,109		0,097		0,119	

Использование преимущественных возможностей и потенциала крупной формы организации производственно-хозяйственной деятельности в животно-

водстве над малым сельхозпроизводством можно отметить в производственных кооперативах:

$$\overline{Оценка}_{СХПК, жив-во, крупные} - \overline{Оценка}_{СХПК, жив-во, малые} = 0,14 - 0,123 = 0,017.$$

Для приморских ООО, напротив, характерна обратная ситуация, т.е. малые предприятия данной организационно-правовой формы показали большую эффективность животноводства, чем крупные ООО:

$$\overline{Оценка}_{ООО, жив-во, крупные} - \overline{Оценка}_{ООО, жив-во, малые} = 0,11 - 0,138 = -0,028.$$

Объединим результаты проведенного по трем направлениям анализа эффективности сельскохозяйственных предприятий (экономической эффективности хозяйства в целом, эффективности отрасли растениеводства и животноводства) посредством единого комплексного показателя, который назовем интегральной рейтинговой оценкой эффективности СХО:

$$P_{эфф.СХО(орг.-прав.формы)} = \sum_{j=1}^m Оценка_{орг.-прав.формы, j}, \quad (3.4)$$

где $P_{эфф.СХО(орг.-прав.формы)}$ – интегральная рейтинговая оценка СХО;

$Оценка_{орг.-прав.формы, j}$ – средняя рейтинговая оценка эффективности СХО по направлению оценивания j ;

m – число направлений оценивания (в нашем случае $m = 3$).

Следовательно, с помощью рейтинговых оценок эффективности СХО возможно корректно сравнивать и ранжировать организационно-правовые формы сельскохозяйственных предприятий исследуемой совокупности по их эффективности (табл. 3.17).

Таблица 3.17

Интегральная оценка эффективности сельскохозяйственных предприятий Приморского края

СХО	Средняя рейтинговая оценка эффективности						Интегральная рейтинговая оценка		Ранг	
	экономической		отрасли растениеводства		отрасли животноводства					
	крупные	малые	крупные	малые	крупные	малые	крупные	малые	крупные	малые
СХПК	0,039	0,077	0,107	0,099	0,140	0,123	0,286	0,299	1	1
ООО	0,035	0,054	0,092	0,090	0,110	0,138	0,237	0,282	4	2
АО	0,066	0,002	0,085	0,075	0,117	0,109	0,268	0,186	2	5
ПАО	0,063	0,077	0,085	0,089	0,100	0,097	0,248	0,263	3	3
Кол. хоз-ва	–	0,017	–	0,077	–	0,119	–	0,213	–	4

Итак, применение методики анализа эффективности СХО к группировкам сельскохозяйственных организаций Приморского края в разрезе их организационно-правовых форм позволяет сделать следующие выводы:

1. В настоящее время в крае среди СХО различной формы организации производственно-хозяйственного процесса наибольшую эффективность своей деятельности показывают крупные и малые сельскохозяйственные производственные кооперативы, интегральные рейтинговые оценки для которых соответственно составили 0,286 и 0,299 весовых нормированных единиц. Авторы аргументированно доказали, что технологическая эффективность растениеводства и животноводства в СХПК – одна из самых высоких по группировке. Таким образом, кооперативная форма организации сельскохозяйственного труда приемлема для агробизнеса любого уровня.

2. Наименьшие величины интегральных рейтинговых оценок эффективности в современных условиях Приморского края получены для крупных ООО (0,237 *н.ед_{век}*) и малых непубличных акционерных обществ (0,186 *н.ед_{век}*).

Предпоследнее место в ранжированном ряду эффективности сельскохозяйственных предприятий различных организационно-правовых форм региона для крупного агробизнеса занимают ПАО. В этой связи обратим внимание на то, что публичные акционерные общества в современном аграрном секторе Приморского края являются самыми масштабными предприятиями, т.е. имеет место отрицательный эффект от масштаба деятельности акционерных хозяйств. Это также свидетельствует о том, что акционерная форма организации сельскохозяйственного труда в условиях Приморья неадекватна отраслевым особенностям, так как и публичные, и непубличные акционерные общества не только показывают низкую результативность в растениеводстве и животноводстве, но и нерационально используют имеющиеся в их распоряжении факторы производства.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследования, выполненные в работе, показали, что формирование и реализация структурной политики регионального развития являются важнейшим условием развития потенциала продовольственной безопасности важнейшего с точки зрения геополитического значения макрорегиона РФ – Дальнего Востока.

Анализ тенденций развития восприятия в обществе и во властных структурах государственной структурной политики в различные периоды развития национального хозяйства (от советского периода до современного) в соответствии с разработанной авторами периодизацией позволяет акцентировать внимание на том, что структурная политика при проецировании на условия Дальнего Востока России получает отличительные черты, обусловленные необходимостью решения геостратегических задач на фоне неудовлетворительной демографической ситуации в макрорегионе. Этим обусловлено включение в совокупность методов воздействия структурной политики на структурные преобразования экономики блока региональных условий Дальнего Востока РФ.

В соответствии с теорией формирования структурной политики регионального развития авторами дана дефиниция структурной политики как управляющего воздействия в большей степени государственных структур в условиях рыночных форм хозяйствования, претерпевающей изменения, обусловленные необходимостью рассмотрения потенциальных структурных изменений на национальном и региональном уровнях, инициированных частным бизнесом (в том числе зарубежным), исходя из тенденций изменения конъюнктуры товарных рынков и создаваемых преференциальных режимов.

Авторы, понимая важность ретроспективного анализа исследуемой проблемы при выявлении причин сложившейся к настоящему времени структурной, преимущественно нерациональной «картины» экономики страны и ее регионов, в рамках монографии представляют авторское видение этапизации структурных изменений, где в качестве критериального показателя используются институциональные преобразования соответствующего периода. При этом ввиду того, что базовой отраслью экономики, непосредственно производящей продукты питания и сельскохозяйственное сырье и тем самым являющейся основой потенциала продовольственной безопасности, является сельское хозяйство, то при построении данной этапизации и характеристики ее этапов особое внимание обращено именно на сельское хозяйство.

Выполненный авторами в монографии анализ структурных показателей производства основных видов сельскохозяйственной продукции в разрезе отраслей (растениеводства и животноводства) российского Дальнего Востока в пост-приватизационный период отражает увеличение роли сельскохозяйственных

организаций при снижении вклада хозяйств населения, что обусловило изменение направленности вектора структурных преобразований с развития малых форм хозяйствования и фермерского сектора на крупные сельскохозяйственные организации и агрохолдинги, реализующие в том числе экспортно-ориентированные инвестиционные проекты. Построенная авторами совокупность моделей (модели влияния структурных сдвигов в сельском хозяйстве на его результативность; модели влияния структурных сдвигов в выпуске сельскохозяйственной продукции на результативность в разрезе групп землепользователей и модели влияния совокупности структурных сдвигов на результативность сельского хозяйства) также подтверждает, что эффективными контрагентами земельных отношений в современных условиях являются сельскохозяйственные предприятия различных организационно-правовых форм.

Однако, признавая наличие позитивных изменений в сельском хозяйстве Дальнего Востока, обусловленных в том числе реализацией политики импортозамещения, авторы считают необходимым отметить, что в целом ситуация в отрасли остается проблематичной, характеризующейся низкими величинами фондоотдачи и производительности труда, все еще значительной зависимостью сельскохозяйственного производства от зарубежных технологий, дефицитом квалифицированных кадров, критической зависимостью макрорегиона по ряду важнейших продовольственных групп от внешних поставок.

Так, оценка уровня продовольственной безопасности Дальнего Востока по авторской системе показателей показала, что для макрорегиона критериальные величины уровня самообеспечения достигаются только для картофеля. При этом за период действия политики импортозамещения названный показатель для мяса и молока, хотя и несколько увеличился, но все же остается стабильно низким. Проведенное авторами социологическое исследование показало слабую степень удовлетворенности жителей региона доступностью продуктами питания. Структурные сдвиги в запасах ресурсов продовольствия характеризуются отрицательной направленностью, что свидетельствует о том, что за 2014–2021 гг. имело место «проедание» запасов продуктов питания в более высоких объемах, чем в досанкционный период.

Авторами разработана методика анализа эффективности сельскохозяйственных организаций, в которой предусмотрено определение весов оценочных показателей эффективности в разрезе отраслей, нормирование оценочных показателей, расчет интегральных рейтинговых оценок эффективности для различных организационно-правовых форм сельскохозяйственных организаций (с дифференциацией по малому и крупному бизнесу). Апробация данной методики на совокупности сельскохозяйственных предприятий юга Дальнего Востока показала следующее:

- среди СХО различной формы организации производственно-хозяйственного процесса наибольшую эффективность своей деятельности имеют крупные и малые сельскохозяйственные производственные кооперативы;
- публичные и непубличные акционерные общества Приморского края показывают низкую результативность в растениеводстве и животноводстве, нерационально используют имеющиеся в их распоряжении факторы производства,

следовательно, акционерная форма организации сельскохозяйственного труда в условиях края неадекватна отраслевым особенностям.

По мнению авторов, успешное решение структурных проблем в АПК Дальнего Востока развитие потенциала продовольственной безопасности макрорегиона должны развиваться с учетом территориально-отраслевой дифференциации сельскохозяйственного производства, сравнительной конкурентоспособности внерегиональных и зарубежных продовольственных рынков и базироваться на усилении роли государства в финансировании структурных преобразований при активном участии частного бизнеса.

Полученные в монографии результаты не являются исчерпывающими, поскольку рассматриваемая проблема сложна и многогранна, а предпосылки и условия ее решения постоянно изменяются. Тем не менее методика анализа эффективности сельскохозяйственных организаций и модели влияния совокупности структурных сдвигов на результативность сельского хозяйства могут быть использованы при разработке приоритетов структурной политики региона и отраслей сельского хозяйства, а также при построении стратегических планов развития конкурентоспособных производств.

В качестве направлений дальнейшего расширения исследований в рамках темы монографии авторы полагают целесообразным рассмотреть вопросы определения стратегических параметров роста сельскохозяйственного производства и его участия в продовольственной безопасности региона и построить прогнозные оценки результатов совершенствования структурной политики развития сельскохозяйственного производства.

В числе ожидаемых положительных эффектов от проведения активной структурной политики развития потенциала продовольственной безопасности Дальнего Востока авторы выделяют потенциальный рост населения макрорегиона, в том числе на малозаселенных приграничных территориях, приведение базовых показателей социально-экономического развития субъектов РФ в составе Дальнего Востока до уровня выше среднероссийского, увеличение доли высокотехнологичных производств в структуре региональных хозяйственных систем.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Абузярова, М.И. Методологические основы структурных сдвигов в экономике / М.И. Абузярова // *Экономические науки*. – 2011. – № 4 (77). – С. 181–185.
2. Анохина, М.Е. Структурные ограничения экономического роста АПК / М.Е. Анохина // *Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований*. – 2016. – № 4-6. – С. 1126–1135.
3. Арцишевский, Л. Проблемы структурной перестройки экономики / Л. Арцишевский, Б. Райзберг // *Экономист*. – 2000. – № 1. – С. 47–52.
4. Бородин, К.Г. Экономическая доступность продовольствия: факторы и методы оценки / К.Г. Бородин // *Экономический журнал ВШЭ*. – 2018. – Т. 22 (4). – С. 563–582.
5. Воздействие мирового кризиса на стратегию пространственного социально-экономического развития Российской Федерации / А.Г. Гранберг, Н.Н. Михеева, Ю.С. Ершов [и др.] // *Регион: Экономика и Социология*. – 2009. – № 4. – С. 69–101.
6. Гончаров, А.Ю. Проблема структурного управления сбалансированным социально-экономическим развитием региона / А.Ю. Гончаров // *Экономика и предпринимательство*. – 2016. – № 8 (73). – С. 200–204.
7. Гончаров, А.Ю. Структурное управление развитием региона / А.Ю. Гончаров. – Воронеж: Воронежский государственный педагогический университет, 2016. – 297 с.
8. Гринберг, Р. Российская структурная политика: между неизбежностью и неизвестностью / Р. Гринберг // *Вопросы экономики*. – 2008. – № 3. – С. 56–63. – DOI 10.32609/0042-8736-2008-3-56-63.
9. Гринберг, Р.С. Структурная политика – безальтернативное средство модернизации российской экономики / Р.С. Гринберг // *Экономика региона*. – 2007. – № 3 (11). – С. 9–18.
10. Губанов, С. Системный выбор России (к итогам 2006 г.) / С. Губанов // *Экономист*. – 2007. – № 4. – С. 3–22.
11. Гудкова, Е.В. Технологическая платформа Дальнего Востока России: сценарный вариант интеграции со странами Восточной Азии / Е.В. Гудкова // *Проблемы современной экономики*. – 2017. – № 2 (62). – С. 157–163.
12. Жуйков, В.И. Факторы, обуславливающие изменение типов аграрных структур при систематизации сельских территорий Кировской области и Удмуртской Республики / В.И. Жуйков, Е.В. Софьина // *Экономика сельского хозяйства России*. – 2021. – № 8. – С. 86–94.

13. Жуплей, И.В. Моделирование структурных сдвигов продовольственного комплекса в контексте построения системы планирования на мезоуровне / И.В. Жуплей // Вестник ИНЖЭКОНа. Серия: Экономика. – 2012. – № 1. – С. 182–187.
14. Жуплей, И.В. Оценка структурных изменений в агропроизводстве Дальнего Востока России в условиях импортозамещения / И.В. Жуплей // Вестник евразийской науки. – 2020. – Т. 12, № 6. – С. 54. – DOI 10.15862/75ECVN620.
15. Жуплей, И.В. Оценка эффективности структурных сдвигов в сельском хозяйстве Дальневосточного региона Российской Федерации / И.В. Жуплей, Ю.Д. Шмидт // Вестник Тихоокеанского государственного экономического университета. – 2011. – № 3 (59). – С. 60–71.
16. Жуплей, И.В. Проблемы обоснования эффективной структурной политики в региональном агропромышленном производстве / И.В. Жуплей // Вызовы современности и стратегия развития аграрной экономики: материалы международной научно-практической конференции. – Орел: Орловский государственный аграрный университет имени Н.В. Парахина, 2022. – С. 468–475.
17. Жуплей, И.В. Эволюция теоретических представлений и фундаментальных оснований формирования структурной политики / И.В. Жуплей // Теория и практика современной науки: материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 85-летию Дальневосточного государственного университета путей сообщения, Южно-Сахалинск, 21 декабря 2022 года. – Москва: ООО «Издательство "Спутник+"», 2022. – С. 441–446.
18. Жуплей, И.В. Эффективное развитие региональной аграрной структуры в контексте решения проблемы продовольственной безопасности России / И.В. Жуплей // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2013. – № 3 (119). – С. 175–180.
19. Заусаев, В.К. Территории опережающего социально-экономического развития – новая модель роста Дальнего Востока / В.К. Заусаев, В.П. Бежина, Н.А. Кручак // Россия: тенденции и перспективы развития / Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук; отв. ред. В.И. Герасимов. Вып. 13. Ч. 1. – Москва: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2018. – С. 943–947.
20. Ивантер, В.В. Структурно-инвестиционная политика / В.В. Ивантер // Экономические стратегии. – 2017. – Т. 19, № 4 (146). – С. 22–27.
21. Изотов, Д.А. Дальний Восток: новации в государственной политике / Д.А. Изотов // ЭКО. – 2017. – № 4 (514). – С. 27–44.
22. Казинец, Л.С. Темпы роста и структурные сдвиги в экономике / Л.С. Казинец. – Москва: Экономика, 1981. – 184 с.
23. Канторович, Л. В. Математико-экономические работы / Л. В. Канторович. – Новосибирск: Наука, 2011. – 760 с. – URL: <http://old.math.nsc.ru/LBRT/g2/english/ssk/selecta.pdf>
24. Келеш, Ю.В. Социально-экономическая система региона: структурные особенности и структурное управление / Ю.В. Келеш, Е.А. Бессонова // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. – 2017. – Т. 7, № 4 (25). – С. 83–90.

25. Кенэ, Ф. Избранные экономические произведения / Ф. Кенэ. – Москва: Изд-во Социально-экономической литературы, 1960. – 552 с. – URL: <https://disk.yandex.ru/i/vRdsGJI4wcF80w>
26. Кларк, Дж. Б. Распределение богатства / Дж.Б. Кларк. – Москва: Гелиос АРВ, 2000. – 367 с. – URL: https://viewer.rusneb.ru/ru/000199_000009_009298328?page=9&rotate=0&theme=white.
27. Климанов, В.В. Особенности стратегического планирования развития Дальнего Востока России на федеральном уровне / В.В. Климанов, С.М. Казакова // Региональные исследования. – 2022. – № 1 (75). – С. 68–79. – DOI 10.5922/1994-5280-2022-1-6.
28. Климович, М.А. Методология исследования сущности и факторов структурных сдвигов в концепциях научных школ / М.А. Климович, М.А. Гасанов // Экономика и управление инновациями. – 2019. – № 2. – С. 8–17. – DOI 10.26730/2587-5574-2019-2-8-17.
29. Красильников, О. Проблемы структурных преобразований в экономике / О. Красильников // Экономист. – 2001. – № 8. – С. 52–58.
30. Красильников, О.Ю. Взаимосвязь структурных сдвигов и экономического развития России / О.Ю. Красильников // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. – 2017. – Т. 17, № 2. – С. 127–133. – DOI 10.18500/1994-2540-2017-17-2-127-133.
31. Красильников, О.Ю. Структурные сдвиги в экономике: теория и методология / О.Ю. Красильников. – Саратов: Научная книга, 1999. – 74 с.
32. Латкин, А.П. Дальневосточный регион: перспективы инновационного прорыва / А.П. Латкин, Е.В. Харченкова // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. – 2019. – Т. 11, № 1. – С. 6–16. – DOI 10.24866/VVSU/2073-3984/2019-1/006-016.
33. Латкин, А.П. К вопросу о реальности выполнения национального проекта формирования территорий комфортной жизни в Дальневосточном регионе / А.П. Латкин, А.А. Гришан // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. – 2021. – Т. 13, № 4. – С. 7–20.
34. Латкин, А.П. Проблемы обеспечения продовольственной безопасности Дальнего Востока в условиях объявленных России санкций / А.П. Латкин, И.В. Жуплей, С.В. Кузьмина // Экономика и предпринимательство. – 2022. – № 10 (147). – С. 483–487. – DOI 10.34925/EIP.2022.147.10.091.
35. Латкин, А.П. Сравнительный анализ тенденций изменения цен на сельскохозяйственные продукты в России и КНР / А.П. Латкин, Х. Вэй // Социально-экономическое развитие хозяйствующих субъектов, отраслей, регионов: проблемы и перспективы: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, Рязань, Владивосток, 25 апреля 2019 года. – Рязань, Владивосток: Академия ФСИН России, 2019. – С. 85–92.
36. Латкин, А.П. Теоретико-прикладные аспекты исследования структурной политики в экономическом развитии макрорегиона / А.П. Латкин, И.В. Жуплей, С.В. Кузьмина // Вестник евразийской науки. – 2022. – Т. 14, № 6.

37. Латкин, А.П. Теория и практика инновационно-ориентированного развития территорий особого экономического статуса / А.П. Латкин, Е.В. Харченкова. – Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2021. – 132 с.
38. Леонов, С.Н. Опыт реализации концепции полюсов роста в развитии Дальнего Востока России / С.Н. Леонов // Регионалистика. – 2019. – Т. 6, № 6. – С. 88–101. – DOI 10.14530/reg.2019.6.88.
39. Леонов, С.Н. Преференциальные режимы созданных локальных точек роста и их влияние на экономику Дальнего Востока / С.Н. Леонов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2020. – Т. 13, № 3. – С. 28–45. – DOI 10.15838/esc.2020.3.69.3.
40. Леонов, С.Н. Закономерности и особенности реализации селективной региональной поддержки зарубежных стран / С.Н. Леонов, О.В. Сидоренко // Пространственная экономика. – 2011. – № 1. – С. 67–80.
41. Леонтьев, В.В. Избранные произведения в 3 т. Т.1.: Общеэкономические проблемы межотраслевого анализа / В.В. Леонтьев. – Москва: Экономика, 2006. – 407 с.
42. Маркс, К. Сочинения. 2-е изд. Т. 23 / К. Маркс, Ф. Энгельс. – 2-е изд. – Москва: Политиздат, 1960. – 920 с. – URL: <https://www.marxists.org/russkij/marx/cw/t23.pdf>.
43. Маршалл, А. Принципы экономической науки / А. Маршалл. – Москва: Прогресс, 1993. Т. 2. – 310 с.
44. Маськов, С.А. Элементы стратегии структурных преобразований в экономике региона / С.А. Маськов // Киберленинка. – 2018. – № 6 (29). – С. 52–55.
45. Минакир, П.А. «Восточная государственная социально-экономическая политика»: миссия (не)выполнима? / П.А. Минакир // Пространственная экономика. – 2021. – Т. 17, № 2. – С. 7–15. – DOI 10.14530/se.2021.2.007-015.
46. Минакир, П.А. Тернистый путь на восток: прорывы, оборачивающиеся тупиками / П.А. Минакир // Пространственная экономика. – 2022. – Т. 18, № 3. – С. 7–16. – DOI 10.14530/se.2022.3.007-016.
47. Мироедов, А.А. Статистические показатели для оценки уровня развития региональных социально-экономических систем / А.А. Мироедов, А.А. Чуб // Вопросы статистики. – 2007. – № 9. – С. 80–83.
48. Михеева, М.Н. Структурные факторы региональной динамики: измерение и оценка / М.Н. Михеева // Пространственная Экономика. – 2013. – № 1. – С. 11–32.
49. О комплексном развитии производительных сил Дальневосточного экономического района, Бурятской АССР и Читинской области на период до 2000 года. – Текст: электронный. – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=8315#zkoMdXTmXyNSXyu11>
50. Об утверждении концепции демографической политики Дальнего Востока. – URL: <http://government.ru/docs/28228/>
51. Об утверждении Концепции развития приграничных территорий субъектов Российской Федерации, входящих в состав Дальневосточного федерального округа] (с изменениями на 16 июня 2022 года. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/420313859>

52. Об утверждении Национальной программы социально-экономического развития Дальнего Востока на период до 2024 года. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/565853199>
53. Основные принципы организации крестьянского хозяйства. – URL: <https://istmat.org/node/21907>
54. Основы структурно-инвестиционной политики в современных российских условиях / В.В. Ивантер, Б.Н. Порфирьев, А.А. Широ, И.Н. Шокин // Финансы: теория и практика. – 2017. – Т. 21, № 1 (97). – С. 6–15.
55. Оценка эффективности сдвигов в структурах основных средств и материальных ресурсов сельскохозяйственных организаций Тверской области / Ю.И. Шмидт, О.С. Орлова, Е.В. Егорова, Е.Н. Ястребова // Экономика и предпринимательство. – 2020. – № 1(114). – С. 838-843.
56. Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2018 года: Постановление Правительства РФ от 15 апреля 1996 г. № 480 «Об утверждении федеральной целевой программы» (с изменениями и дополнениями). – URL: <https://base.garant.ru/1519225/>
57. Потенко, Т.А. О потенциале импортозамещения продукции сельского хозяйства на Дальнем Востоке России и аграрной политике региона / Т.А. Потенко, И.В. Жуплей, Ю.И. Шмидт // Экономика и предпринимательство. – 2020. – № 6 (119). – С. 352–356. – DOI 10.34925/EIP.2020.119.6.073.
58. Потребление основных продуктов питания населением Российской Федерации. – URL: <https://www.gks.ru/compendium/document/13278>.
59. Приоритеты социально-экономического развития сельских территорий в условиях глобальных вызовов / З.В. Брагина, Т.М. Василькова, Н.Н. Горбина [и др.]. – Москва: ИНФРА-М, 2022. – 198 с. – (Научная мысль). – DOI 10.12737/1870593. – EDN NVUAWV.
60. Проблемы и перспективы отрасли растениеводства в Дальневосточном федеральном округе / Л.В. Ким, А.В. Вдовенко, А.А. Назарова, Е.В. Емельянова // Дальневосточный аграрный вестник. – 2019. – № 3 (51). – С. 19–26. – DOI 10.24411/1999-6837-2019-13031
61. Регионы России. Социально-экономические показатели: стат. сб. / Росстат. [сайт]. – URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204>.
62. Реймер, В. Тенденции развития аграрного сектора экономики Дальнего Востока России / В. Реймер, Н. Манаков, С. Саидмуродов // Международный сельскохозяйственный журнал. – 2016. – № 1. – С. 10–13.
63. Селименков, Р.Ю. Пути ускорения прогрессивных структурных сдвигов в лесном комплексе региона / Р. Ю. Селименков // Проблемы развития территории. – 2009. – № 1 (47). – С. 31–39.
64. Сериков, С.Г. Специфика пространственно-структурных изменений и эффективность новых инструментов экономического развития российского Дальнего Востока / С.Г. Сериков // Региональные проблемы преобразования экономики. – 2018. – № 4 (90). – С. 36–45.
65. Стратегии устойчивого развития: экономические, юридические и социальные аспекты / А.И. Сайфуллин, А.Ю. Межова, А.В. Васильев [и др.]; Казанский кооперативный институт (филиал) АНОО ВО ЦС РФ «Российский универ-

ситет кооперации». – Чебоксары: ООО «Издательский дом «Среда», 2022. – 172 с. – DOI 10.31483/a-10369.

66. Структурная политика в России: новые условия и возможная повестка: тез. докл. на XIX апр. междунар. науч. конф. «По проблемам развития экономики и общества». Москва, 10–13 апр. 2018 г. / Ю.В. Симачев, Н.В. Акиндинова, А.А. Яковлев и др.; науч. рук. Е.Г. Ясин; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – Москва: Изд. дом Высшей школы экономики, 2018. – 32 с.

67. Структурные изменения в российской экономике и структурная политика: аналитический доклад / Ю. Симачев, Н. Акиндинова, А. Яковлев [и др.]. – Москва: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2018. – 252 с.

68. Сухарев, О.С. Структурная политика в экономике России: условия формирования / О.С. Сухарев // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2014. – № 3 (240). – С. 2–8.

69. Сухарев, О.С. Теория дисфункций: проблема управления и уточнение целей макроэкономического развития / О.С. Сухарев // Вестник Института экономики Российской академии наук. – 2020. – № 1. – С. 95–112. – DOI 10.24411/2073-6487-2020-10005.

70. Сухарев, О.С. Технологический дуализм российской экономики и Структурная политика новой модели ее роста / О.С. Сухарев // Вестник Института экономики Российской академии наук. – 2023. – № 1. – С. 75–89. – DOI 10.52180/2073-6487_2023_1_75_89.

71. Сухарев, О.С. Управление макроэкономическим развитием: структурный подход и обратные связи / О.С. Сухарев // Наука и искусство управления / Вестник Института экономики, управления и права Российского государственного гуманитарного университета. – 2021. – № 1. – С. 10–28.

72. Сухомиров, Г.И. Рисоводство на Дальнем Востоке России: развитие, проблемы, перспективы / Г.И. Сухомиров // Регионалистика. – 2018. – Т. 5, № 5. – С. 45–57. – DOI 10.14530/reg.2018.5.45.

73. Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 21.01.2020 г. № 20. – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/73338425/>.

74. Ушачев, И.Г. Новая доктрина продовольственной безопасности и меры по реализации ее основных положений / И.Г. Ушачев, В.С. Чекалин // АПК: экономика, управление. – 2020. – № 4. – С. 4–12.

75. Ушачев, И. Аграрный сектор России в условиях международных санкций и эмбарго: вызовы и перспективы / И. Ушачев // АПК: экономика, управление. – 2015. – № 5. – С. 9–22.

76. Ушачев, И. Стратегические подходы к развитию АПК России в контексте межгосударственной интеграции / И. Ушачев // АПК: экономика, управление. – 2015. – № 1. – С. 3–16.

77. О личном подсобном хозяйстве: Федеральный закон от 07.07.2003 № 112-ФЗ (последняя редакция). – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_43127/

78. О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации: Федеральный закон от 29.12.2014 № 473-ФЗ. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_172962/

79. Об особенностях предоставления гражданам земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности и расположенных на территориях субъектов Российской Федерации, входящих в состав Дальневосточного федерального округа, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 01.05.2016 № 119-ФЗ. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View-0001201605020007>

80. Чайнов, А.В. Крестьянское хозяйство: Избранные труды. / А.В. Чайнов. редкол. сер.: Л.И. Абалкин (пред.) и др. – Москва: Экономика, 1989. – 492 с.

81. Шмидт, Ю.Д. Структурные изменения в пищевой промышленности Приморского края / Ю.Д. Шмидт, Э. Гу // Российское предпринимательство. 2017. – Т. 18, № 7. – С. 1177–1192.

82. Шмидт, Ю.Д. Организационно-экономические основы формирования и развития регионального продовольственного рынка: монография / Ю.Д. Шмидт, И.В. Жуплей. – Владивосток: Изд-во ТГЭУ, 2011. – 260 с.

83. Шмидт, Ю.И. Методика оценки эффективности структуры и структурных сдвигов в аграрном секторе экономики / Ю.И. Шмидт // Экономика и предпринимательство, 2015. – № 3 (56). – С. 483–486.

84. Шутьков, А. Повысить уровень продовольственной безопасности / А. Шутьков // Экономика сельского хозяйства России. – 2008. – № 4. – С. 29–33.

85. Экономика Дальневосточного региона: перспективы развития и территориально-отраслевые особенности / И.В. Жуплей, Н.А. Третьяк, В.А. Лотокова [и др.]; Дальневосточный федеральный университет. – Владивосток: Изд. Дальневост. фед. ун-та, 2013. – 166 с.

86. Эльдиева, Т. Системные проблемы аграрного реформирования в России / Т. Эльдиева // Экономика сельского хозяйства России. – 2011. – № 7. – С. 75–86.

87. Якишин, Ю.В. Управление структурой экономики региона: теоретические положения и практические рекомендации: монография / Ю.В. Якишин. – Санкт-Петербург: Лигр, 2019. – 456 с.

88. Яременко, Ю.В. Структурные изменения в социалистической экономике / Ю.В. Яременко. – Москва: Издательство Мысль, 1981. – 304 с.

89. Actual Problems of State Support of Entrepreneurship in the Agro-Industrial Complex of the Far East / A. Latkin, D. Mukhina, O. Fedoreeva, E. Saveleva // Fundamental and Applied Scientific Research in the Development of Agriculture in the Far East: Agricultural Innovation Systems, Vol. 1, Volozhenin. – Ussuriysk: Springer, 2022. – P. 376–385. – DOI 10.1007/978-3-030-91402-8_43.

90. Agricultural policy and import substitution opportunities in the Russian Far East / T.A. Potenko, I.V. Zhupley, Y.I. Schmidt, L.P. Kvashko // IOP Conference Series: Earth and Environmental Science: III International Scientific Conference: AGRITECH-III-2020: Agribusiness, Environmental Engineering and Bio-

technologies / Krasnoyarsk Science and Technology City Hall of the Russian Union of Scientific and Engineering Associations. Vol. 548. – Volgograd, Krasnoyarsk: Institute of Physics and IOP Publishing Limited, 2020. – P. 22011. – DOI 10.1088/1755-1315/548/2/022011.

91. Boyer, P. L'economiste face aux innovations qui font époque: Les relations entre histoire et théorie / P. Boyer // *Rev. econ. – P.*, 2001. – Vol. 52, № 5. – P. 1065–1115.

92. Chinese Technology Transfer to Local Farmers in the Russian Far East / B.F. Yi, R.T. Gudaj, V. Arefieva [et al.] // *American Journal of Economics and Sociology.* – 2020. – Vol. 79, No. 5. – P. 1483–1509. – DOI 10.1111/ajes.12364.

93. Esteban, J. Regional convergence in Europa and the industry mix: a shift-share analysis / J. Esteban // *Regional Science and Urban Economics.* – 2000. – № 30 (3). – P. 353–364.

94. Gubarkov, S.V. Food Independence as Key Component of Food Security of the Far Eastern Federal District / S.V. Gubarkov, I. V. Zhupley, N. A. Tretyak // *IOP Conference Series: Earth and Environmental Science: International science and technology conference "Earth science"*, Vladivostok, Russian Federation. Vol. 666 (2). – Vladivostok, Russian Federation: IOP Publishing Ltd, 2021. – P. 052042. – DOI 10.1088/1755-1315/666/5/052042.

95. Herzog, H.W. Shift-share Analysis Revisited: The allocation effect and the stability of regional structure, a reply / H.W. Herzog, R.J. Olsen // *Journal of Regional Science.* – 1979. – № 19. – P. 393–395.

96. Kahrl, F. Growth and Structural change in China's energy economy / F. Kahrl, D. Roland-Horst. // *ELSEVIER. Energy*.xxx (2009). – URL: https://are.berkeley.edu/~dwrh/Docs/egy_2325.pdf

97. Knudsen, D. C. Shift Share Analysis: further examination of models for description of economic change / D.C. Knudsen // *Socio-Economic Planning Science.* – 2000. – № 34 (3). – P. 177–198.

98. Mankiw, G.W. A contribution to empirics of economic growth / G.W. Mankiw, D. Romer, D.N. Weil // *The Quarterly Journal of Economics.* – 1999. – Vol. 2. – Pp. 407–437.

99. Parshukov, D.V. Study of structural shifts in food consumption in the Russian Federation for the period 2013–2017 / D.V. Parshukov, Z.E., Shaporova, D.V. Hodos // *IOP Conf. Ser.: Earth Environ. Sci.* – 2029. – Vol. 315. – P. 022079.

100. Structural shifts and reform of the agrarian sector of the Russian economy under the conditions of the import substitution policy / I.V. Zhupley, S.V. Gubarkov, N.A. Tretyak [et al.] // *Space and Culture, India.* – 2018. – Vol. 6, No. 4. – P. 25–35. – DOI 10.20896/saci.v6i4.385.

101. Van der Linden, J.A. The Determinants of Structural Change in the European Union: A New Application of RAS. / J.A. Van der Linden, E. Dietzenbacher // *Environment and Planning A: Economy and Space*, 2000. – № 32 (12). – Pp. 2205–2229. <https://doi.org/10.1068/a32105>

102. Zhang, D. Research on grain production efficiency in China's main grain-producing areas from the perspective of grain subsidy / D. Zhang, H. Wang, S. Lou // *Environmental Technology & Innovation*. – 2021. – № 22. – Pp. 101530.

103. Zhuplei, I. V. Analysis of Structural Changes in Food Accessibility Assurance in Russia and Its Macroregions Through Food Security / I.V. Zhuplei, Yu.I. Shmidt, N.A. Tretyak // *IOP Conference Series: Earth and Environmental Science: International science and technology conference "Earth science"*, Vladivostok, Russian Federation, 08–10 декабря 2020 года. Vol. 666 (2). – Vladivostok, Russian Federation: IOP Publishing Ltd, 2021. – P. 052028.

104. Zhuplei, I.V. The mechanism of regulation of agriculture in the formation of a sustainable food system of Russia / I.V. Zhuplei, Yu.I. Schmidt, E.P. Zadvorneva // *IOP Conference Series: Earth and Environmental Science*. – Krasnoyarsk: IOP Publishing Ltd, 2022. – P. 022023. – DOI 10.1088/1755-1315/981/2/022023.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение А

Таблица П.А.1

Структура производства картофеля по категориям землепользователей России и Дальнего Востока (в % от общего объёма производства)

Территория	2001 г.	В среднем за годы						2019 г.	2020 г.	2021 г.	В среднем за годы	
		2001–2003	2004–2006	2007–2009	2010–2013	2014–2015	2016–2018				2001–2013	2014–2021
Сельскохозяйственные организации												
Россия	6,3	5,8	8,1	11,5	11,9	12,9	19,2	21,0	20,9	21,0	10,4	19,0
Дальний Восток	6,5	6,4	7	7,7	7,4	6,1	9,5	9,7	10,1	10,2	7,2	9,1
Республика Саха (Якутия)	17,6	15,7	13,6	10,7	11,7	9,5	9,6	6,2	4,7	5,0	12,4	7,0
Приморский край	4,5	4,5	5,5	8,4	8,1	6,1	7,6	7,9	10,5	11,0	7,3	8,6
Хабаровский край	3,7	5,2	5,5	7,3	3,1	3,4	3,7	2,7	3,1	3,3	4,3	3,2
Амурская область	2,4	2,2	2	1,7	2,6	1,7	1,8	1,3	0,7	0,8	2,3	1,2
Камчатский край	11,8	11,3	15,1	18,8	17,5	18,2	19,5	18,0	18,7	19,0	16,4	18,7
Магаданская область	17,1	8,5	13,5	11,5	11,2	7,6	15,3	12,9	17,7	18,0	11,2	14,3
Сахалинская область	22,4	21,7	25,6	24,8	26,7	24,6	43,9	46,6	46,8	47,0	25,5	41,8
Еврейская АО	4,7	5,3	3,2	1,9	1,7	0,4	1,5	–	0,1	0,1	2,5	0,5
Крестьянские (фермерские) хозяйства												
Россия	1,2	1,3	2,9	5,1	6,9	8,0	12,0	13,3	13,9	14,0	5,3	12,2
Дальний Восток	3,4	3,5	5,3	6,2	7,3	8,0	13,4	12,8	12,4	12,6	6,3	11,9
Республика Саха (Якутия)	13,9	14,6	15,3	12,3	17,3	20,2	25,5	24,6	23,2	23,7	16,8	23,4
Приморский край	3,2	2,8	3,8	6	7,2	7,3	10,9	14,1	16,3	16,0	5,9	12,9
Хабаровский край	1,5	1,7	1,9	1,8	1,6	1,8	5,4	4,9	3,1	3,3	1,7	3,7

Территория	2001 г.	В среднем за годы						2019 г.	2020 г.	2021 г.	В среднем за годы	
		2001–2003	2004–2006	2007–2009	2010–2013	2014–2015	2016–2018				2001–2013	2014–2021
Амурская область	2	1,5	4,4	5	7,1	7,2	12,8	15,6	12,6	13,2	5,6	12,3
Камчатский край	3,4	4,3	10	13,5	11,3	17,1	24,1	25,1	24,2	25,0	10,4	23,1
Магаданская область	6,1	15,9	14,3	19,4	18,7	21,1	52,0	38,2	51,4	51,2	17,8	42,8
Сахалинская область	4,8	6,3	7,4	6,4	7,6	12,1	22,5	23,8	25,7	26,0	7,2	22,0
Еврейская АО	6,6	7,1	8,6	12,3	11,8	11,7	16,5	5,4	7,9	8,0	10,7	9,9
Хозяйства населения												
Россия	92,5	92,8	89	83,4	81,2	79,0	68,8	65,7	65,2	65,0	84,3	68,7
Дальний Восток	90,1	90,1	87,8	86,1	85,4	85,8	77,1	77,5	77,5	77,2	86,5	79,0
Республика Саха (Якутия)	68,6	69,7	71	77	71,1	70,3	64,9	69,2	72,1	71,3	71,7	69,6
Приморский край	92,3	92,8	90,7	85,6	84,7	86,5	81,4	78,0	73,2	73,0	86,8	78,4
Хабаровский край	94,9	93,1	92,6	91	95,4	94,7	90,9	92,4	93,8	93,4	94	93,0
Амурская область	95,6	96,3	93,6	93,2	90,3	91,1	85,5	83,1	86,7	86,0	92,1	86,5
Камчатский край	84,9	84,4	74,9	67,7	71,4	64,6	56,4	56,9	57,0	56,0	73,2	58,2
Магаданская область	76,8	75,6	72,2	69,1	70,3	68,3	32,8	48,9	30,9	30,8	71,2	42,3
Сахалинская область	72,8	72	67	68,8	65,7	63,3	33,6	29,6	27,5	27,0	67,2	36,2
Еврейская АО	88,8	87,6	88,2	85,8	86,5	87,9	82,0	94,6	92,0	91,9	86,8	89,7

Примечание: составлено и рассчитано по [61].

**Структура производства овощей по категориям землепользователей
России и Дальнего Востока (в % от общего объёма производства)**

Территория	2001 г.	В среднем за годы						2019 г.	2020 г.	2021 г.	В среднем за годы	
		2001–2003	2004–2006	2007–2009	2010–2013	2014–2015	2016–2018				2001–2013	2014–2021
		Сельскохозяйственные организации										
Россия	17,8	16,8	17,9	18,8	17,6	17,2	25,0	28,1	28,5	29	17,7	25,6
Дальний Восток	13,9	12,9	15,4	16,9	20,1	18,2	21,7	22,4	22,1	22,3	17,9	21,3
Республика Саха (Якутия)	18,1	18,8	13,1	13,7	11,3	7,9	10,8	9,6	7,4	8,0	12,9	8,7
Приморский край	16,7	14,7	20,7	23,9	31,6	27,9	27,3	25,3	22,1	23,1	26,5	25,1
Хабаровский край	7,3	7,1	7,7	6,9	3,4	5,5	6,8	7,3	8,3	8	5,0	7,2
Амурская область	7,7	8,3	7,2	4,8	5,4	3,9	8,1	8,7	9,3	9	6,0	7,8
Камчатский край	12,4	12,6	17,4	21,6	22,0	28,4	33,4	32,2	33	33	19,9	32,0
Магаданская обл.	28,1	22,8	8,6	3,0	3,4	2,4	3,3	3,6	4,3	4	6,9	3,5
Сахалинская обл.	36,8	33,8	36,6	44,4	39,0	37,7	53,4	61,7	62,7	62	38,7	55,5
Еврейская АО	3,2	2,0	2,4	1,0	1,4	0,4	2,3	–	–		1,6	1,4
Крестьянские (фермерские) хозяйства												
Россия	2,3	2,8	6,8	9,7	13,3	14,4	18,6	20,2	21,4	21,2	10,4	19,2
Дальний Восток	7,4	7,8	12,2	15,3	15,7	15,7	19,2	18,6	20,3	20,5	14,0	18,9
Республика Саха (Якутия)	16,4	19,5	24,2	26,1	30,1	28,6	10,8	43,9	45,8	46	27,2	35,0
Приморский край	7,4	4,4	10,2	14,4	14,8	12,0	14,6	17,6	21,1	21,5	5,1	17,4
Хабаровский край	2,8	3,0	4,5	4,7	6,0	4,6	8,4	9,8	10,5	11,0	8,1	8,8
Амурская область	4,4	4,4	8,1	13,3	7,7	10,0	17,3	20,7	20,2	20,0	12,6	17,6
Камчатский край	4,4	4,8	14,8	16,8	13,0	17,1	21,9	20,2	23,1	23,5	36,7	21,2

Территория	2001 г.	В среднем за годы						2019 г.	2020 г.	2021 г.	В среднем за годы	
		2001–2003	2004–2006	2007–2009	2010–2013	2014–2015	2016–2018				2001–2013	2014–2021
		Магаданская обл.	16,7	14,8	28,1	37,2	44,2				40,9	51,5
Сахалинская обл.	9,8	11,2	18,6	17,5	19,5	23,5	25,1	19,4	20,4	21,0	30,0	21,9
Еврейская АО	27,7	26,9	25,9	28,5	32,3	46,8	35,6	30,7	14,4	15,0	1,6	28,5
Хозяйства населения												
Россия	79,9	80,4	75,3	71,5	69,2	68,5	56,4	51,7	50,1	49,8	72,0	55,3
Дальний Восток	78,7	79,3	72,4	67,8	64,2	66,1	59,0	59	57,6	57,2	68,0	59,8
Республика Саха (Якутия)	65,6	61,8	62,7	60,2	58,7	63,6	43,8	46,5	46,8	46	59,9	49,3
Приморский край	75,9	80,9	69,0	61,8	55,4	60,2	58,1	57,2	56,8	55,4	89,8	57,5
Хабаровский край	89,9	89,9	87,8	88,4	90,7	90,0	84,8	83	81,2	81	86,0	84,0
Амурская область	88,0	87,3	84,7	81,9	87,0	86,2	74,6	70,6	70,5	71	67,5	74,6
Камчатский край	83,2	82,6	67,8	61,5	65,1	54,5	44,9	46,5	46,8	43,5	56,5	47,2
Магаданская обл.	55,1	62,4	63,3	59,8	52,4	56,8	45,2	51,7	42	42	43,5	47,5
Сахалинская обл.	53,4	55,1	44,8	38,1	41,6	38,9	21,5	18,9	16,9	17	68,4	22,6
Еврейская АО	69,1	71,1	71,7	70,5	66,4	52,9	62,0	69,3	85,6	85	1,6	71,0

Примечание: составлено и рассчитано по [61].

**Структура производства мяса скота и птицы на убой (в убойном весе)
по категориям землепользователей России и Дальнего Востока
(в % от общего объёма производства)**

Территория	2001 г.	В среднем за годы						2019 г.	2020 г.	2021 г.	В среднем за годы	
		2001–2003	2004–2006	2007–2009	2010–2013	2014–2015	2016–2018				2001–2013	2014–2021
		Сельскохозяйственные организации										
Россия	40,8	42,4	46,4	54,3	65,3	73,5	77,7	79,8	80,7	81,2	57,7	77,7
Дальний Восток	28,9	29,4	36,4	46,3	54,3	53,3	41,5	36,9	40,3	47	47,0	44,4
Республика Саха (Якутия)	18,3	16,3	14,6	17,5	33,0	27,6	29,3	32,8	28	24,7	25,7	28,6
Приморский край	26,3	30,1	53,7	66,7	73,1	72,7	77,6	37,8	59,4	76,9	63,3	69,0
Хабаровский край	43,9	44,8	43,0	50,9	56,1	53,4	32,8	13,7	18,4	18,8	51,9	32,0
Амурская область	26,6	28,6	38,0	47,0	51,3	50,0	49,6	56,3	59,6	63,8	45,5	53,6
Камчатский край	32,2	33,0	32,2	39,1	45,3	58,1	74,2	84,3	85,3	85,4	40,8	74,2
Магаданская обл.	40,0	46,7	35,5	21,5	19,7	41,7	49,2	43,6	39	34,3	26,1	43,5
Сахалинская обл.	61,5	59,2	54,7	52,7	61,2	67,6	78,2	87,3	89	90	58,8	79,5
Еврейская АО	10,3	8,3	5,1	6,9	3,7	4,6	9,6	12,7	8,4	3,1	5,0	7,8
Крестьянские (фермерские) хозяйства												
Россия	1,9	2,0	2,4	3,0	2,9	2,9	3,0	3,1	3,1	3,2	2,7	3,0
Дальний Восток	6,3	6,6	7,1	8,7	8,7	8,7	7,7	9	9	8,7	8,2	8,4
Республика Саха (Якутия)	15,0	15,4	20,0	30,0	27,4	28,9	29,0	27	28,1	29,7	25,0	28,7
Приморский край	2,4	2,5	2,2	2,3	3,3	4,6	4,3	11,9	11,1	6,7	2,9	6,5
Хабаровский край	1,3	0,8	0,0	0,9	2,7	2,3	4,9	6,8	6	5,9	1,8	4,7
Амурская область	4,8	4,9	2,9	2,3	3,6	3,5	3,7	4,3	3,9	3,8	3,5	3,8

Территория	2001 г.	В среднем за годы						2019 г.	2020 г.	2021 г.	В среднем за годы	
		2001–2003	2004–2006	2007–2009	2010–2013	2014–2015	2016–2018				2001–2013	2014–2021
		Камчатский край	7,1	7,2	4,9	7,8	7,7				6,2	5,0
Магаданская обл.	0,0	0,0	6,7	29,4	36,2	30,7	26,9	27,2	31,1	50,5	25,8	31,4
Сахалинская обл.	7,7	7,9	11,2	10,4	8,5	8,0	8,2	5,5	5,1	4,7	9,1	7,0
Еврейская АО	6,9	7,1	12,9	18,9	28,5	27,3	16,1	6,2	4,8	7,3	21,8	15,1
Хозяйства населения												
Россия	57,3	55,6	51,2	42,7	31,8	23,6	19,3	17,1	16,2	15,6	39,5	19,2
Дальний Восток	64,8	64,0	56,5	45,0	37,0	38,2	50,8	54,1	50,7	44,3	44,8	47,2
Республика Саха (Якутия)	66,7	68,3	65,4	52,5	39,6	43,6	41,8	40,2	43,9	45,6	49,2	42,8
Приморский край	71,3	67,4	44,1	31,0	23,6	22,8	18,1	50,3	29,6	16,4	33,8	24,5
Хабаровский край	54,8	54,4	57,0	48,3	41,2	44,4	62,4	79,5	75,6	75,2	46,4	63,3
Амурская область	68,6	66,5	59,0	50,7	45,1	46,5	46,7	39,4	36,5	32,4	51,0	42,7
Камчатский край	60,7	59,8	63,0	53,2	46,9	35,8	20,9	12,1	11,4	11,4	52,0	21,1
Магаданская обл.	60,0	53,3	57,8	49,1	44,2	27,6	24,0	29,2	29,9	15,2	48,1	25,2
Сахалинская обл.	30,8	32,9	34,1	36,9	30,3	24,5	13,6	7,2	5,9	5,3	32,1	13,5
Еврейская АО	82,8	84,6	82,0	74,2	67,8	68,2	74,3	81,1	86,8	89,5	73,2	77,1

Примечание: составлено и рассчитано по [61].

**Структура производства молока по категориям землепользователей
России и Дальнего Востока (в % от общего объёма производства)**

Территория	2001 г.	В среднем за годы						2019 г.	2020 г.	2021 г.	В среднем за годы	
		2001–2003	2004–2006	2007–2009	2010–2013	2014–2015	2016–2018				2001–2013	2014–2021
Сельскохозяйственные организации												
Россия	47,2	47	45,1	44,3	45,7	47,3	51,9	54,1	55,5	56,2	45,6	52,0
Дальний Восток	23,3	23,1	21,5	22,6	25,9	27,2	25,4	17,6	18,6	32,3	24,4	24,9
Республика Саха (Якутия)	14,2	13,4	13	13,7	21,1	21,4	20,6	19,6	19,6	17	17,8	20,1
Приморский край	24,3	24,1	23,2	24,1	24,4	27,4	30,7	32	34	31,1	24,1	30,5
Хабаровский край	44,1	44,8	48,9	55,3	55,5	52,6	50,5	40,1	33,3	26,3	53,0	44,5
Амурская область	16,2	17,5	16,3	18,9	20,7	22,4	31,0	30,3	32,7	32,9	19,3	29,2
Камчатский край	51,7	49,7	44,1	41,7	44,1	45,1	55,5	58,1	59,4	59,7	44,6	54,2
Магаданская обл.	68	59,2	47,1	33,5	22,1	10,0	-	-	-	0	32,6	5,0
Сахалинская обл.	41	39,9	36,8	40,2	47,3	49,8	49,7	59,1	61,9	63,8	43,7	54,2
Еврейская АО	9,8	9,5	4,4	3,1	4,7	6,2	5,2	6,4	6,6	7,7	5,1	6,1
Крестьянские (фермерские) хозяйства												
Россия	1,9	2,2	3,2	4,2	5,2	6,4	7,8	8,5	8,8	9,1	4,3	7,8
Дальний Восток	6,5	6,5	11,9	16,5	15,8	17,2	18,3	14,5	15	28	14,0	18,3
Республика Саха (Якутия)	16,1	14,9	26,2	35,6	30,8	29,7	29,7	28,6	30,1	33,8	28,5	30,1
Приморский край	2,1	2,2	2,7	5	10,0	15,4	21,9	24,6	26,2	23,5	7,1	21,3
Хабаровский край	1,6	1,6	1,4	1,6	3,0	3,8	7,7	14,5	18,7	27,5	2,3	11,4
Амурская область	2,8	2,7	3,5	4,1	4,7	5,9	8,3	9,5	6,9	6,7	4,2	7,5

Территория	2001 г.	В среднем за годы						2019 г.	2020 г.	2021 г.	В среднем за годы	
		2001–2003	2004–2006	2007–2009	2010–2013	2014–2015	2016–2018				2001–2013	2014–2021
		Камчатский край	4,1	4,8	6,9	9	9,7				11,4	11,9
Магаданская обл.	8	9,8	20,9	38,3	61,0	86,5	91,0	89,1	89,9	90,1	44,7	89,4
Сахалинская обл.	8,5	8,6	10,7	10,7	12,6	18,0	23,7	22,9	22,9	22,6	11,5	22,0
Еврейская АО	6,1	6,7	14,5	24,5	27,6	17,8	19,9	15,5	12,4	13,1	22,3	17,0
Хозяйства населения												
Россия	50,9	50,8	51,7	51,5	49,1	46,4	40,3	37,4	35,7	34,7	50,1	40,2
Дальний Восток	70,2	70,4	66,6	61	58,4	55,7	56,3	67,9	66,4	46,7	61,6	57,6
Республика Саха	69,7	71,7	60,8	50,7	48,1	49,0	49,7	51,9	50,2	49,3	53,7	49,8
Приморский край	73,6	73,7	74,1	70,9	65,6	57,3	47,4	43,5	39,8	45,4	68,7	48,2
Хабаровский край	54,3	53,6	49,7	43,1	41,6	43,7	41,8	45,4	48	46,2	44,7	44,1
Амурская область	81	79,8	80,2	76,9	74,7	71,8	60,7	60,3	60,4	60,4	76,5	63,4
Камчатский край	44,2	45,5	48,9	49,3	46,3	43,5	32,6	28,3	26,8	25,6	47,0	33,2
Магаданская обл.	24	31	32	28,3	16,9	8,6	9,0	10,9	10,1	9,9	22,7	9,4
Сахалинская обл.	50,5	51,5	52,5	49	40,1	32,3	26,5	18	15,2	13,6	44,8	23,9
Еврейская АО	84,1	83,8	81	72,5	67,7	76,1	74,9	78,1	81	79,2	72,6	76,9

Примечание: составлено и рассчитано по [61].

**Структура производства яиц по категориям землепользователей России
и Дальнего Востока (в % к итогу)**

Год	Россия			Дальний Восток		
	СХО	К(Ф)Х	Хозяйства населения	СХО	К(Ф)Х	Хозяйства населения
2001	71,3	0,5	28,2	70,4	1,3	28,3
2002	72,4	0,6	27	73	1,6	25,4
2003	72,8	0,5	26,7	72,1	2,5	25,4
2004	72,5	0,5	27	76,7	1,7	21,6
2005	73,7	0,7	25,6	75	2,6	22,4
2006	74,7	0,7	24,6	75,6	2,4	22
2007	74,4	0,8	24,8	72,9	4,5	22,6
2008	74,6	0,9	24,5	77,6	3,5	18,9
2009	75,7	0,8	23,5	79,5	2,8	17,7
2010	77,1	0,8	22,1	80,9	2,3	16,8
2011	77,5	0,8	21,7	78	0,8	21,2
2012	80,8	2,4	16,8	81,8	2,4	15,8
2013	78,1	0,7	21,1	83,6	0,8	15,6
<i>В среднем за 2001–2013</i>	75,0	0,8	24,1	76,7	2,2	21,1
2014	77,8	0,8	21,4	84,4	0,8	14,8
2015	78,5	0,9	20,7	83	2,1	14,9
2016	79,3	1	19,6	81,7	3,1	15,2
2017	80,1	1	18,8	81,9	3,3	14,8
2018	80,5	1	18,4	81,6	3,5	15
2019	80,7	1,1	18,2	79,4	4,5	16,1
2020	80,8	1,2	18	82,6	3,5	13,9
2021	81,2	1,2	17,6	82,9	3,2	13,9
<i>В среднем за 2014–2021</i>	79,9	1,0	19,1	82,2	3,0	14,8

Примечание: составлено и рассчитано по [61].

Приложение Б

Таблица П.Б.1

Анализ эффективности использования основных производственных фондов сельского хозяйства России и Дальнего Востока

Год	Россия	Дальний Восток	Республика Саха (Яку- тия)	Приморский край	Хабаров- ский край	Амурская область
Фондоотдача, руб.						
2001	0,80	0,73	0,96	0,62	0,97	0,69
2003	0,91	0,77	0,86	0,58	1,60	0,64
2005	1,04	0,81	0,90	0,50	1,21	0,81
2007	1,08	0,88	0,99	0,50	0,85	0,98
2009	1,04	1,06	1,04	0,67	0,98	1,35
2010	0,95	1,07	1,00	0,65	1,13	1,26
2011	1,09	1,15	1,01	0,74	1,07	1,53
2012	1,03	1,01	1,06	0,60	0,99	1,40
2013	1,05	0,87	1,12	0,53	0,92	0,98
<i>В среднем за 2001–2013</i>	<i>1,00</i>	<i>0,90</i>	<i>0,96</i>	<i>0,60</i>	<i>1,12</i>	<i>1,02</i>
2014	1,14	1,09	1,13	0,67	1,00	1,65
2015	1,26	1,16	1,15	0,67	1,09	1,92
2015	1,24	1,15	1,18	0,67	1,05	2,1
2017	1,25	1,14	1,17	0,68	1,08	2,12
2019	1,25	1,17	1,14	0,69	1,00	2,34
2020	1,19	1,16	1,17	0,7	1,10	2,01
2021	1,22	1,18	1,19	0,7	1,09	1,98
<i>В среднем за 2014–2021</i>	<i>1,22</i>	<i>1,15</i>	<i>1,16</i>	<i>0,68</i>	<i>1,06</i>	<i>2,02</i>
Фондовооружённость, тыс. руб.						
2001	145	185	157	124	169	266
2003	164	211	260	165	144	223
2005	176	183	326	181	106	245
2007	253	225	339	245	226	249
2009	350	263	392	297	295	256
2010	399	292	424	324	332	293
2011	445	321	441	358	362	325
2012	489	373	440	475	386	360
2013	539	437	445	573	445	453

Окончание табл. П.Б.1

Год	Россия	Дальний Восток	Республика Саха (Яку- тия)	Приморский край	Хабаров- ский край	Амурская область
<i>В среднем за 2001–2013</i>	272	245	332	250	230	269
2014	495	421	441	547	350	542
2015	536	441	443	591	350	551
2016	520	434	445	542	350	541
2017	495	421	441	547	359	542
2018	536	441	443	591	360	551
2019	541	450	440	590	367	561
2020	552	451	445	597	376	557
2021	563	449	446	601	383	508
<i>В среднем за 2014–2021</i>	530	439	443	576	362	544

Примечание: рассчитано по [61].

Таблица П.Б.2

**Среднегодовая стоимость сельскохозяйственной продукции* в расчёте
на среднегодового работника, занятого в сельскохозяйственном
производстве по всем категориям хозяйств России и Дальнего Востока,
тыс. руб./чел.**

Год	Территория					
	Россия	Дальний Восток	Республика Саха (Якутия)	Примор- ский край	Хабаровский край	Амурская область
2001	116	135	150	77	164	184
2002	113	128	147	71	164	166
2003	119	129	178	76	183	113
2004	129	144	194	85	178	168
2005	117	95	185	58	82	126
2006	122	97	177	67	86	110
2007	138	101	170	62	98	124
2008	163	108	173	72	101	135
2009	153	121	174	86	135	146
2010	142	121	162	82	155	138
2011	162	127	151	91	143	167
2012	150	116	141	88	127	151
2013	122	104	134	83	121	119
<i>2013 в % к 2001</i>	<i>130</i>	<i>86,4</i>	<i>94</i>	<i>114,9</i>	<i>77</i>	<i>81,9</i>
2014	134	113	120	89	92	132
2015	143	112	110	86	90	225
2016	155	101	110	86	90	230
2017	167	120	119	85	88	234
2018	189	131	113	87	91	234
2019	192	126	121	88	92	234
2020	194	119	127	92	94	236
2021	196	137	124	94	90	247
<i>2021 в % к 2014</i>	<i>146,27</i>	<i>121,24</i>	<i>103,33</i>	<i>105,62</i>	<i>97,83</i>	<i>187,12</i>
<i>2021 в % к 2001</i>	<i>168,97</i>	<i>101,48</i>	<i>82,67</i>	<i>122,08</i>	<i>54,88</i>	<i>134,24</i>

* – дисконтированная при норме дисконта 12 %.

Примечание: рассчитано по [61].

Приложение В

Таблица П.В.1

Анализ качества структурных сдвигов в сельском хозяйстве России (по всем категориям хозяйств)

Год	Показатели качества структурных сдвигов					
	в изменении численности групп землепользователей		в распределении посевных площадей		в выпуске сельхозпродукции (в фактических ценах)	
	Интенсивность, млн ед.	Направленность	Интенсивность, млн га	Направленность	Интенсивность, млн руб.	Направленность
1997	0,372	-1,000	3,486	-1,000	5651	0,707
1998	2,395	-1,000	5,76	-0,858	39620	-1,000
1999	0,886	-1,000	3,815	-0,873	10772	1,000
2000	1,263	0,990	3,962	-0,734	16099	1,000
<i>В среднем за 1997–2000</i>	<i>1,229</i>	<i>-0,503</i>	<i>4,256</i>	<i>-0,866</i>	<i>18036</i>	<i>0,427</i>
<i>Коэффициент правдоподобия структурного сдвига (за 1997–2000)</i>	<i>-0,419</i>		<i>-0,968</i>		<i>-0,105</i>	
2001	0,708	-0,989	3,474	-0,192	19027	1,000
2002	0,402	-1,000	2,511	-0,070	5915	0,470
2003	0,103	-0,942	6,606	-0,754	9918	-0,123
2004	0,216	-1,000	3,537	-0,229	14255	0,556
2005	1,315	-1,000	3,455	-0,378	7951	0,611
2006	2,233	-1,000	2,94	-0,127	10215	1,000
2007	0,62	-1,000	2,608	-0,284	11064	1,000
2008	0,518	-1,000	3,379	0,165	36296	1,000
2009	0,062	0,516	0,882	1,000	6672	0,710
2010	0,017	-1,000	3,630	1,000	76588	0,938
2011	0,018	-1,000	3,741	-1,000	673945	1,000
2012	0,013	-1,000	0,161	-0,112	77464	1,000
2013	0,055	-1,000	0,190	0,895	34792	1,000
<i>В среднем за 2001–2013</i>	<i>0,483</i>	<i>-0,878</i>	<i>2,855</i>	<i>-0,007</i>	<i>75 700</i>	<i>0,782</i>
<i>Коэффициент правдоподобия структурного сдвига за 2001–2013</i>	<i>-0,623</i>		<i>-0,292</i>		<i>0,456</i>	

Год	Показатели качества структурных сдвигов					
	сдвига в изменении численности групп землепользователей		в распределении посевных площадей		в выпуске сельхозпродукции (в фактических ценах)	
	Интенсивность, млн ед.	направленность	Интенсивность, млн га	направленность	Интенсивность, млн руб.	направленность
2014	0,081	-1,000	0,199	0,2	63198	1,000
2015	0,006	-1,000	0,14	0,571	85666	1,000
2016	0,092	-1,000	0,187	0,314	75473	1,000
2017	0,016	-1,000	0,211	0,212	74555	1,000
2018	0,023	-0,901	0,303	0,301	61402	1,000
2019	0,101	-0,805	0,021	-0,01	50387	1,000
2020	0,102	-1,000	0,111	-0,022	23138	1,000
2021	0,081	0,002	0,439	0,561	56390	1,000
<i>В среднем за 2014–2021</i>	0,063	-0,838	0,201	0,266	61276	1,000
<i>Коэффициент правдоподобия структурного сдвига за 2014–2021</i>	-0,757		0,883		0,960	

Примечание: рассчитано по [61].

**Анализ качества структурных сдвигов в сельском хозяйстве
Дальнего Востока (по всем категориям хозяйств)**

Год	Показатели качества структурных сдвигов					
	в изменении численности групп землепользователей		в распределении посевных площадей		в выпуске сельхозпродукции (в фактических ценах)	
	Интенсивность, млн ед.	Направленность	Интенсивность, млн га	Направленность	Интенсивность, млн руб.	Направленность
1997	0,022	-1,000	0,217	-0,938	1269	-0,972
1998	0,074	-0,999	0,115	-0,850	1007	0,461
1999	0,098	-1,000	0,119	-0,847	664	-1,000
2000	0,009	-0,991	0,139	-1,000	268	-1,000
<i>В среднем за 1997–2000</i>	<i>0,051</i>	<i>-0,998</i>	<i>0,148</i>	<i>-0,909</i>	<i>802</i>	<i>-0,628</i>
<i>Коэффициент правдоподобия структурного сдвига (за 1997–2000)</i>	<i>-0,813</i>		<i>-0,970</i>		<i>-0,541</i>	
2001	0,002	0,585	0,093	-0,657	717	1,000
2002	0,088	-1,000	0,045	-0,327	250	0,762
2003	0,008	0,893	0,114	-0,601	602	-0,902
2004	0,026	0,989	0,123	-1,000	830	0,026
2005	0,056	-1,000	0,053	0,757	438	-0,527
2006	0,020	-1,000	0,068	0,648	993	0,232
2007	0,044	-0,998	0,029	0,719	420	0,915
2008	0,052	-1,000	0,06	1,000	567	1,000
2009	0,024	-1,000	0,088	1,000	721	0,639
2010	0,010	-1,000	0,262	-0,036	822	1,000
2011	0,010	-0,298	0,099	1,000	1576	1,000
2012	0,001	0,068	0,191	0,999	285	0,713
2013	0,002	-1,000	0,076	-1,000	351	-1,000
<i>В среднем за 2001–2013</i>	<i>0,026</i>	<i>-0,443</i>	<i>0,100</i>	<i>0,192</i>	<i>659,385</i>	<i>0,374</i>
<i>Коэффициент правдоподобия структурного сдвига за 2001–2013</i>	<i>-0,628</i>		<i>0,155</i>		<i>0,518</i>	

Год	Показатели качества структурных сдвигов					
	в изменении численности групп землепользователей		в распределении посевных площадей		в выпуске сельхозпродукции (в фактических ценах)	
	Интенсивность, млн ед.	направленность	Интенсивность, млн га	направленность	Интенсивность, млн руб.	направленность
2014	0,001	-1,000	0,193	0,996	3524	1,000
2015	0,001	-0,751	0,099	0,966	1681	1,000
2016	0,002	-0,564	0,087	0,856	1924	1,000
2017	0,01	-0,432	0,15	-0,009	1311	1,000
2018	0,02	-0,235	0,099	0,031	1422	1,000
2019	0,05	-0,902	0,024	-0,12	815	-0,904
2020	0,058	-1,000	0,701	0,524	342	-0,735
2021	0,041	-0,963	0,08	1,000	1015	1,000
<i>В среднем за 2014–2021</i>	<i>0,023</i>	<i>-0,731</i>	<i>0,179</i>	<i>0,531</i>	<i>1504</i>	<i>0,545</i>
<i>Коэффициент правдоподобия структурного сдвига за 2014–2021)</i>	<i>-0,781</i>		<i>0,532</i>		<i>0,737</i>	

Примечание: рассчитано по [61].

Приложение Г

Таблица П.Г.1

Исходные данные для модели структурных сдвигов в сельском хозяйстве (в разрезе основных групп землепользователей России)

Год	Темп роста производства сельхозпродукции в хозяйствах всех категорий (в сопоставимых ценах) % (y)	Индекс структурного сдвига, %			Масса структурного сдвига в выпуске сельхозпродукции СХО (в сопоставимых ценах) млрд руб. (x_4)
		в посевных площадях СХО (x_1)	в численности хозяйств населения (x_2)	в численности К(Ф)Х (x_3)	
1997	101,5	-2,9	-0,954	-1,543	3,361
1998	86,8	-6,134	-6,277	-1,495	-30,833
1999	104,1	-4,4	-2,443	-3,368	6,079
2000	106,2	-4,426	3,618	0,23	7,594
<i>В среднем за 1997–2000</i>	<i>99,7</i>	<i>-4,465</i>	<i>-1,514</i>	<i>-1,544</i>	<i>-3,45</i>
2001	106,9	-2,79	-1,944	1,452	14,014
2002	100,9	-1,862	-1,133	-0,565	2,525
2003	99,9	-8,185	-0,287	-0,038	-5,569
2004	102,4	-3,299	-0,575	-0,947	6,724
2005	101,6	-3,779	-3,757	-1,53	4,462
2006	103	-2,634	-6,607	-0,777	6,381
2007	103,3	-2,388	-1,897	-0,901	7,585
2008	110,8	1,587	-1,649	-1,146	26,305
2009	101,4	0,305	0,157	-0,44	1,509
2010	88,7	34,214	-3,617	-6,022	-20,16
2011	123	-27,99	-9,052	-8,629	49,138
2012	95,2	-1,59	-7,683	-6,545	-11,177
2013	105,8	0,718	-6,665	-4,252	17,471
<i>В среднем за 2001–2013</i>	<i>103,300</i>	<i>-1,361</i>	<i>-3,439</i>	<i>-2,334</i>	<i>7,631</i>
2014	104,1	-1,426	-14,652	-7,106	15,106
2015	102,1	-1,462	-11,838	-1,8	11,066
2016	104,8	-0,125	-4,325	-4,87	15,742
2017	102,9	-0,059	-7,002	-3,98	10,224
2018	99,8	-0,115	-3,524	-1,56	13,231

Окончание табл. П.Г.1

Год	Темп роста производства сельхозпродукции в хозяйствах всех категорий (в сопоставимых ценах) % (y)	Индекс структурного сдвига, %			Масса структурного сдвига в выпуске сельхозпродукции СХО (в сопоставимых ценах) млрд руб. (x_4)
		в посевных площадях СХО (x_1)	в численности хозяйств населения (x_2)	в численности К(Ф)Х (x_3)	
2019	104,3	0,174	-5,332	-7,281	14,915
2020	101,3	0,102	-5,923	-4,732	15,005
2021	99,6	0,115	-5,534	-0,981	16,314
<i>В среднем за 2014–2021 гг.</i>	<i>102,400</i>	<i>-0,350</i>	<i>-7,300</i>	<i>-4,000</i>	<i>14,000</i>
<i>В среднем за 1997–2021</i>	<i>102,416</i>	<i>-1,534</i>	<i>-4,356</i>	<i>-2,753</i>	<i>7,880</i>

Примечание: рассчитано по [61].

**Исходные данные для модели структурных сдвигов в сельском хозяйстве
(в разрезе основных групп землепользователей Дальнего Востока)**

Год	Темп роста производства сельхозпродукции в хозяйствах всех категорий (в сопоставимых ценах) % (y)	Индекс структурного сдвига, %			Масса структурного сдвига (в сопоставимых ценах), млрд руб.	
		в посеваемых площадях СХО (x ₁)	в численности хозяйств населения (x ₂)	в посеваемых площадях К(Ф)Х (x ₃)	в выпуске сельхозпродукции К(Ф)Х (x ₄)	в выпуске сельхозпродукции хозяйствами населения (x ₅)
1997	96,6	-12,586	-2,000	4,921	0,018	-0,335
1998	122,9	-6,927	-7,000	6,038	0,030	0,706
1999	98,8	-8,123	-10,000	5,292	-0,055	-0,071
2000	98,2	-10,466	-1,011	-4,014	-0,004	-0,042
<i>В среднем за 1997–2000</i>	<i>104,1</i>	<i>-9,526</i>	<i>-5,003</i>	<i>3,059</i>	<i>-0,003</i>	<i>0,065</i>
2001	108,8	-6,423	0,200	10,369	0,093	0,501
2002	105,2	-2,382	-10,000	8,846	0,038	-0,030
2003	96,8	-8,315	0,943	12,334	0,030	-0,334
2004	96,8	-11,578	3,270	-3,403	0,172	-0,404
2005	100,3	2,765	-6,803	12,046	0,062	-0,334
2006	141,9	-0,383	-2,638	25,029	0,317	-0,381
2007	103,3	0,027	-5,921	8,699	0,076	-0,018
2008	105,2	4,434	-7,381	5,781	0,048	0,250
2009	103,5	4,802	-3,527	13,710	0,138	-0,130
2010	101,8	3,087	-1,872	-8,647	0,027	-0,109
2011	107,6	2,07	-1,872	21,738	0,304	0,078
2012	97,4	11,818	-1,872	18,568	-0,118	0,054
2013	89,8	-6,389	-1,872	-0,848	-0,325	-0,506
<i>В среднем за 2001–2013</i>	<i>104,492</i>	<i>-0,497</i>	<i>-3,027</i>	<i>9,556</i>	<i>0,066</i>	<i>-0,105</i>
2014	115,2	8,792	-1,872	21,448	0,715	0,441
2015	95,4	4,122	-1,872	8,933	-0,017	-0,283
2016	98,5	4,552	-1,111	23,908	0,321	-0,541
2017	107,7	3,122	-1,321	7,562	0,124	-0,283
2018	97,3	2,211	-1,832	-1,231	0,515	-0,671
2019	92,4	2,522	1,169	-2,761	-0,014	-0,283
2020	102,5	3,135	-1,672	5,631	0,152	-0,821
2021	106,9	4,122	-1,972	8,452	0,217	-0,283
<i>В среднем за 2014–2021</i>	<i>101,988</i>	<i>4,072</i>	<i>-1,310</i>	<i>8,993</i>	<i>0,252</i>	<i>-0,341</i>
<i>В среднем за 1997–2021</i>	<i>103,632</i>	<i>-0,48</i>	<i>-2,794</i>	<i>8,336</i>	<i>0,115</i>	<i>-0,153</i>

Примечание: рассчитано по [61].

Приложение Ж

Таблица П.Ж.1

Нормирование показателей характеристики крупных СХО Приморского края в разрезе организационно-правовых форм по размеру (в расчете на одно хозяйство)* в среднем за 2014–2021 гг.

Показатель	СХПК		ООО		ЗАО (АО)		ОАО (ПАО)	
	Ед. изм.	b_i^H	Ед. изм.	b_i^H	Ед. изм.	b_i^H	Ед. изм.	b_i^H
I. Прямые (стоимостные) показатели размера предприятия								
1) выручка от продажи, тыс. руб.	38 286	0,495	53967	0,698	67 578	0,874	77 285	1,000
2) валовая прибыль (убыток, «-»), тыс. руб.	2663	0,145	4735	0,258	18 363	1,000	9377	0,511
II. Косвенные (дополнительные) показатели размера предприятия:								
1) среднегодовая численность работников, чел.	151	0,799	156	0,825	189	1,000	89	0,471
2) среднегодовая стоимость основных фондов, тыс. руб.	68 087	0,898	68 714	0,906	30 958	0,408	75 813	1,000
3) площадь сельхозугодий, га	10 304	1,000	8196	0,795	9484	0,920	9124	0,885
4) площадь пашни, га	3962	0,557	6923	0,973	5953	0,836	7117	1,000

* – здесь и далее жирным шрифтом выделено критериальное значение показателя.

**Нормирование показателей экономической эффективности крупных
СХО Приморского края в разрезе организационно-правовых форм
(в расчете на одно хозяйство) в среднем за 2014–2021 гг.**

Показатель	СХПК		ООО		ЗАО (АО)		ОАО (ПАО)	
	Ед. изм.	b_i^H	Ед. изм.	b_i^H	Ед. изм.	b_i^H	Ед. изм.	b_i^H
Выручка от продажи								
– на 1 га пашни, тыс. руб.	15,29	0,316	8,48	0,175	11,06	0,229	48,38	1,000
– на 1 руб. основных средств, руб.	0,63	0,139	1,07	0,236	3,79	0,835	4,54	1,000
– на одного среднегодового работника, тыс. руб.	290,76	0,335	479,95	0,553	328,49	0,378	868,37	1,000
– на 1 руб. материальных затрат, тыс. руб.	1,07	0,781	1,10	0,803	1,37	1,000	1,03	0,752
Валовая прибыль:								
– на 1 га пашни, тыс. руб.	2,27	0,712	1,24	0,389	3,19	1,000	1,32	0,414
– на 1 руб. основных средств, руб.	0,039	0,028	0,162	0,117	1,39	1,000	0,124	0,089
– на одного среднегодового работника, тыс. руб.	17,60	0,167	30,43	0,289	81,69	0,775	105,36	1,000
Среднегодовая стоимость основных фондов:								
– на одного среднегодового работника, тыс. руб.	598,49	0,128	436,12	0,093	4684,50	1,000	851,83	0,182
– на 100 га сельскохозяйственных угодий, тыс. руб.	1498,93	1,804	780,56	0,939	297,18	0,358	830,89	1,000
Уровень рентабельности предприятия, %	8,63	0,496	9,90	0,569	17,4	1,000	2,80	0,161

**Нормирование показателей эффективности отрасли растениеводства
в крупных СХО Приморского края в разрезе организационно-правовых
форм (в расчете на одно хозяйство)**

Показатель	СХПК		ООО		ЗАО (АО)		ОАО (ПАО)	
	Ед. изм.	b_i^H	Ед. изм.	b_i^H	Ед. изм.	b_i^H	Ед. изм.	b_i^H
Уровень рентабельности производства продукции растениеводства, %	19,6	1,000	13,9	0,709	15,4	0,786	15,1	0,770
Выход продукции с 1 га посевной площади, ц:								
– зерновых	14,9	1,000	14,3	0,960	13,1	0,879	14,4	0,966
– сои	15,7	1,000	10,0	0,637	5,9	0,376	6,3	0,401
– картофеля	136,7	0,750	168,6	0,925	174,3	0,957	182,2	1,000
– овощей	153,1	0,966	158,5	1,000	150,0	0,946	142,5	0,899
Себестоимость производства 1 ц, руб.:								
– зерновых	718,9	1,000	899,2	0,799	936,9	0,767	1002,3	0,717
– сои	764,9	1,000	1164,7	0,657	1429,8	0,535	1274,3	0,600
– картофеля	393,7	1,000	399,5	0,985	394,5	0,998	493,8	0,797
– овощей	324,7	1,000	340,7	0,953	374,3	0,867	433,2	0,750

**Нормирование показателей эффективности отрасли животноводства
в крупных СХО Приморского края в разрезе организационно-правовых
форм (в расчете на одно хозяйство)**

Показатель	СХПК		ООО		ЗАО (АО)		ОАО (ПАО)	
	Ед. изм.	b_i^H	Ед. изм.	b_i^H	Ед. изм.	b_i^H	Ед. изм.	b_i^H
Окупаемость затрат производства продукции животноводства, %	94,7	0,995	95,2	1,000	88	0,924	83,8	0,880
Среднегодовой надой молока на одну корову, кг	3336,3	0,998	2853,8	0,854	3343,6	1,000	2412,5	0,722
Среднесуточный прирост живой массы, гр:								
– КРС	298,9	0,888	336,7	1,000	326,8	0,971	217,0	0,644
– свиней	234,9	1,000	126,4	0,538	161,3	0,687	160,4	0,683
Себестоимость 1 ц продукции, руб.:								
– молока	2493,4	1,000	3460,8	0,720	4786,6	0,521	4579,4	0,544
– прироста массы КРС	12742,7	1,000	25 935,8	0,491	20 007	0,637	19 985	0,638
– прироста массы свиней	10349,6	1,000	24 138,2	0,429	13 719	0,754	14 564	0,711

**Нормирование показателей характеристики малых сельхозпредприятий
Приморского края в разрезе организационно-правовых форм по размеру
(в расчете на одно хозяйство)**

Показатель	СХПК		ООО		ЗАО (АО)		ОАО (ПАО)		Коллективные хозяйства	
	Ед. изм.	b_i^H	Ед. изм.	b_i^H	Ед. изм.	b_i^H	Ед. изм.	b_i^H	Ед. изм.	b_i^H
I. Прямые (стоимостные) показатели размера предприятия										
Выручка от продажи, тыс. руб.	8270	0,779	8499	0,801	10 617	1,000	9029	0,850	9575	0,902
Валовая прибыль (убыток), тыс. руб.	823	0,799	286	0,278	-691	-0,671	1030	1,000	-393	-0,382
II. Косвенные (дополнительные) показатели размера предприятия:										
Среднегодовая численность работников, чел.	30	0,577	37	0,712	38	0,731	37	0,712	52	1,000
Среднегодовая стоимость основных фондов, тыс. руб.	23 659	0,692	15 933	0,466	28 084	0,821	21 269	0,622	34 198	1,000
Площадь сельхозугодий, га	2468	0,696	1824	0,514	3546	1,000	2967	0,837	3366	0,949
Площадь пашни, га	1766	0,755	1469	0,628	2340	1,000	1524	0,651	2063	0,882

**Нормирование показателей экономической эффективности малых
сельхозпредприятий Приморского края в разрезе организационно-
правовых форм (в расчете на одно хозяйство)**

Показатель	СХПК		ООО		ЗАО (АО)		ОАО (ПАО)		Коллектив- ные хозяйст- ва	
	Ед. изм.	b_i''	Ед. изм.	b_i''	Ед. изм.	b_i''	Ед. изм.	b_i''	Ед. изм.	b_i''
Выручка от продажи:										
– на 1 га паш- ни, тыс. руб.	4,50	0,618	7,28	1,000	5,85	0,804	5,86	0,805	5,28	0,725
– на 1 руб. основных средств, руб.	0,57	0,432	1,32	1,000	0,36	0,273	0,40	0,303	0,32	0,242
– на одного среднегодово- го работника, тыс. руб.	303,1	1,000	272,4	0,898	192,9	0,636	295,3	0,974	178,7	0,590
– на 1 руб. материальных затрат, тыс. руб.	1,11	1,000	1,03	0,928	0,94	0,847	1,03	0,928	0,96	0,865
Валовая прибыль:										
– на 1 га паш- ни, тыс. руб.	0,67	0,985	0,42	0,618	-0,45	-0,662	0,68	1,000	-0,09	-0,132
– на 1 руб. основных средств, руб.	0,035	0,729	0,018	0,375	-0,025	-0,521	0,048	1,000	-0,011	-0,229
– на одного среднегодово- го работника, тыс. руб.	27,22	0,964	7,76	0,275	-18,44	-0,653	28,23	1,000	-7,61	-0,270
Среднегодовая стоимость основных фондов, тыс. руб.:										
– на одного среднегодово- го работника	929	0,917	561	0,554	1012	1,000	667	0,659	716	0,708
– на 100 га сельхозугодий	926	0,920	919	0,913	836	0,830	746	0,741	1007	1,000
Уровень рен- табельности предприятия, %	10,3	0,944	1,7	0,160	-9,3	-0,852	10,9	1,000	-6,1	-0,560

**Нормирование показателей эффективности отрасли растениеводства
в малых сельскохозяйственных предприятиях Приморского края в разрезе
организационно-правовых форм (в расчете на одно хозяйство)**

Показатель	СХПК		ООО		ЗАО (АО)		ОАО (ПАО)		Коллективное хозяйство	
	Ед. изм.	b_i^H	Ед. изм.	b_i^H	Ед. изм.	b_i^H	Ед. изм.	b_i^H	Ед. изм.	b_i^H
Уровень рентабельности производства продукции растениеводства, %	18,7	1,000	2,2	0,118	3,3	0,176	15,9	0,850	3,19	0,171
Выход продукции с 1 га посевной площади, ц:										
– зерновых	15,1	0,993	15,0	0,987	11,8	0,776	15,2	1,000	10,70	0,704
– сои	7,6	0,704	10,8	1,000	8,7	0,806	7,8	0,722	6,10	0,565
– картофеля	145,0	0,849	170,7	1,000	110,9	0,650	141,8	0,831	145,67	0,853
– овощей	148,5	0,926	160,4	1,000	130,7	0,815	128,0	0,798	141,55	0,882
Себестоимость производства 1 ц, руб.:										
– зерновых	510,6	1,000	699,2	0,730	787,1	0,649	995,2	0,513	573,05	0,891
– сои	1008,5	0,965	972,9	1,000	1306,8	0,744	1180,1	0,824	1204,1	0,808
– картофеля	567,2	0,708	530,8	0,756	401,4	1,000	564,1	0,712	464,55	0,864
– овощей	397,9	0,747	467,9	0,635	363,6	0,817	393,7	0,755	297,10	1,000

**Нормирование показателей эффективности отрасли животноводства
в малых сельскохозяйственных предприятиях Приморского края в разрезе
организационно-правовых форм (в расчете на одно хозяйство)**

Показатель	СХПК		ООО		ЗАО (АО)		ОАО (ПАО)		Коллективные хозяйства	
	Ед. изм.	b_i^H	Ед. изм.	b_i^H	Ед. изм.	b_i^H	Ед. изм.	b_i^H	Ед. изм.	b_i^H
Окупаемость затрат производства продукции животноводства, %	93,1	0,938	99,3	1,000	87,1	0,877	75,1	0,756	86,1	0,867
Среднегодовой надой молока на одну корову, кг	2855	0,954	2993	1,000	2627	0,878	1782	0,595	2978	0,995
Среднесуточный прирост живой массы, гр.:										
– КРС	295,5	0,599	493,0	1,000	313,1	0,635	187,6	0,381	332,0	0,673
– свиней	173,2	1,000	134,0	0,774	146,5	0,846	152,5	0,880	138,7	0,801
Себестоимость 1 ц продукции, руб.:										
– молока	3378	0,858	2899	1,000	5714	0,507	3909	0,742	3119	0,929
– прироста массы КРС	14626	0,891	13032	1,000	20942	0,622	21296	0,612	16777	0,777
– прироста массы свиней	18403	0,758	14246	0,979	13945	1,000	14839	0,940	20709	0,673

Научное издание

Латкин Александр Павлович

Жуплей Ирина Викторовна

**СТРУКТУРНАЯ ПОЛИТИКА РАЗВИТИЯ
ПОТЕНЦИАЛА ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ
РОССИЙСКОГО ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА**

Монография

Редактор И.Г. Шабунина

Компьютерная верстка М.А. Портновой

Подписано печать: 27.07.2023. Формат 70x100/16.
Уч.-изд. л. 10,0. Усл.-печ.л. 10,70
Тираж 500 экз. (1–50) Заказ 410

Издательство Владивостокского государственного университета
690014, г. Владивосток, ул. Гоголя, 41
Отпечатано в ресурсном информационно-методическом центре ВВГУ
690014, г. Владивосток, ул. Гоголя, 41

ISBN 978-5-9736-0700-5

9 785973 607005